



К  
Н  
И  
Г  
А  
В  
Т  
О  
Р  
А  
Я



# ЯРКОГ ЛАЗАЯ

ДЭВИД  
КУДЛЕР

Может ли одна девочка остановить убийцу?

Будущее Японии на кону, и девочка, которая любит лазать, должна стать спасением.

Две армии прибыли к Полной Луне, и война, которая разрывала Японию больше века, грозит уничтожить школу госпожи Чийомэ для юных жриц храма (и убийц).

В продолжении Рисуко ждут военачальники, самураи, злые повара и монстр в горах, правда об отце, шпион среди куноичи...

И убийца.

Кто-то убивает лейтенанта Такеды, изображая самоубийство. Сможет ли Рисуко понять, кто это сделал?

И не позволить такому повториться?

**Перевод: Kuromiya Ren**

**Пролог: Особенная**

Меня зовут Кано Мурасаки, но все зовут меня Рисуко. Белка.

Все, кроме Ки Сана, повара-корейца. Он зовет меня Яркоголазой.

Он говорит, что не может запомнить японские прозвища. Но разве Яркоголазую запомнить проще, чем Рисуко?

Когда госпожа Чийомэ привела меня, Эми и Тоуми в ее поместье, Полную Луну, она сказала нам, что в ее силе дать нам то, что мы и не знали, что хотели.

Мы не знаем, что это.

Но мы знаем, что в Полной Луне нас учат быть куноичи.

Шпионами.

Телохранителями.

Убийцами.

И Ки Сан научил нас готовить, и мы научились танцевать и играть музыку, помогать в ритуалах, как жрицы храма, мико, с наставлениями старших женщин.

*Куноичи.*

«Особый вид женщин», — говорит госпожа Чийомэ.

Я не знаю, особенная ли я. Я просто люблю лазать по деревьям.

**1 — Поднимающаяся волна**

*Провинция Тёмного письма, Земля Восходящего Солнца, месяц Гортензий Второго года правления Генки*

(провинция Шинано, Япония, весна 1571)

Я должна была взять нож, который мне протянула Миэко рукоятью к моей ладони.

Должна была. Но не могла.

— Рисуко, — прошептала Миэко, глядя мне в глаза. Я ощущала взгляды остальных девушек и женщин Полной Луны, холодных, как белый снег, даже весенним утром с ясным небом.

Я взглянула на свинью, которая билась в веревках, визжа.

Мы были возле кухни Полной Луны, рядом с колодцем. Свинья извивалась, но ее ноги были привязаны к четырем тяжелым столбикам, которые Эми, Тоуми и я вколотили в вытопанную землю с гравием.

Меня останапливало, не давало взять длинный узкий клинок из руки Миэко-сан не то,

что свинья была в ужасе. Ее вопли заставляли все внутри сжиматься, но я уже убивала зверей для кухни Полной Луны — куриц, зайцев, даже козу.

Но этот зверь был в потрепанной броне самурая и со шлемом на голове. И я могла думать лишь...

Долгой снежной зимой Миэко и другие куноичи использовали эту броню, чтобы научить нас ее слабым местам — показать нам, где даже вооруженный воин был уязвимым. Мы вонзали ножи в подмышки или между пластинами спереди и сзади, и это не казалось реальным, броня была на соломенной кукле, как на чучеле, которое ставили у рисовых полей, чтобы отгонять птиц.

Но кричащая и вырывающаяся свинья была настоящей. Она почти выглядела как человек. Почти выглядела как самурай. Как...

Я опустила взгляд и покачала головой.

— Я не могу, — почти беззвучно сказала я.

Миэко начала говорить, но покачала головой и протянула нож рукоятью к Эми, которая нахмурилась, но взяла его.

Я побежала.

\* \* \*

Я все еще бежала — мимо нашего общежития, мимо белой стены Главного зала, когда врзалась в лейтенанта Масугу. Точнее, в его большого черного коня Иназуму.

— Решила ползать по деревьям, Мурасаки? — лейтенант вел Иназуму за поводья.

Я взглянула на него и покачала головой.

— Я не видел, чтобы ты лазала, с... давно, — его глаза были маленькими тревожными полумесяцами под шлемом.

Я моргнула.

— Вы уезжаете, Масугу-сан? — Иназума нес сумку с припасами, и Масугу был в полной броне — не в обычной сияющей черной броне с четырьмя бриллиантами Такеда на груди, а в потрепанной коричневой броне с белым диском Мочизуки, Полной Луны.

Он был одет почти так же, как свинья.

Я уже не слышала визг.

Лейтенант кивнул.

— Пора ехать.

— Вы не дождетесь возвращения госпожи Чийомэ?

Он покачал головой.

— Она знала, что мне нужно будет уехать, как только пути на запад будут чистыми. Она не удивится.

Я обвила себя руками.

— Я... мы будем скучать по вам.

«Миэко-сан будет скучать больше всех», — подумала я, но такое лучше было не говорить.

— Я должен добраться за месяц до столицы, доставить... письмо, которое ты мне вернула, и приехать сюда. Время быстро пролетит.

Я пожала плечами. Письмо. Боевая карта, где была показана общая атака Такеда-Матсудаира на отряды лорда Ода в столице, подписанная гербом Матсудаира из трех листьев дикого имбиря. Письмо, из-за которого беловолосая Фуюдори пыталась убить нас в ночь...

Масугу улыбнулся и похлопал меня по руке. Его конь нетерпеливо заржал.

— Иназума хочет побегать.

Я кивнула.

— А у тебя разве нет уроков? Ты не должна быть с остальными?

Мне стало не по себе, но я смотрела на него.

— Вы знали, что если я направлю очень острый клинок под ваш шлем сзади, я смогу кончиком проникнуть под ваш череп и разрезать ваш позвоночник?

Лицо Масугу застыло.

— Миэко-сэнсей учила нас делать это. На свинье в броне.

— Это... должно быть очень эффективно.

— Я не смогла это сделать.

— Нет, — он вздохнул. — Ты здесь не просто так, Мурасаки-сан. Я не знаю, почему Чийомэ-сама привела тебя в Полную Луну. Я не знаю, почему боги привели тебя, Эми и Тоуми сюда, но причина есть, — он сжал мое плечо. — Учись тому, что вам показывают Миэко и остальные.

Я растерянно умоляла:

— Я не хочу быть убийцей.

— Нет, — он снова вздохнул, а потом похлопал по мечам, торчащим из сумки на спине Иназумы. — Я тоже. Но я — воин Такеда. Это мой долг. Мы живем в опасные времена. Если мы не будем биться для защиты наших провинций и нашего народа, сколько еще умрет? — его печальная улыбка напомнила мне улыбку, которую часто дарила мне Миэко. — Ты — дева-самурай, Кано Мурасаки, дочь воина. У тебя тоже есть долг.

Теперь он вызвал у меня слезы.

— Я н-не самурай. Лорд Ода лишил мою с-семью чести, — я подумала о моем отце, идущем к замку Имагава. Идущем к смерти. «Не вреди».

— Но твой долг остается. Если я что и знаю о твоём отце — или его дочери — то это то, что ни одна сила на этой земле не отнимет долг, — он сжал мое плечо снова и убрал слезы с моих щек пальцем в перчатке. — А пока, Мурасаки, почему бы тебе не забыть ненадолго о ножах, самураях и долге? Полазай, — он кивнул на дерево.

Я кивнула и улыбнулась ему, хотя это было последним, что я хотела делать.

— Спасибо, Масугу-сан. Возвращайтесь поскорее.

— Как только смогу, Мурасаки-сан, — он стал поворачиваться, но замер и оглянулся. — Могу я... ты сможешь позаботиться о кое-чем моем, пока меня нет?

Вытерев нос рукавом, я посмотрела на него.

— Конечно, Масугу-сан.

Он вытащил из сумки короткий меч и протянул мне.

Я смотрела на меч в ножнах с серебряным узором.

— Я... не могу... Масугу-сан, он так хорошо сделан!

Он пожал плечами.

— В том и дело. Это красивый меч с гербом Такеда, — он постучал по четырем бриллиантам на рукояти. — Я должен быть бедным солдатом, не привлекающим внимания. Это может меня выдать, верно?

— Наверное, — но мои руки все еще были по бокам.

— Бери, Мурасаки. Тебе нужен удобный меч. И я не могу оставить этот кому-то еще.

Хмуро глядя на землю, я протянула руки.

Он опустил в них вакидзаси, и я удивленно охнула.

— Он тяжелый!

— Он не из бамбука, — я слышала смех в его голосе, а когда подняла взгляд, увидела, что он улыбался. — Привыкай. Учись использовать его с той же легкостью, что и тренировочный меч. Но осторожно: этот меч забрал много конечностей... и жизней.

Мне захотелось бросить клинок.

— С-спасибо, Масугу-сан.

— Рад помочь, Мурасаки-сан. Я знаю, что ты будешь хорошо обходиться с этим мечом до моего возвращения. Если понадобится помощь с заботой о нем — как его чистить и точить — Братишки или Ки Сан могут тебя научить. Или Миэко, — его улыбка растаяла, как снег весной. — Прощай, Мурасаки.

— Прощайте, лейтенант.

Он потрепал мне волосы, чего не делал раньше.

— Теперь полазай.

Лейтенант повел Иназуму к главным воротам, а я сунула ножны за красно-белый пояс, а потом забралась на нижние ветки огромной тсуги, растущего на восточной стороне Главного зала.

Когда я закинула ногу на одну из самых больших веток и помахала Масугу, пока он забирался на коня и выезжал на гряде за воротами, прибыл призрак Фуюдори.

Не настоящий призрак. Беловолосая девушка была разгневана, но мы исполнили все нужные ритуалы для ее духа. Ее тело сожгли, а пепел закопали в замерзшую землю за лагерьем. Мы оставляли миску риса и чашку сакэ, когда ели. (Они были маленькими, никто не считал, что она заслужила больше.) Никто не произносил ее имя. И уже прошли сорок девять дней, за которые ее дух должен был достичь следующего мира.

Но, сидя на ветке, ощущая ветер в волосах, я поняла, что сложно не вспоминать, как я сжималась на этой ветке, глядя, как она лезет за мной, яростная. Желаящая убить.

Я глубоко вдохнула и постаралась не думать о ней.

Тогда у меня не было меча. Могла ли я...

Масугу-сана уже было видно лишь отчасти, он пропал за краем холма у дороги, ведущей к долине на западе, где лежал императорский город.

Я снова помахала, хотя он не видел.

Было приятно снова оказаться на дереве. Ощутить ветер. За долиной под синим небом горные вершины все еще были в снегу, но ниже все было зеленым — темно-зеленым со вспышками серебра, где ручьи забирали растаявший снег в поля внизу.

Вершина холма была зеленой. Свежие ростки пробивались среди мертвой серой травы. Белые полевые цветы покрыли луг.

— Ты будешь сидеть нам весь день, Мышка-чан, или ты отнесешь свой мышинный хвост на кухню и поможешь мне с ужином? — Тоуми хмуро смотрела на меня от угла Главного зала.

— Видишь что-то интересное? — спросила Эми. Она тоже хмурилась, но она всегда хмурилась.

— Я махала на прощание лейтенанту.

— О. Он уехал? — Эми надула губы.

Тоуми изобразила звук рвоты.

— Ладно вам. Нужно спустить из тупой свиньи кровь. Ты будешь ее резать.

Кровь отлила от моего лица, а Эми сказала:

— Убить ее было очень просто. Лишить зверя мучений.

— Знаю, — прошептала я.

— Так почему ты не убила глупого зверя, бака! — прорычала Тоуми.

— Я не могла... — я не хотела, но я поежилась.

— Что? — девушки прошли под мою ветку.

Я закрыла глаза.

— Я невольно думала... о том, чей дух мог быть в свинье.

— Чего? — Тоуми уставилась на меня.

— Я невольно думаю... что там... может быть Фуюдори, — я посмотрела на другую часть долины. — Или мой отец.

— О, — сказала Эми.

Тоуми издала резкий смешок.

— Невероятно! Ты будешь переживать, что раздавила отца, когда наступишь на муравья?

Я снова побелела.

— Я... теперь буду!

— Бака! — смеясь, Тоуми покачала головой. — Иди сюда, Мышка. Тебе нужно порезать своего папу.

— Тоуми! — прошипела Эми.

Я вдохнула, пытаясь взять себя в руки, и опустила взгляд на пейзаж.

За холмом, где пропал Масугу-сан, поднималась туманная волна. Волна вертикальных линий со сталью на концах. Копья. Десятки, с синими флагами с гербом Матсудаира: три листа дикого имбиря.

— Эм... Тоуми? Эми? — они подняли взгляды на меня. Я уже не ощущала слабость, кровь гудела во мне. — Думаю, это вторжение.

## 2 — Гости

Ки Сан ударил в гонг. Обитатели Мочизуки выбежали во двор.

— К оружию! — крикнула Миэко. Она уже была с длинным черным луком. Колчан стрел висел на ее спине.

Маи и Шино, старшие ученицы, побежали в кладовую с копьями с длинными клинками и стали раздавать их. Плоское лицо Шино искажала гримаса, а Маи улыбалась, как ворона, заметившая падаль.

Солдаты Матсудаира продолжали подниматься на холм. Они маршировали по восемь в ряд, в основном, копейщики, но в каждом ряду были четыре-пять самураев.

— Эми, Тоуми, берите луки и забирайтесь на крышу конюшни. Не стрелять без моего приказа, ясно?

— Да, Миэко-сан!

Куноичи заняли места на крышах, за бамбуковыми шипами, украшавшими стены Полной Луны.

— Рисуко! — Миэко подняла взгляд. — У тебя уже есть меч?

Я резко поняла, что меч Масугу-сана висел за моей спиной. Я вытащила его, намереваясь передать ей.

— Эм, да?

Она прищурилась, а потом кивнула.

— Сколько? Солдат?

Пытаясь не дать дрожащим рукам выронить меч, я посмотрела на разрушителей.

— Еще идут, — крикнула я, губы пересохли. — Девять рядов по восемь пока что, в основном копья, с ними по бокам всадники, — я вспомнила, что Масугу говорил мне о своих копейщиках и других солдатах на лошадях в армии Такеда, и сказала. — Тяжелая кавалерия.

— Лучники? Мушкетеры?

Я покачала головой.

— Хорошо, — сказала она, хотя не была рада. — Залезь выше и крикни, если что-то изменится, — она побежала в Гостевой дом, забралась по стене и заняла место на углу с поднятым луком раньше, чем я смогла выпрямить ноги.

Вакидзаси в моей руке был невозможно ярким. Край выглядел острым, как нож Ки Сана. Осторожно, помня слова Масугу об отрезанных конечностях, я убрала меч в ножны за поясом и поднялась на три-четыре ветки выше, пока не оказалась выше стены и не смогла увидеть весь лагерь.

Внизу женщины Полной Луны были вооружены и на местах. Мы тренировались этому каждый третий день с тех пор, как госпожа Чийомэ уехала в свою последнюю экспедицию.

Хоши, учитель каллиграфии и владения катаной, раздавала шлемы защитницам Полной Луны. Как у меня, за ее спиной был меч, но у нее это была целая катана. Ее работой было сторожить главные ворота на случай, если враг их пробьет. Ки Сан будет у задних врат, вооруженный своими острыми ножами.

«Почему я должна учиться использовать меч?» — скулила я мысленно. Лук был бы полезнее на дереве. Хотя я все равно не хотела бы использовать его.

Последний ряд стало видно на холме — одиннадцать рядов из сорока восьми пехотинцев и дюжины всадников.

Против восемнадцати женщин, пяти девочек и повара.

За последними солдатами несли два синих знамени с гербом Матсудаира. Между ними была пара блестящих черных паланкинов, один несли четыре солдата в броне, другой — двое крупных мужчин в синем.

Кто-то явно отдал приказ, потому что все остановились в пятидесяти шагах от стены. Они напоминали стаю птиц, решившую опуститься на одно дерево.

Меньший паланкин двигался вперед среди солдат. Я услышала крик Миэко, но была высоко и не разобрала слова.

Я заметила белый диск на боку паланкина, когда Тоуми выпустила стрелу.

— Стойте! — завизжала я, но было слишком поздно. Стрела описала дугу, летя к воинам Матсудаиры, и вонзилась в вершину паланкина госпожи Чийомэ.

Фигура, которую я не заметила за паланкином, упала на землю, но Братишки просто остановились.

Не понимая этого, я вытащила меч. Я не знала, почему, но блестящая сталь, отражающая зелень веток тсуги, заставила меня затаить дыхание.

Седая голова Чийомэ-сама выглянула из паланкина. Ее я слышала ясно даже на расстоянии.

— Куда вы стреляете? — она посмотрела на стрелу, все еще дрожащую в крыше ее паланкина. — Хороший выстрел. Теперь впустите нас. Я хочу принять ванну.

\* \* \*

Когда я спустилась, Ки Сан, Хоши и еще одна женщина открыли ворота. Миэко держала остальных куноичи на местах, но послала учениц — Шино, Май, Эми и Тоуми — вниз,

чтобы встретить госпожу. Когда мы выстроились перед входом в Главный Зал, Май фыркнула и ткнула Тоуми.

— Хороший выстрел.

Сжимая лук, Тоуми хмыкнула.

— Вообще-то, — отметила Эми, — выстрел был хорошим. Я бы не смогла попасть по движущейся цели на таком расстоянии.

— Соскользнуло, — процедила Тоуми. Похвала Эми смутила ее сильнее, чем шутки Май.

— Наконец, можно выйти из клетки! — буркнула госпожа Чийомэ, потягиваясь, выходя на гравий двора. Она окинула нас взглядом и фыркнула. — Вы выглядите как группа мальчишек, играющих в солдат. Можешь убрать меч в ножны, Рисуко. Что ты делала? Резала куриц?

Краснея, я убрала короткий меч в ножны.

Пока Братишки несли паланкин к конюшне, госпожа крикнула:

— Спускайся, Миэко. Мы не хотим ранить слуг лорда Матсудаиры. Знаю, они просто мужчины, но он их любит. И они — наши гости. Как только уберете игрушки, собирайте всех в Главном зале.

Миэко резко поклонилась, вскоре все женщины стали спускаться.

— Вы, — Чийомэ-сама рявкнула на Шино и Май. — Подготовьте ванны.

Две девочки побежали к купальне, где было чисто — Тоуми, Эми и я убрали там прошлой ночью — и вода там была горячей, ведь мы зажгли огонь утром.

Госпожа Чийомэ рассмеялась, хлопая в ладоши.

— Ки Сан, везучий негодяй!

Повар фыркнул, остановившись рядом со мной. За его поясом были три самых длинных ножа. Он выглядел счастливо.

— Вы вернулись.

— Ясное дело, глупый мужчина.

— Однажды вы так разозлите тело, что придется его убить, а им придется вас арестовать.

— Не заставляй меня звать Братишек, чтобы они побили тебя, — сказала она, но ухмылялась. — И я привела тебе сто солдат для тренировки твоего искусства. Они будут с нами не меньше недели.

Повар присвистнул.

— Ну, мы только убили свинью, и у нас есть... Но нужно... Девчата, идемте...

— Пока вы не ушли, — сказала старушка, — возьмите Аимару с собой. Он скучал по обществу леди, — Аимару вышел из-за паланкина, и она махнула нам и пошла к купальне.

— Аимару! — сказала Эми, она была ближе всего к улыбке, чем за эти недели. Она будто была готова обнять нашего высокого друга, но сдержалась, и почти улыбка сменилась яростной хмурой гримасой. — Ты вырос.

Аимару опустил голову.

— Ничего не мог с этим поделать, — как у Эми, его уши порозовели.

— Вы оба отвратительны, — Тоуми закатила глаза.

— Как поездка, Аимару? — спросила я, пытаюсь прервать издевки. — Ты добрался до Соснового берега?

Он хотел рассказать, как все было у моего дома, но Ки Сан прорычал:



— Пока вы не стали сплетничать, напомню о работе. Итак, Лунный пирожок, ты хоть раз работал на кухне?

Аимару моргнул, стал качать головой, а потом пожал плечами и улыбнулся.

Повар рассмеялся, говоря что-то на корейском, а потом ухмыльнулся ему.

— Ладно. Постарайся не порезаться. Иди с ними, — он указал на Эми и Тоуми, — и принеси из кладовой рис. Яркогоглазая, ты идешь со мной резать свинью, — он пошел к кухне, и мне пришлось поспешить за ним.

К моей радости, свинья была без брони. Она висела за задние ноги с крючка на стене Полной Луны. Горло было разрезано в жуткой улыбке, кровь стекала в кадку, от которой поднимался пар.

— Мы сделаем кровянку из кишок и крови, — Ки Сан похлопал по кадке. Он любил корейские кровавые колбаски. Это было одно из немногих его блюд, которые я терпеть не могла. Но я не жаловалась. — Но сначала покажи, как твоя резалка может рассечь эту тушу.

— Резалка?

— Меч у тебя за спиной для украшения, Яркогоглазая?

Я потянулась к короткому мечу раньше, чем разум понял, что он сказал.

— Разве... им нельзя резать кабана?

— О, думаю, меч резал и менее благородных зверей ранее. Лейтенанта?

Я кивнула.

— Ну-ка, вытащи его для меня.

Я вытащила клинок, помня об остром крае, пока он покидал ножны.

Меч лежал в моей хватке тяжелее, чем бамбуковые тренировочные мечи, да. Но когда я взяла его обеими руками перед собой — в стойке Двух Полей — меч ощущался как продолжение моих рук.

— Фух.

— Ага, — он прищурился, глядя на меч. — Хорошо, девица, постарайся. Лучший горизонтальный удар, как показывали Братишки и Лошадка. Я хочу посмотреть, сколько ударов тебе нужно, чтобы рассечь тушу пополам.

Я хмуро посмотрела на него. Разделять свинью было не так тяжело, как корову, и даже тогда мы не начинали с попытки рассечь тушу надвое. Мы всегда срезали по частям, он сам говорил, что так эффективнее.

— Вы...?

— Яркогоглазая, давай. Нам нужно кормить сто солдат. А тебя хватит не больше, чем на двух.

Я знала, что он шутил, но невольно уставилась на него.

Ки Сан фыркнул и отошёл на шаг.

— А теперь бей.

Я шагнула в туше и измерила расстояние.

Я делала это упражнение месяцами. Видела, как отец делал это, годами.

Стиснув зубы, чтобы не высунуть язык, я сделала стойку компактнее — согнула колени, одна нога была за другой. Я вдохнула, отвела меч так, что гарда попала по моему бицепсу, шагнула вперёд и взмахнула.

Следя за отцом, я всегда думала, что сила удара шла из рук. Хоши (ее Ки Сан звал Лошадкой из-за ее длинного лица) и Братишки научили меня, что это было не так. Сила шла из ног и бедер.

Они научили меня, и я повернула бедра и вытянула руку, что была позади, чтобы клинок издал свист, пока несся сквозь мишень, а не в мишень...

Это движение всегда вызывало приятный стук бамбука по соломенному чучелу, с которым я тренировалась, но теперь я слышала звук, который знала из кухни: влажное шипение стали, рассекающей плоть.

Клинок прошел чисто сквозь брюхо свиньи, отсекая ребра и голову от бедер и ног одним чистым ударом. Голова упала в кадку с кровью.

Через миг внутренности высыпались туда же.

Я глядела на зверя — на две половины. Я посмотрела на вакидзаси.

— Угу, — сказал Ки Сан. — Так и думал.

Я уставилась на Ки Сана.

— Видишь тут метку? — он указал туда, где крохотные символы были вырезаны на стали над гардой.

Крохотной хираганой кто-то вырезал на клинке «Рассек три тела горизонтальным ударом».

Я глядела на метку, кровь медленно скрывала слова.

— Это, Яркоглазая, чудесная резалка.

Я кивнула.

Повар быстро показал, как чистить клинок — сначала соломой, потом тканью, смоченной в ароматном масле гвоздики. На краю не было ни засечки.

Это не было просто. Меч был тяжелее, чем я привыкла, и я использовала все мышцы — от ступней до плеч — как меня и учили.

Но тот меч рассек тело надвое. Я рассекла тушу надвое.

Даже после того, как я убрала оружие за спину, я невольно ощущала ужас из-за силы, которая лежала у моей кожи, сдержанная лакированным деревом толщиной в зернышко риса.

Я была немного в восторге, но в основном в ужасе.

\* \* \*

Другие девочки и Аимару принесли мешок риса. Точнее, его нес Аимару, а Эми и Тоуми шли впереди и сзади, как стража лорда.

Они все уставились на тело свиньи.

Эми застыла, широко раскрыв глаза и задумавшись.

Тоуми потрясенно сплюнула.

— Где ты это взяла? — пробормотала она, пока мы несли части туши на кухню. Ки Сан отрезал конечности и оставил нас работать с ними.

— Что? — я убирала чресла с ноги, стараясь при этом не лишиться себя пальцев.

— Тот меч. Он не из оружейной.

Я не успела ответить, Эми сказала:

— Это меч Масугу-сана, — ее хмурое лицо было нейтральным. Я не знала, о чем она думала.

— Он попросил позаботиться о мече, пока он на задании.

Эми кивнула, но ее лицо осталось маской.

Тоуми прищурилась.

— Хватит отлынивать! — прорычал Ки Сан. — Разделайте уже зверя!

\* \* \*

Как только свинья, которую мне не хватило сил убить, была разделена на съедобные части — мясо, органы, кишки, кровь — и мы начали готовить, Хоши заглянула на кухню из Главного зала.

— Вы выглядите мило, — сказала она с ухмылкой.

Мы были в крови. Мы выглядели как...

Как дети в крови. И не только.

Когда мы все нахмурились, Хоши рассмеялась.

— Приведите себя в порядок. Вы все нужны в зале. Госпожа Чийомэ хочет поговорить со всеми. Даже тобой, Аимару, — повар заговорил, и она сказала. — Не ты, Ки Сан. Готовь везунчик.

Он обрадовался. Он набивал кишки кимчи, лапшой и кровью, готовя колбасу. Это выглядело отвратительно, а пахло еще хуже, но он был рад, как свинья в луже грязи.

Свинья.

Аимару убежал туда, где спали мужчины. Мы, девочки, вышли из кухни через заднюю дверь — Тоуми вытирала кровавые ладони об накидку Эми, которая все еще была задумчивой. Тоуми не нравилось, чтобы кто-то был в стороне от страданий.

Эми едва заметила, что не улучшило настроение Тоуми.

Мы взяли чистую одежду из ящика в нашей спальне и пошли в купальни.

Было приятно смыть грязь. Даже приятнее, почему что обычно мы попадали в купальни только в конце ночи.

Но мы не успели расслабиться, пришла Сачи-сэнсей и выгнала нас.

Сачи была одним из моих любимых учителей в Полной Луне. Когда она не была на миссии (а она часто уходила со своей подругой Хоши), она была нашим учителем музыки, и она была почти всегда веселой, с грязными шутками.

Сейчас шуток или юмора не было, она едва дождалась, пока мы оденемся, и повела нас к Главному залу.

Там нас встретили почти все нынешние обитатели Полной Луны: восемнадцать куноичи, пять посвященных, Аимару, огромные Братишки и госпожа Чийомэ. Только Ки Сана не было.

Ки Сана и лейтенанта Масугу.

— Хорошо, что вы к нам присоединились, — сказала Чийомэ-сама с кислой ухмылкой.

Сачи повела нас вперед, там мы сели на колени.

Через миг тишины госпожа Чийомэ сказала:

— Как вы заметили, у нас гости.

Смех пронесся по залу.

Как только стало тихо, наша госпожа продолжила:

— Лорд Матсудаира и его последователи будут нашими гостями следующую неделю. Я не могу пока назвать их цель, но вскоре она станет ясной.

Она снова подождала, пока станет тихо, и продолжила:

— Нам нужно кое-что помнить — особенно нашим посвященным, — она хмуро посмотрела на нас. — Мы тут в горах стали забывать, что то, что мы делаем, не общие знания. Что мы делаем, что учим, кто мы — это тайны, которые знают редкие вне этих стен. И лорд Матсудаира с его последователями не входят в их число.

Я огляделась. Старшие женщины серьёзно кивали.

— Нам нужно вести себя так, будто у нас тут школа для жриц храма. Так что ходить с

мечом на спине, — она приподняла бровь, глядя на меня, — нельзя.

По залу пробежало ворчание.

— Это неприемлемо, — продолжила она, высоко подняв подбородок и приподняв обе брови, — пока ворота открыты. Как только мы среди своих, можете вести себя так, как вам нравится. Только не убивайте друг друга, пожалуйста.

Снова смех.

— Пока что притворяемся слабыми существами без мозгов, какими они вас считают. Если вам нужно освежить память, Сачи-сэнсей точно будет рада вам помочь.

В этот раз смеяться первой начала Сачи.

— Я жду, что все вы будете развлекать наших гостей. Пусть почувствуют себя как дома. Если они станут чересчур дружелюбными — командиры Матсудаира понимают, что, хоть вы все красивые, девы Полной Луны — не игрушки. Если они будут вести себя грубо, прошу, сообщите мне или Миэко, или... Да, дайте нам знать, и мы остудим их пыл.

Старшие женщины кивнули, и мы присоединились.

— Чийомэ-сама? — тихий голос донесся от Мицукэ, юной куноичи, которая учила нас этикету и работала с Эми и Тоуми над стрельбой из лука. — Если мы не должны быть... теми, кто мы, что Матсудаира подумают о том, что мы делали на стенах?

— Они посчитали вас милыми, — госпожа Чийомэ широко улыбнулась. — Хоть одна из наших смогла выстрелить из длинного лука на сотню шагов и попала в крышу моего паланкина.

Хоши и Сачи, которые были в хорошем настроении, посмеялись над Тоуми.

Тоуми покраснела, глядя на пол, и стиснула зубы.

Чийомэ-сама тихо рассмеялась и продолжила:

— Они не знают, сколько их выжило бы, если бы я не была там.

Миэко рядом со своей госпожой благодарно улыбнулась.

— Теперь идите, — рявкнула госпожа Чийомэ. — Пора подготовить это место для приема лорда. Мы откроем ворота на закате.

### **3 — Дикий имбирь**

Я вошла на кухню, Ки Сан вытянул руку.

Я не сразу поняла, что он хотел меч. Вздохнув, я вытащила ножны из-за пояса и опустила их с мечом на его ладони. Я владела клинком лишь пару часов, лишь раз им ударила. Но я вдруг ощущала себя голой без него.

— Не переживай, Яркоглазая, — он благоговейно опустил меч на верхнюю полку его подставки для ножей. Он выделялся над ножами и тесаками как император над своим двором. — Все знают, что лучше играть с такими ножами.

— Да, Ки Сан-сан, — на кухню приходили только мы, но... — Но Масугу-сан доверил мне заботу о его мече.

— Да, можешь его чистить. И тренироваться с ним. Но он останется тут. Понятно?

Я кивнула.

Он повернулся к другим.

— Вы тот меч не тронете, — Аимару кивнул с привычной широкой улыбкой, и Ки Сан посмотрел хмуро на девочек. — Понятно?

— Да, Ки Сан-сан, — сказали Эми и Тоуми. Тоуми хмурилась, но сказала это.

— Да и вообще, — он подмигнул, — зачем таким милым девочкам, как вы, меч?

— Никакого проку, — буркнула Тоуми, но Ки Сан рассмеялся. — Справедливо. Теперь

за готовку?

\* \* \*

Мы трудились, готовя в пять раз больше еды, чем обычно. И где Ки Сан всегда следил, чтобы мы были осторожны, теперь он требовал от нас идеала. Аимару никогда не работал на кухне, и он, в основном, носил то, что мог, и не мешался.

Когда я покидала кухню — чтобы взять еще бамбуковых подносов или сушеных грибов из кладовой — Полная Луна кипела, как муравейник, который пнули.

Куноичи — убийцы, шпионы и телохранители — убирали зал, добавляли столы, подметали полы и расставляли миски и палочки. Братишки шагали по двору военной точностью. Сачи заставила Май и Шино принести полевые цветы снаружи и показала, как украсить белыми и голубыми цветами в мисках столы в столовой.

На кухне под руководством Ки Сана Эми, Тоуми и я превратили свинью, немного риса, грудки шпината и соевых бобов, три головки чеснока и немного лука в пир для лорда. Он все ходил в буфет, бормотал под нос, руки побелели от мела, которым он отмечал на табличке припасы.

Солнце стало садиться, госпожа Чийомэ созвала нас во дворе.

Миэко и другие куноичи изменились. Они были не в широких красных штанах мико и белых рубашках, к которым я привыкла, а в красивых шелковых кимоно. У Миэко было полночно-синее кимоно с хризантемами и глицинией на рукавах. У Сачи — бело-зеленое, украшенное перьями павлина. Мицукэ, самая неприметная женщина из всех, кого я знала, была в роскошном кимоно с узором из осенних кленовых листьев.

Их лица были выкрашены в белый, волосы сияли, уложенные в прически, открывая шею.

Они выглядели...

Они были красивыми.

Тоуми издала сдавленный звук.

— Что ж, — сказала госпожа Чийомэ, шагая перед нами, — вы все выглядите мило. Не ты, Аимару. Ты совсем не милый.

Теперь подавилась Эми.

— Братишки, — крикнула Чийомэ-сама, — открывайте врата.

Они убрали огромный засов и распахнули двери.

\* \* \*

Я росла в тени замка Имагава. Я видела много раз лорда Имагаву и его последователей, так что не думала, что меня впечатлит лидер Матсудаира.

Если честно, я не знала, что ожидать после утреннего вторжения. Но я не ожидала, что лорд Матсудаира войдет в Полную Луну в простом темно-синем кимоно, без брони и меча. Даже ножа не было на поясе.

Он был высоким, как Братишки, что означало, что он был даже выше, чем Масугу-сан. Его лицо было широким и открытым, но глаза...

Глаза пронизывали. Даже через весь двор я ощутила, будто он глядел на меня — в мою душу, как ястреб на зайца. На белку. От этого мне хотелось бежать к дереву, где я недавно была, и карабкаться наверх.

За ним шли трое, вооруженные не сильнее их лорда — только эмблемой Матсудаира из трех листьев дикого имбиря на одежде. Двое были старше, с седыми волосами. Один был юным, нес себя легко, словно собирался пошутить.

Госпожа Чийомэ прошла вперёд, чтобы встретить их.

— Лорд Матсудаира, приветствую в Полной Луне. Вы озаряете мою скромную школу своим присутствием.

Матсудаира-сама улыбнулся, хотя глаза остались серьезными.

— Мочизуки Чийомэ, это вы оказываете мне честь, — он взглянул на всех нас. — Солдаты, как мы, редко получаем такой вежливый и милый прием.

Они поклонились друг другу, Чийомэ-сама поклонилась чуть ниже, чем лорд Матсудаира.

— Конечно, — прошептала Эми, — она была с ним этим утром.

Маи зашипела на нее.

— Госпожа Чийомэ, — продолжил Матсудаира-сама, — представляю вам своих капитанов — моего кузена Матсудаира Йетаду и моего старого друга Хаттори Ханзо, — он указал на двух старших мужчин, те с уважением поклонились. — И своего племянника Токугаву Токимацу, — мужчина младше поклонился так же низко, но не так сдержанно.

Чийомэ-сама ухмыльнулась юноше, которого явно уже встречала. Видимо, представление было для нас. Поклонившись трем мужчинам почти так же низко, как они до этого, она повернулась и указала на Миэко.

— Милорды, представляю вам своего... лейтенанта, если позволите. Миэко — главный учитель в Полной Луне, учит девушек тут, как лучше служить богам.

Миэко низко поклонилась капитанам, и после жеста Сачи мы присоединились к ней.

Когда мы выпрямились, Миэко (которая утром показывала нам, как убить ножом вооруженного мужчину) осталась в робкой позе, опустив голову и повернув ее в сторону.

— Для нас будет честью и радостью, господа, отвлечься от учебы и служить вам, — она указала на двери Главного зала, которые Хоши и Мицукэ открыли, показывая ярко освещенную и украшенную комнату внутри.

Улыбаясь, лорд Матсудаира и два его старших капитана прошли мимо них в зал. Младший, Токимацу-сан, глядел на Миэко, словно пытался что-то вспомнить, а потом рассмеялся и пошел за другими.

Чийомэ и Миэко пошли за ними, а следом и мы.

Эми, Тоуми и я побежали на кухню, остальные солдаты заходили в зал, смеясь и толкаясь, пока находили места за столами. Аимару пошел за нами, но Братишки повели его к столам. Он виновато пожал плечами и сел, а мы ушли во владения Ки Сана.

На кухне наш повар говорил с ужасно толстым мужчиной с длинной белой бородой.

— И ты думаешь, что можешь просто прийти на мою кухню, да, толстяк?

— А ты думаешь, что можешь подавать свою корейскую стряпню моему лорду, квашеная капуста?

Они держали сияющие ножи в кулаках.

— Эм, Ки Сан-сан... — я хотела спросить, было ли все в порядке, когда было ясно, что это не так. Я хотела взять меч, но он был за толстяком. — Можно... Вы...

Мужчины посмотрели на меня, потом друг на друга. Они засмеялись и закинули руки друг на друга.

— Девицы, — рассмеялся Ки Сан, — это повар лорда Матсудаира, Кумо. Но я зову его Фацо.

— Будто ты тощий, — фыркнул крупный мужчина.

— Как я всегда говорил, — начал Ки Сан, и они закончили вместе. — Не доверяй худому повару!

Они оба смеялись пару мгновений, а потом Ки Сан опустил нож на стол для разделки.

— Фацо поможет нам на кухне, пока наши гости тут.

— Поможет! Я покажу этим бедным милым девочкам, как правильно готовить, ведь ты запутал их своими особыми корейскими привычками!

Ки Сан снова рассмеялся, и Кумо присоединился к нему, они стали посылать нас с тарелками вареных соевых бобов и мисками острой кимчи в зал.

Госпожа Чийомэ пока была единственной женщиной, которая сидела. Она говорила с Матсудаира-самой.

— Девушка! — закричал один из солдат. — Неси нам сакэ!

\* \* \*

Этот ужин прошел в большем тумане, чем многие.

Пока мы служили, старшие женщины развлекали гостей. Сачи играла на флейте, Миэко танцевала. Хоши пела, что я никогда от нее раньше не слышала, пока Сачи играла для нее — песня о птице, ищущей пару после долгой зимы. Май и Шино сыграли, и хоть их мелодия на кото и сямисэне была не такой до боли красивой, как флейта Сачи, они точно играли лучше, чем могли Эми, Тоуми и я.

Я запомнила две вещи.

Во-первых, юный капитан Токимацу глядел на Миэко, пока самурай рядом с ним со шрамом на щеке бормотал ему на ухо шутки.

Во-вторых, я заметила два странных существа, сидящих за столом ближе всего к кухне: высокого худого мужчину и мальчика. Их кожа немного отливала бронзой, которая стала зеленеть, и они были странно одеты. Мужчина был в черном одеянии, какое я еще не видела, с белой полосой на шее. Мальчик был в вышитой жилетке, но штаны доходили только до середины бедра, дальше его ноги покрывал какой-то плотный материал. Их глаза были будто без век, странной круглой формы. И они говорили на языке, звучащем так, словно там были одни гласные.

Я спросила у Аимару о них — он сидел левее от них рядом с лекарем Матсудаиры, который перепил сакэ — и он сообщил, что они прибыли из далеких земель на западе. Мужчина был священником, а мальчик — его учеником.

Я кивнула, но не понимала. Мужчина не выглядел как священник.

Они все же были странными. Я слышала о людях с земель заходящего солнца — что они были «призраками», белыми с белыми волосами и бледными глазами. Эти люди не выглядели как призраки. Но они не были похожи ни на кого из тех, кого я раньше видела.

Я заметила, что мальчик следил за мной, и поспешила на кухню.

Когда мы закончили подавать ужин, люди за главным столом — госпожа Чийомэ, лорд Матсудаира и его капитаны — стали произносить речи. Ки Сан позволил нам троим пройти и поесть.

Я так устала и проголодалась, что даже память о визжащей свинье в броне, привязанной к земле у кухни, не помешала мне есть и наслаждаться свининой.

Но я не ела кровяную колбасу, от нее меня стошнило бы.

Ки Сан и Кумо смеялись и обменивались историями о блюдах, приготовленных в военных походах — мясо лошади, мясо лисы, травы, оказавшиеся гадкими на вкус, грибы, оказавшиеся смертельными. Они пили сакэ, дали и нам немного — разбавленного водой, конечно.

От этого мне не хотелось смеяться. От этого мне захотелось спать.

Но мы не могли — сначала столовую и купальни нужно было вычистить.

И я глядела на меч Масугу, лежащий над столом для разделки. Черные ножны будто поглощали свет на ярко освещенной кухне.

В столовой вдруг раздался шум, гости стали вставать из-за столов.

Двери кухни распахнулись, и все женщины Полной Луны — плюс Аимару — принесли миски и тарелки, чашки и кувшины, опустили их, смеясь, в кадку для мытья.

Конечно, все женщины, кроме госпожи Чийомэ. И Шино с Май, которых Ки Сан не пускал на кухню, угрожая лишить их конечностей.

— Решили избавить вас от хлопот, — сказала Сачи, — ведь вы все это выносили!

А потом женщины ушли, повели гостей к воротам.

— Какие милые юные леди, — фыркнул Кумо, пока Аимару опускал последние миски в переполненную кадку.

— Ага, они поступили очень мило, — хмыкнул Ки Сан и указал на гору грязного фарфора, переполнившего кадку. — Девицы и ты, Лунный пирожок, вам нужно отмыть это до завтрашнего утра.

Мы застонали, но стали убирать.

#### **4 — Тень луны**

Как только посуда была вымыта, а купальня — вычищена и подготовлена к следующему утру, повара и наш друг пожелали нам спокойной ночи, и мы ушли в общежитие.

Тоуми ворчала всю дорогу, но вскоре уснула.

Эми прошептала:

— Как думаешь, почему тут Матсудаира?

— Не знаю, — я задавалась тем же вопросом. — Думаешь, они могли пытаться остановить Масугу-сана?

— Это объясняло бы его спешку с отъездом.

Я покачала головой в темноте.

— Он ждал, пока проход будет открыт.

— Хм.

— И госпожа Чийомэ приехала с ними.

Тишина.

Сначала я подумала, что Эми думала, а потом услышала свистящее дыхание, сообщившее, что она вдруг уснула.

Я лежала, думая о дне, тело устало, но голова не могла отпустить. Я все думала о прибытии лорда Матсудаира и его солдат, предупреждении госпожи Чийомэ скрывать наши тайны и отбытии Масугу-сана.

Меч.

Его ощущение в моих руках, словно мои руки, наконец, были дополнены.

Госпожа Чийомэ и Ки Сан сказали, что я не могла его носить или тренироваться с ним там, где кто-то мог увидеть. Но когда я смогу?

После долгих споров с собой я выбралась из спального мешка, осторожно обошла комок, который был Эми, и выбралась в прохладную ясную ночь.

Луна еще не поднялась над стеной лагеря, но звезды были яркими. Главный зал возвышался, одинокий и озаренный звездами, передо мной.

Я прошла к двери кухни, открыла ее как можно осторожнее и тише.

Дверь не была тихой, она скрипела и стонала, пока я сдвигала ее, и я затаила дыхание,



уверенная, что Ки Сан, госпожа Чийомэ или лорд Матсудаира нападут на меня из тени и потребуют объяснить, что я делала.

Никто не напал.

Я прошла на носочках к храму ножей Ки Сана. Сверху лежал короткий меч, ножны были чернее теней вокруг него. Мне пришлось подняться на носочки как можно сильнее, но я дотянулась и опустила его.

Прижав ножны к груди, я ощутила, что он был легче, чем когда я владела им днем. Даже не думая об этом, я вытащила меч.

В темной кухне сталь будто вспыхнула серебряным светом — как застывшая молния в моей руке. Я опустила ножны за пояс, заняла стойку, сжимая рукоять обеими руками, подняла правое плечо, направляя клинок вперед. Восемь Фаз.

Меч стукнул по бамбуковой балке, с которой свисали травы. Пришлось поймать мешочек высушенного корня имбиря. Я кончиком меча подняла мешочек на балку.

Если я хотела видеть, как ощущался клинок, мне нужно было выйти наружу.

Крепко сжимая меч, не желая выпускать молнию, я выглянула за дверь. Ничто не шевелилось.

Я вышла в пространство между кухней и колодцем, где не смогла убить свинью. У места, где я рассекла тушу свиньи пополам.

Глубоко вдохнув, я заняла стойку Двух Полей: клинок передо мной, ладони на уровне пупка, ноги расставлены, колени согнуты в балансе.

Я сделала шаг назад и вправо, подняла ладони над головой и повернула клинок к левой ступне — Бутон Бамбука.

Взмах вниз — Ключ Небес.

Клинок был тяжелее, чем я привыкла. Но он был с идеальным балансом, и изменение угла или позиции ощущалось легким, как дыхание. И чувство, когда клинок рассекал воздух, наполняло меня радостью, желанием выть и кричать от яростного удовольствия.

Но я не могла так делать ночью. А хотелось.

Я повернулась на восток, прошла весь танец, Шестьдесят четыре Перемены. А потом повернулась на юг, повторила его, потом для запада и севера.

Когда я завершила четвертый раз, тело стало теплым, хоть было холодно. В моем мире не было ничего, кроме вспышки клинка, озаренного звездами, и рева крови в венах.

Меч делал меня сильной, а еще казалось, будто все Шестьдесят четыре Перемены, которые я тренировала каждое утро и день до смерти Фуюдори, перестали быть просто серией движений, которые делало тело, даже если руки были пустыми.

Теперь казалось, что мы с мечом исполняли танец вместе. Или танец вел нас.

И меч не имел моей неуверенности, моей совести. Он знал, чем он был. Он знал свою цель. Он хотел только исполнить эту цель. Это был меч, а я была воительницей.

Я повернулась на восток, готовая начать снова, но чуть не выронила меч от удивления, увидев Миэко на пороге открытой кухни.

Она улыбнулась и склонила голову.

— Красивый меч, да?

Я была потрясена, тело застыло между радостью от прошлых мгновений и шоком. Я пролепетала:

— Д-да, Миэко-сэнсей, — шок. Унижение, ведь я попала за чем-то таким... личным. Страх, что я как-то нарушила правила.

— Можно? — она протянула ладонь с красивыми пальцами.

Я не могла отказать, даже если бы хотела. А я хотела. Но я передала ей рукоять, отпустила застывшую молнию из потных ладоней.

— *Домо аригато*, — сказала она и прошла мимо меня на открытое пространство у колодца, вес меча из одной руки перешел в другую, она проверяла баланс и вес.

Без предупреждения она повернулась, шагнула вперед и нанесла горизонтальный удар так быстро и красиво, что я охнула бы, даже если бы она остановила клинок на расстоянии пальца от моей шеи.

И я охнула, и желание отпрянуть от пути клинка возникло, когда уже не было необходимости. Я все же научилась сдерживаться, не двигаться и не кричать.

Миэко снова улыбнулась, улыбка была дикой, я не привыкла видеть такого от изящной куноичи.

— Еще раз спасибо, — она с поклоном протянула меч на раскрытых ладонях. — Это красивый клинок. Масугу почтил тебя, передав его тебе.

Я взяла вакидзаси и, не доверяя дрожащей хватке, прижала его к груди кончиком вниз.

— Я... Он просто попросил меня позаботиться о нем, пока он на миссии.

Теперь ее улыбка смягчилась.

— Не сомневаюсь. Ты знаешь историю этого меча? — я покачала головой, и она продолжила. — Его выковали почти сто лет назад для деда Масугу, который служил как капитан тогдашнему лорду Такеда, — он коснулась герба из четырех бриллиантов на рукояти. — Когда мать Масугу была девочкой, ее мать... использовал один из капитанов. Напавшего на нее приговорили к смерти, но бабушка Масугу была в таком ужасе от пятна позора на ее чести, что она умоляла мужа освободить ее от стыда. Он сделал так этим клинком.

— О, — я смотрела на безжалостную сталь.

— В известной истории говорится, что дед потом убил себя этим же вакидзаси, чтобы стереть позор семьи полностью. Но Масугу рассказал мне... — она прищурилась от печальных воспоминаний. — Его мать сказала ему, что верила, что ее отец убил себя от печали из-за смерти жены, ее позора, печали, что ему пришлось убить любимую.

— О, — я подумала впервые за недели о своей матери, о ее страданиях, когда мой отец ушел к смерти в замок Имагава. Я впервые подумала о годах в ранней памяти: мама сидела на полу в нашем крохотном новом домике в провинции Чистоты, держала Усако у груди, рыдая от этого воспоминания. Теперь я понимала, что она плакала, ведь потеряла все — дом, честь семьи, перспективы для меня и моей сестры — из-за отказа отца убить группу детей Имагава для лорда Ода — детей Имагава и заложника, Масугу.

— Рисуко, — Миэко коснулась моей щеки, и я поняла, что лицо было мокрым. Она посмотрела мне в глаза. Что бы она ни увидела там, она кивнула. — Как видишь, этот меч очень важен для Масугу. Он не отдал бы его на хранение кому угодно.

Я не могла уже смотреть ей в глаза, хмуро глядела на рукоять меча и кивнула.

— Ты хорошо им владеешь — удивительно хорошо для своего возраста. Твои движения красиво перетекают. Но тебе всегда нравились Шестьдесят четыре Перемены.

Я снова кивнула. Еще до того, как я узнала цель, мое тело помнило движения, Ото-сан каждый день так тренировался со своим мечом.

— Тебе нужно работать с настоящим мечом над точностью. Я знаю, что напугала тебя, когда направила меч к твоему горлу, но я знаю этот меч, и я знала, где мне нужно его

остановить. Давай я тебе покажу.

И она устроила урок владения мечом, какой я не получала от Хоши, Братишек или Масугу. Часть была ее почти сверхъестественной грацией. Часть была о том, что выделяли мужчины — о создании силы, используя руки и ноги для разрушительной силы за клинком, но для Миэко-сан важнее было расположение — точность, как она и сказала. Она работала со мной, пока полумесяц не появился над стеной Полной Луны, и меч вспыхивал, когда я взмахивала им, стараясь делать атаки изящными и опасными, как делала она.

Наконец, она снова поклонилась мне.

— Молодец. Нам нужно идти спать, утром будет еще больше приключений.

Я низко поклонилась в ответ.

— Большое спасибо, Миэко-сэнсей, — она слабо улыбнулась, но, когда она повернулась, я сказала шепотом громче, чем мы общались до этого. — Вы будете еще меня учить?

Ее улыбка стала шире, превратилась снова в пугающую усмешку.

— О, Мурасаки-сан, можешь на это рассчитывать.

## 5 — Джолало-сан

Месяцами мне снилось, как Фуюдори падает спиной вниз с вершины огромной тсуги в снежную ночь. Ее открытые глаза, раскрытый рот, белые волосы, трепещущие среди белого снега — это не давало мне спать, преследовало, как дух, напоминающий о себе и днем.

Но той ночью, забравшись в спальный мешок, все еще потная от тренировки с Миэко ночью, я видела во сне маму.

Она подметала пол нашего дома — татами были подняты и собраны стопкой у входной двери, пока она выметала пыль.

Она подметала не привычной метлой. Она взмахивала катаной Ото-сана. И плакала.

Мела и плакала.

Меня вытащил из сна толчок, резкий голос повторял мое имя и твердил:

— Вставай.

Мои глаза невольно разлепились.

Маи тыкала меня в плечо ногой, в улыбке на ее лице не было тепла.

— Что? — спросила я.

Она зарычала:

— Ты нужна, чтобы наполнить и нагреть ванны. Сейчас. Иначе Тоуми сделает так, что на кухнях будешь ты одна сегодня, — она прищурилась. — И я буду тренироваться с тобой с мечами Миэко.

Я со стоном выбралась из спального мешка и оделась.

Я вышла из нашего общежития в купальню, и Эми тихо сказала:

— Ты выходила прошлой ночью.

— Не могла уснуть.

Она молчала какое-то время, а потом сказала:

— Наверное, потому ты не проснулась со всеми нами.

— Наверное.

Я стала носить с остальными ведра воды из колодца, чтобы наполнить две ванны, холодную и горячую.

Эми стала ворчать, что, если бы у нас было больше людей, мы могли бы встать в ряд и передавать ведра туда-сюда, а не бегать между ваннами и колодцем.

Она даже пыталась говорить об этом с Шино, которая носила воду в кладовую, где она и Май помогали со стиркой. Шино просто зарычала и отвернулась.

\* \* \*

Аимару ждал нас на кухне, выглядя бодрее, чем должен был. Тоуми упрекнула его за это, и мы с Эми не стали ее останавливать. Но вскоре мы были рады, что он помогал.

Когда мы подготовили все, Ки Сан отправил его есть.

— Все-таки, — сказал Кумо-сан с улыбкой, — кто захочет, чтобы им подавал еду юноша, когда есть такие милые юные леди?

Аимару закатил глаза, но радостно оставил эту часть работы нам.

Завтрак был не таким людным, как ужин, но длился намного дольше. Солдаты Матсудаиры и обитатели Полной Луны стекались потоком в Главный зал.

В этот раз куноичи не помогали подавать еду, мы выносили тарелки риса с яйцом и подогретые кровяные колбаски к столам раздави, но только Май и Шино раздавали еду там. Лицо Шино было смирившимся, Май почти маниакально улыбалась, словно хотела кого-то укусить.

Когда я упомянула это Ки Сану, он почесал бороду.

— Что ж, думаю, Соколик и Улыбчивая смогут раздать тарелки. Почему бы вам не помочь этим двум клоунам в столовой?

Кумо подмигнул мне и рассмеялся.

— Солдаты будут рады увидеть еще одно милое лицо.

Я поклонилась, скрывая румянец, а не из вежливости.

Пока я помогала Тоуми выносить колбаски, она буркнула:

— Милое лицо.

— Уверена, он и тебя считает милой.

Тоуми фыркнула.

— Будто мне есть дело.

— Конечно, — я хмуро посмотрела на нее. — Разве тебе нет дела?

— Именно.

Порой соглашаться с Тоуми было сложнее, чем спорить с ней, и я запутывалась. Она не просто была переменчивой и едкой, но чаще всего я не понимала, что она говорила, как и ее мысли.

Я опустила поднос с колбасками, который несла — Май тут же подхватила его и понесла туда, где лорд Матсудаира болтал с младшим капитаном.

Тоуми уже топала на кухню.

Казалось, много чашек гостей были пустыми, и я взяла чайник из центра стола — еще горячий, к счастью — и прошла туда, где Аимару говорил с мальчиком с бронзовой кожей.

— Хотите чаю?

— Спасибо, Мурасаки-сан, — сказал Аимару и добавил шепотом. — Прости.

Другой мальчик просто поднял чашку, не глядя на меня.

Старый священник рядом с ним сказал что-то на певучем языке, и мальчик вдруг посмотрел на меня.

— Спасибо большое, да, — сказал он, и хоть его произношение было неплохим, звучало так, словно он извинялся.

Аимару широко улыбнулся.

— Это Мурасаки.

Я поклонилась, не зная, что еще делать.

— Доброе утро, Мурасаки-сан, — он кивнул. — Я — Джоао Афонсо Алвес де Соса де Мандрагора, к вашим услугам.

Услугам?

— Доброе утро, кхм, Джо...

— Джолало-сан, — сказал Аимару с яркой улыбкой.

— Кхм, чаю?

— Да, спасибо, — Джолало снова протянул чашку, и я наполнила ее.

Пока я наливала чай Аимару, он добавил:

— Джолало-сан рассказывал мне о своей стране далеко на западе.

— Португалия, — сказал другой мальчик. — Великая страна. Очень долгий путь. Туда плыть почти год.

Не зная, что сказать на это, я снова поклонилась.

— Приветствую в Полной Луне, Джолало-сан.

Он нахмурился.

— Спасибо, да.

Я налила чаю одному из Братишек и странному священнику, который чуть склонил голову, как сделал и мальчик.

Когда я пошла за другим чайником, Шино у стола раздачи стояла с таким лицом, словно она учуяла сгнившее мясо.

Я проследила за ее взглядом. Она хмуро глядела на Май, которая улыбалась капитану Токимацу, и на самурая, который смеялся рядом с ним, под его правым глазом был широкий шрам.

— Отвратительно, — буркнула Шино. — Она заигрывает с ними.

Так и было. Май хихикала и краснела из-за слов самурая, выглядя как распутная девица, хотя я узнала ее другой за прошлые месяцы.

— Что ж, — сказала я. — Чийомэ-сама сказала следовать примеру Сачи-сэнсей, — я кивнула на учителя музыки, которая рассказывала историю солдатам Матсудаира, слушающим, широко раскрыв глаза.

— Ладно, — буркнула Шино, — но она не может оставлять всю раздачу нам, — она прошла к Май с тарелкой риса с яйцом, и я побаивалась, что она хотела ударить миской по голове Май.

Чийомэ-сама поманила меня налить чаю ей и лорду Матсудаира. Когда я подошла. Шино бедром толкнула Май с дороги — она была сильнее в рукопашном бою, чем Май. Но Май была сильнее с оружием и была готова ударить чайником по лицу Шино, но Миэко заговорила, как-то появившись за капитаном Токимацу.

— Девочки, — сказала она, сохраняя голос мягким и острым одновременно, — вам нужна помощь?

Май и Шино, которые знали, какой резкой могла быть Миэко, поклонились ей и тихо сказали:

— Нет, сэнсей, — они разошлись, оставив Токимацу и самурая изумленными, но их тарелки были пустыми.

— Рисуко, — сказала госпожа Чийомэ со смехом, — наполни сначала чашку капитана. Похоже, ему это нужно больше, чем мне.

\* \* \*

Аимару снова пришел и помог на кухне, когда поел.

После завтрака мы пошли в Чайный домик с Хоши-сэнсей. Мы все утро писали лучшую каллиграфию, выбрав часть Проповеди цветочного венка: Цветы просвещения лежат как сеть драгоценных камней, каждый отражает блеск других, как облака мыслей.

Когда мы выходили из Чайного домика, Мицукэ подошла к нам без эмоций на лице, Аимару плелся за ней.

— Все вы, за мной. Юноша поможет Ки Сану. Остальные пойдут наружу.

Пожав плечами, Аимару пошел к Главному залу.

— Вы тоже поможете с едой, — Май стала возражать, но Мицукэ продолжила. — Не с готовкой, а со сбором. Эми и Тоуми, берите луки, вы будете охотиться в лесу. Май и Шино, вы будете в саду.

— Сад! — простонала Шино.

— С нагинатами, — сказала сухо Мицукэ. — Если вы, пока никто не смотрит, отточите удары, которые вам показывала на днях Рин-сан, никто не будет против, — она повернулась ко мне. — Ты, Рисуко, будешь собирать яйца.

Я кивнула.

— Лазать по деревьям?

— Нет. Думаю, даже наша тсуга не представляет для твоих навыков вызов. Ты будешь искать яйца там, — она указала за Убежище, за стену в конце Полной Луны на скалу, возвышающуюся за лагерем.

Я сглотнула. Я карабкалась по замку Имагава, который был даже выше, но там было просто уцепиться руками и ногами — просто для меня, по крайней мере. Это место выглядело... непростым. Для всех.

Мицукэ приподняла бровь.

Я вздохнула.

— Да, Мицукэ-сэнсей.

## **6 — Гора в Полной Луне**

Я люблю лазать.

Было глупо снова это говорить. Конечно, я люблю лазать. Но... это правда. Это всегда было правдой. И то раннее воспоминание — о рыдающей матери с сестрой на руках — я вижу его сверху. Хоть мы только переехали в домик, и мне было всего четыре года, я уже нашла тогда путь на покосившиеся стропила. В воздухе мне всегда было уютнее, чем на земле. Безопаснее.

Потому мама и назвала меня Белкой.

А теперь я смотрела на отвесную скалу в пределах Полной Луны и просто стояла. Глядела.

Тоуми фыркнула, они с Эми стояли позади меня с луками и колчанами за плечами.

— Страшно, Мышка-чан?

Я покачала головой. Но мы знали, что это не было правдой.

Эми улыбнулась, они пошли к воротам. Похоже, она так пыталась меня приободрить. Но ощущалось это, словно она утешала меня: «Было приятно дружить с тобой, Мурасаки».

— Давай уже, Рисуко-чан, — сказала Мицукэ. — Госпожа Чийомэ сказала, что ты забралась к ее окну по стене Главного зала под снегом. Если ты смогла это, тот тут проблем возникнуть не должно.

Мы прошли через задние ворота, утес навис над нами.

— Туда еще хоть кто-то забирался?

Учительница с незапоминающимся лицом пожалала плечами.

— Спроси у Миэко. Она тут дольше меня.

Я снова кивнула, во рту пересохло.

— Я... поищу лучший путь.

Она вскинула руки, словно говорила: «Я тебе не мешаю».

Горло пересохло, сердце подступило близко к нему, я пересекла маленький сад, что был за задней стеной лагеря. Я забралась по горе камней, покрытой растениями у основания утеса, и посмотрела на скалу.

Вблизи камень не казался ровным. Он был пологим, да, но не прямым, и я видела трещины, куда можно было сунуть пальцы рук и ног, чтобы удержаться.

Справа от центра утеса был небольшой изгиб. Вмятина всего в ладонь шириной и в две в глубину, тянулась на две трети утеса под углом. Издалека этого видно не было, но вблизи я заметила.

Вот оно.

Дыхание и сила вернулись, я приблизилась к стене и полезла.

Скажу вам одно, только это секрет: когда я лезу, я не думаю о падении или о расстоянии. Я думаю о дереве или камне, что передо мной. Я ищу, за что уцепиться руками и ногами.

Я знаю, что пока я могу отыскать это, я буду лезть.

И с вмятиной найти такие места было легко. Камни были полны трещин и неровностей, за которые я могла держаться, куда могла поставить ногу. Вогнутая поверхность камня и наклон утеса означали, что мой вес не был только на пальцах и носках. Не думаю, что так пролезть смог бы каждый. Это было не просто. Но я быстро рассталась с землей и вернулась в свою стихию.

Казалось, что сами камни помогают мне подниматься, словно помогает сама гора.

Еще один секрет: я часто такое ощущаю. Не всегда. Но бывает — и это мои любимые случаи — когда ощущается так, будто лезу не я, а утес, дерево или стена сами поднимают меня все выше и выше.

Я никогда не чувствовала присутствие богов или монстров. Но в такие моменты я знала и была уверена, что рядом что-то сильное, крупнее меня. И я оживала, хоть и волновалась.

Можете считать меня глупой или странной. Моя сестра так и делала.

Я добралась до выступа и была почти разочарована. Мышцы разогрелись, это было приятно, и я еще не начала уставать. И все же стоило забраться на выступ и найти лучшую точку для дальнейшего подъема.

Я забралась на почти плоскую поверхность и села. Я впервые посмотрела вниз.

А внизу Мицукэ, Май и Шино стояли, подняв головы, с открытыми ртами. За стенами Полной Луны стояло несколько самураев Матсудаиры, черные силуэты старого португальского священника и мальчика, Джолало-сана. Они тоже смотрели на меня.

Улыбаясь, я помахала им.

Конечно, в этот миг пошел дождь.

В горах погода часто менялась, особенно, в теплые месяцы. Синее небо могло моментально разразиться дождем. Так же быстро метель сменялась дождем.

Крупные капли превращались в брызги от камней, охлаждали мою теплую шею. Солнце вдруг исчезло, небо потемнело, набежали тучи из-за горы надо мной.

Внизу все разбежались.

Я огляделась в поисках укрытия. Я не ждала многого.

Выступ не был ровным. Вода уже начинала стекать. Я встала, пока она не намочила мои штаны. Выше, где выступ сужался и сливался с утесом, я увидела темную трещину.

Я надеялась, что хоть отчасти влезу туда и скроюсь от дождя, и пошла к тени.

Дождь превратился в град, так бывало весной. Ледяные шарики били по голове.

Трещина оказалась достаточно широкой, чтобы я скрылась от непогоды. Я развернулась, оттолкнулась...

И оказалась внутри, вдали от града.

Я с радостью смотрела, как градины размером с горох бьют по горе.

Встряхнувшись, я огляделась. Было темно. Я вытянула руки, там было место. Каменные стены расширились по сторонам, но я не нащупала конца.

Я еще не бывала в пещерах. Мне было лучше над землей, а не под ней.

Но все же любопытство толкнуло меня идти дальше.

Я шагнула во тьму, потом сделала другой шаг. Воздух был холодным, затхлым. Пахло... чем-то. Птицами. Чем-то еще.

Звук, не связанный со стуком града за мной, донесся из черных глубин. Он звучал как далекий дождь, хотя пол, где мне было видно, был полностью сухим. Может, эхо.

Я повернулась к трещине. Она была вертикальной прорезью яркого света. Град все еще стучал по выступу, залетал в пещеру, усеивая пол у моих ног.

Я прищурилась, пытаясь разглядеть что-то во мраке.

Я вспомнила один из уроков Миэко-сэнсей.

«Если идете от света во тьму, — говорила она, когда мы били соломенные пугала, — закройте один глаз или оба, если можете безопасно сделать это. Так вы не будете слепыми в темноте».

Я опустила на колени и закрыла глаза, отвернувшись от света. Я сосчитала десять вдохов, потом еще десять. Я слушала стук града позади.

Я открыла глаза.

В пещере было мрачно, но я видела, как она расширялась, становясь размером с нашу общую спальню, хоть и с низким потолком.

В мрачном углублении пещеры у черной, как ночь, бездны скорчилось кошмарное существо. Огромное тело было прижато к полу пещеры, у него была угрожающая шишковатая голова, огромные клыки выпирали из страшного черного рта. Его глаза терялись в тени, но они точно смотрели на меня, нарушителя.

Волоски на моих руках и шее встали дыбом. Я не могла дышать, я боролась с желанием выбежать из пещеры с криком. Не подставляй огру спину. *Оба-сан* шутила так, но я знала, что с этим чудовищем шутить не стоит.

Едва дыша, я пятилась к выходу.

Существо смотрело на меня, но не преследовало.

Я ударилась ногой о стену. Свет лился мне на руки сзади. Не мигая, я пятилась по пещере на влажный выступ, которому была рада.

Не было звуков, что монстр меня преследовал.

Я дошла до края выступа и развернулась. Дождь почти кончился, над долиной уже светило солнце. А внизу, по дороге к холму, на котором находилась Полная Луна, а еще лагерь Матсудаиры, шли солдаты.



Но флаги были не синими. А красными со знаком в виде четырех бриллиантов, который я хорошо знала.

Такеда.

Я поспешила вниз по склону. Быстрее было бы только лететь.

\* \* \*

Я спустилась со скалы, поле было еще пустым, и я побежала на дрожащих ногах к задним воротам. Я ворвалась туда, увидела только Джолало, который глядел на меня, словно это я, а не чудище в пещере, была *они*.

— Ты... лазала, — сказал он.

— Да, — я огляделась, пытаюсь найти, кому рассказать. Кухня...

— Ты лазала как... как...

— Как белка, — сказала я. Я поклонилась, прижав мокрые стертые ладони к мокрым холодным бедрам. — Простите, Джолало-сан, — я пробежала мимо него и ворвалась на кухню, где Аимару помогал Ки Сану и Кумо-сану чистить горох, крохотный в его больших ладонях. — Такеда, — выдохнула я. — Солдаты Такеда едут по холму!

Ки Сан хмыкнул, а Кумо-сан фыркнул.

— Надеюсь, они принесли еды, — сказал крупный повар.

Аимару посмотрел на меня.

— Что-то случилось, Мурасаки-сан?

Я не успела придумать, как ответить, Ки Сан сказал:

— Позже. Ну, Яркоголазая? Чего ты ждешь? Звони в гонг и собирай девиц встречать наших гостей.

\* \* \*

Мы снова встали в ряд перед Главным залом. Половина из нас была мокрой, но Чийомэ-сама не переживала. Она смотрела на фигуру, шагающую через ворота к ней.

— Чийомэ, как всегда рад.

Лорд Такеда был меньше, чем я ожидала. Его лицо было идеальным овалом, доброе, хотя глаза были холодными. Он был почти полностью лысым, темная щетина показывала, что он брился как Братишки, но над его ртом были густые усы.

— Мой лорд почитает этот скромный дом своим присутствием, — сказала Чийомэ-сама, низко кланяясь. Я была потрясена, услышав, что она говорила с уважением. Почти. Хитро улыбаясь, она начала указывать рукой на нас. — Хочу предста...

В тот миг единственный в доме, кто мог помешать этой встрече, прошел в открытые ворота. Лорд Матсудаира крикнул:

— Рад встрече, лорд-губернатор Достоинства! — три самурая стояли между ним и лордом Такедой, их ладони были у мечей, но не на них.

— Рад встрече, лорд-губернатор Трех Рек, — ответил Такеда-сама. — Я надеюсь, что ваш путь по моим владениям был приятным, — его четыре стража стояли у открытых ворот, готовые вытащить мечи.

В этот раз был лишь страх, что бой разразится в Полной Луне, и я забыла о монстре в пещере.

Когда Матсудаира-сама и его солдаты не пошевелились, лорд Такеда повернулся к госпоже Чийомэ и сказал:

— Чийомэ, рад, как всегда, быть под твоей защитой. Как я и говорил, мы будем рады забыть мечи в стенах Полной Луны.

— Это честь для меня, милорд.

Лорд Матсудаира улыбнулся, его глаза сосредоточились на Чийомэ-сама.

— Госпожа, мы, конечно, считаем привилегией то, что мы прошли в ваш дом, так что мы тоже оставим мечи в нашем лагере.

С поклонами три самурая Матсудаиры и четыре самурая Такеды отошли, оставив своих лордов на миг без стражи.

— Лорды, — сказала госпожа Чийомэ со скромным поклоном. — Я ценю вашу деликатность и ручаюсь за вашу безопасность в моем доме. Мы не хотели бы, чтобы мои девочки боялись вашего оружия.

Я невольно заметила палочки со сталью на концах в волосах Хоши, силуэты скрытых ножей на предплечьях Миэко, острую леску, скрытую как браслет, на запястье Мицукэ, и веер с выдвигающимися лезвиями, за которым Сачи прятала лицо.

Лорд Матсудаира кивнул и повернулся к Такеде-саме.

— Вот так встреча, милорд. А я переживал за наш график.

— Потому я и предложил встречу, милорд.

— Что ж, лорды, — почти пела Чийомэ-сама, указывая на Главный зал. — Уверена, вы голодны. И я уверена, что у поваров уже что-то приготовлено. Давайте вместе пообедаем.

\* \* \*

Когда мы вошли на кухню, запах супа со свиной начинкой наполнял воздух, полный напряжения.

Ки Сан бормотал на корейском, пока Кумо ругался на низкого мрачного мужчину, стоящего на пороге:

— Мы не будем травить вашего господина, Торай!

— Ясное дело, — хмыкнул низкий мужчина, голос был сухим и гнусавым. Он понюхал суп. — Я не собирался тебе позволять.

Ки Сан хмуро смотрел, раскладывая кимчи по мискам.

Эми приподняла бровь, глядя на меня. Ки Сан не давал нам подавать хорошую еду так.

— И не пускай тот маринованный огонь к главному столу, Ки Сан, слышишь? Такеда-сама может попробовать эту штуку, но у него будет несварение.

— Госпожа любит мой кимчи, Коротышка, — прорычал Ки Сан, — и ей хорошо.

— Что ж, — сказал Кумо, пока два повара не стали биться, — хорошо, что эти милые юные леди разнесут еду. Ки Сан, почему бы тебе не помочь Тораю собрать припасы, которые он принес, и не доставить их в кладовую? А мы пока накроем обед, да?

Ки Сан и Торай смотрели друг на друга, и я думала, что они рассмеются, как сделали Кумо и Ки Сан день назад. Но повар Такеда зарычал на нас:

— Не вздумайте позволять Такеда-саме есть такое, слышите меня, дети?

Мы посмотрели на Ки Сана, который скрипнул зубами, но кивнул. А потом два повара ушли, дверь хлопнула.

— Что ж, — Кумо вздохнул. — Я думал, что вы, девочки, хорошо справлялись. Берите миски и разносите еду, ладно?

## 7 — Испуг

В Главном зале было меньше людей, чем прошлой ночью. Только офицеров пригласили. Пока гости оставались тут, солдаты ели в своих лагерях.

Офицеры Такеда заняли столы слева, а Матсудаира — справа, двери были за их спинами.

Куноичи рассеялись среди мужчин, которые были и рады женскому обществу, и недовольны присутствием другого клана.

Эми дулась, пока мы подавали суп. Я шепнула:

— Думаю, Аимару и Братишки помогают Такеда обустроить лагерь.

Она покачала головой.

— Дело в Май. Странно видеть ее такой.

Я взглянула туда, где стояла Май перед офицером Такеда с заостренной бородой. Она хихикала и краснела, подавая ему кимчи. Хихикала. И краснела. Май.

— Ты так выглядишь, словно съела что-то плохое, — сказал Джолало.

— Нет, Джолало-сан, — я наполнила миску, которую перед ним поставила Эми. — Я... Руки этого скромного слуги еще не зажили. От скалолазания.

— О, — он хмуро посмотрел на меня, но кивнула. Я поняла, что он хмурился, пытаюсь понять что-нибудь.

Португальский священник, которого я теперь обслуживала, шепнул ему на их певучем языке.

Джолало сел прямее.

— Большое спасибо, да.

Эми ухмыльнулась.

Я бросила на нее взгляд, надеясь, что она промолчит.

Она молчала, но не долго.

— Фу.

— Теперь ты выглядишь так, словно съела что-то гадкое.

Она сморщила нос, и я проследила за ее взглядом туда, где Май теперь говорила с другим мужчиной — лейтенантом Матсудаиры со шрамом, с которым она заигрывала прошлой ночью. Она прятала рот за ладонью, хихикая от его слов.

— Похоже, она слишком хорошо приняла твои уроки, — буркнула Хоши Сачи.

— Или не очень хорошо, — сказала Сачи, подмигнув, и рассмеялась.

Два Матсудаира слева от нее рассмеялись, хотя точно не знали причину смеха.

Я хотела спросить у Сачи-сэнсей о поведении Май, когда заметила, как лорд Такеда добавил в свою миску ярко-зеленую кимчи. Я шепнула Эми сквозь зубы:

— Мы не...

Но было слишком поздно. Такеда-сама отправил немного острой капусты в рот и стал жевать.

Я будто смотрела, как кто-то падает с дерева.

Пока Чийомэ-сама болтала с Матсудаира-самой, лицо лорда Такеда медленно краснело.

— Ой-ой, — охнула Эми. Мы обе отвернулись от главного стола, чтобы нас не поймали, глазеющих.

Я наполнила миску, которую Эми поставила перед одним из Матсудаира.

— Думаешь, повар Торай...

— Надеюсь, нет, — она опустила еще миску, и я ее наполнила.

Я не могла больше терпеть и взглянула на главный стол.

Леди Чийомэ усмехалась лорду Такеде, чье лицо было багровым, как закат. Она вручила ему чашку вина.

Он осушил чашку. Лицо осталось красным, но он улыбался. Вытирал лицо платком. Но улыбался.

Маи не знала, какую катастрофу чуть не устроила, оставив миску кимчи на главном столе.

Хоть она была лишь в паре шагов, она заигрывала с офицером Такеда, который улыбался шире, чем его лорд.

На другой стороне комнаты лейтенант Матсудаира, с которым она заигрывала ранее, хмуро глядел на свой суп.

\* \* \*

Обед вскоре закончился, два лорда встали, и их приспешники встали с ними. Лицо лорда Такеда все еще было румяным, но он улыбался.

Через миг он и Матсудаира-сама пошли плечом к плечу к главной двери. Офицеры пошли потоком, настороженно переглядываясь.

Один из Матсудаира, капитан Токимацу, стоял неподвижно. Он пялился весь обед на Миэко, которая скромно поклонилась.

— Чего желает благородный капитан, в чем может помочь эта скромная служанка?

Он нахмурился, этот вид не подходил его лицу.

— Вы... вы... — он покачал головой и улыбнулся. — У Такеда-сама есть племянник по имени Масугу. Вы его знаете?

Хоть ее взгляд был опущен, Миэко чуть улыбнулась и кивнула.

— Масугу-сан был гостем в Полной Луне.

— Я надеялся, что он прибудет с компанией лорда Такеда.

Взгляд Миэко все ещё был опущен, но я видела их блеск из-за своего низкого роста.

— Уверена, Масугу-сан расстроится, узнав, что он пропустил капитана.

— Уверен, — улыбка Токимацу-сана вернулась. — Он и я... были гостями Имагава вместе в юности.

— Ах.

Гости. Великие семьи обменялись детьми — заложниками, по факту — чтобы поддерживать мир.

Токимацу-сан тоже был одним из детей, которых лорд Ода приказал убить, и приказ он отдал отцу Эми, отцу Тоуми и моему отцу.

И они отказались это делать.

Капитан Матсудаира рассмеялся и улыбнулся Миэко.

— Я вижу, почему Масугу хочется проводить тут время, — он поклонился. — Мне нужно к моему господину. Жду нового разговора, госпожа...

Впервые она подняла взгляд, оценивая его. Его улыбка не дрогнула.

— Миэко — имя этой скромной слуги.

— Миэко-сан, — Токимацу-сан снова поклонился и ушел.

Когда он покинул зал, я прошептала:

— Миэко-сан, вы с капитаном...

Ее взгляд рассек меня. Мой вопрос испарился.

— Помоги с уборкой, Рисуко, — сказала Миэко. — Обсудим это ночью?

Трепет пробежал по моему телу от мысли о еще одном уроке.

— Да, Миэко-сэнсей.

\* \* \*

Кухня звучала так, словно внутри шел бой. Я вошла с мисками и подносами в руках, переживая, что там пролили кровь, и не только свиньи.

Открыв ногой дверь, я аккуратно прошла.

— После всего, — кричал Торай, — твои глупые девки скормили ему эту гадость?

Ки Сан был готов взорваться. Кумо встал между ними.

— Не стоит так говорить об этих милых девах. Они стараются изо всех сил.

— И это была не одна из нас, — прорычала Тоуми. — Это была Май.

Руки Ки Сана взлетели.

— Вот *byeong-shin!*

Эми добавила:

— Она дошла до генерала раньше, чем мы смогли сказать ей не обслуживать его.

— *Byeong-shin\*!* — повторил Ки Сан.

Торай зарычал с отвращением, и три повара стали убирать остатки еды со стола. Часть поместили в листья или банки на потом. То, что нельзя было использовать, сбросили в корзины.

— Яркоголазая, Улыбчивая, — хмыкнул Ки Сан. — Отнесите это к мусорной яме.

— Да, Ки Сан-сан, — сказали мы и радостно покинули кухню.

\* \* \*

Мы вышли на солнце и слышали смех. Май была у нашей спальни, говорила с офицером Такеда с заострённой бородой, с которым она заигрывала за обедом. Она прислонялась к углу здания, а он нависал над ней с улыбкой.

Эми и я выбежали в заднюю дверь лагеря.

Едва дверь закрылась за нами, мы засмеялись. То, что мы старались отчаянно не смеяться, сделало все хуже.

Когда мы перевели дыхание, Эми сказала:

— Интересно, знает ли он об острой проволоке в ее повязке на голове.

Это снова вызвало смех.

Мы прошли к мусорной яме на востоке от холма, где находилась Полная Луна. Мицукэ, которая раскладывала груды камней между рядами в саду, неодобрительно посмотрела на нас, но мы не могли остановиться. Из глаз лились слезы, и только отчасти дело было в запахе мусора, который мы несли.

Когда мы высыпали все это и развернулись, мы посмотрели на скалу, словно сговорились.

— Итак, — сказала Эми, — ты добралась до вершины?

Я покачала головой.

— Когда пошел град, я прошла только две трети. Видишь тот выступ? — я указала.

Она кивнула.

— Видишь левее темную трещину?

Она прищурилась, хмурясь сильнее. Она снова кивнула.

— Это пещера, — глядя на мои еще красные ладони я прошептала. — Внутри был монстр.

— Монстр?

— Огр. С огромными бивнями и острыми зубами.

— Огр?

Я кивнула, ждала ее сомнений.

Ее глаза стали огромными.

— Он... погнался за тобой?

Я покачала головой.

— Только смотрел на меня огромными черными глазами.

— Это мог быть дружелюбный дух?

— Он так не выглядел.

— Но он не пошел за тобой?

— Нет, — ясное дело, или я не стояла бы тут.

— Может, он был... — она нахмурилась. — Может, он... спал или... умер?

Я подумала об этом. Неподвижность пещеры. Впавшие глазницы.

— Возможно.

Вряд ли от этого было менее страшно.

Мы обе глядели на пещеру мгновение. А потом облако закрыло солнце, и мы поежились.

— Идем, — сказала я. — Он еще не спускался с горы. Уверена, он останется там, мертвый или нет.

Эми кивнула.

— Да. Давай вернемся.

Огр занял наши мысли так сильно, что, когда мы вернулись к двери и слышали крики, мы не знали, в чем была причина.

Мы вошли и увидели, что Май стояла меж двух мужчин — офицер Такеда и Матсудаира со шрамом, с которыми она заигрывала за ужином. Мужчины кричали друг на друга слова, которые я не слышала, хоть я неделю ехала с копейщиками лейтенанта Масугу месяцы назад.

Хоть они были выше нее, Май неплохо справлялась, расталкивая их.

Кумо вышел из кухни с Тораем, Ки Саном, Тоуми и Аимару.

— Что вы делаете с этой юной леди?

Солдат Такеда зарычал. Солдат Матсудаиры закричал и указал на другого самурая.

— Этот кусок грязи пытался...

Такеда бросился снова, и Май выглядела как щенок, который пытался разнять двух волков.

— *Стоять!*

Все во дворе замерли.

Госпожа Чийомэ прошла в участок солнечного света.

— Господа, уверена, у вас обоих есть работа в другом месте. Уверена, ваши обязанности не включают игры с девами Полной Луны. Ваши командиры услышат об этом, обещаю. На вашем месте я бы занялась работой, которую вы забросили. Сейчас же.

На лицах воевали ярость и стыд, двое мужчин напряженно пошли к главным воротам.

— Май-чан, — сказала Чийомэ-сам, ее тон был тише, но не менее резким, — тебе еще нужно поучиться вести себя. Думаю, помощь с делами Мицукэ поможет тебе, — она повернулась и пошла к главному двору.

Глаза Май были ядовитыми. Но она подавила то, что хотела сказать, поклонилась удаляющейся спине госпожи Чийомэ.

— Ну-ну, — сказал Кумо и хотел обнять рукой Май, чтобы поддержать ее.

Она подняла руку. Я видела, что она сдерживала желание ударить большого повара.

— Я в порядке. Я поищу Мицукэ-сэнсей. Помогу с делами, — она прошла шумно мимо меня и Эми к задним воротам.

Мы стояли там, три повара, три помощницы и Аимару. Через миг Ки Сан встряхнулся и

сказал:

— Соколик, Лунный пирожок, покажите Улыбчивой и Яркогоглазой, что нужно убрать. Нам с парнями нужно убедиться, что все припасы Такеда должным образом разложены, — серьезно кивнув, трое мужчин пошли к кладовой.

\* \* \*

Мы тихо прошли втроем на кухню. Она была безупречно чистой.

— Вовремя, — сказала Тоуми, кривясь.

— Мурасаки видела они в пещере в скале, — сказала Эми.

Другая девочка посмотрела в шоке сначала на нее, потом на меня.

— Я... — пролепетала я. — Думаю, он был... мертв?

— И все же, — Тоуми глядела на меня так, словно не знала, верила ли хоть слову. — Они?

— Огромные бивни, — прошептала Эми. — Когти как ножи для мяса.

Тоуми глядела на меня.

— Но... мертв.

Я пожалала плечами. Я хотела придумать, что сказать, но грохот сообщил об открытии большой двери Главного зала.

Голос госпожи Чийомэ рывкнул:

— Лорды, благодарю, что почтили меня своим присутствием.

Второй удар скрыл два тихих ответа.

— Лорды, эта скромная вдова может полагать, что офицеры лордов доложили о произошедшем днем?

Снова ответили два тихих голоса.

Мое плечо задела. Я моргнула и повернула голову. Эми и Тоуми указывали на решетку, разделявшую кухню и столовую.

Я встряхнулась и прыгнула на стол для разделки, поднялась к балкам, тянущимся на всю комнату. Осторожно перешагивая травы, которые там повесил Кии Сан, я прошла к решетке, пригибаясь, чтобы меня не увидели.

— Госпожа Чийомэ, — сказал Матсудаира-сама. — Я уже отчитал Сакаи Тадашиге. Он больше не побеспокоит ваших леди.

— Благодарю от лица моих девочек, мой лорд.

— И я сделаю так со своим лейтенантом, Торимасой Норитадой, — сказал лорд Такеда. — Госпожа, я хочу донести эту мысль для всех своих солдат. Могу я привести их сюда, чтобы поговорить с ними?

— Конечно, мой лорд, — я услышала, как она заерзала. — Я, конечно, отчитала свою девочку. Но, если лорды желают, я могу ее казнить.

После мига тишины, в который я не могла дышать, лорд Матсудаира сказал:

— Ни за что.

— В этом нет необходимости, — сказал лорд Такеда.

— Благодарю, мои лорды. Мы, скромные слуги, ценим терпение лордов, — я услышала шорох, Чийомэ-сама, видимо, кланялась. Она добавила перед тем, как выпрямиться. — Мои лорды, хочу сообщить вам, что мои учителя и я знаем, что на службе богам наши ученицы будут идти по опасному миру. Хотя это против их природы, мы учили их защищаться. Мы хорошо их обучили. Надеюсь, вы сообщите своим людям, чтобы они... не пугали юных женщин Полной Луны. Мои девочки невинны, они могут отреагировать так, что это вызовет

позор. Думаю, мои лорды согласятся, что никто из нас такого не хочет.

— Точно, — сказал Такеда-сама.

Теперь хмыкнул лорд Матсудаира.

— Мы можем согласиться в этом. Верю, мы понимаем друг друга, — после паузы он добавил. — Мой лекарь в распоряжении юной леди, если ей нужна забота.

— Милорд-губернатор Трех Рек так добр, — сказал лорд Такеда. — Но эта юная леди — подданная Такеда. Мой лекарь в ее распоряжении.

— Вы оба так добры, — сказала госпожа Чийомэ. — Не думаю, что она ранена, я бы не тратила щедрые дары без необходимости.

Я слышала, как лорды заерзали, бормоча, и было странно, что двое самых сильных мужчин во всей Японии вели такой смущающий разговор о Майи.

Наконец, лорд Матсудаира сказал властно:

— Я соберу своих людей.

Лорд Такеда хмыкнул в согласии.

— Мои лорды, это честь для моего дома, — шорох отметил, что госпожа Чийомэ встала.

— Чийомэ, — сказал лорд Такеда. — Я соберу своих людей и приведу их сюда. Милорд-губернатор Трех Рек, не стесняйся использовать это место как свое место встречи. Может, мы сможем продолжить обсуждение в Час Козы?

— Милорд-губернатор Достоинства, это будет в Час Козы.

Два лорда прошли к двери. Когда она закрылась, я стала двигаться к полу, но голос Чийомэ-сама остановил меня:

— Можешь слезать, Рисуко, и сообщи всем моим слугам, что им нужно немедленно прибыть в Главный зал. И да, можешь сказать девочкам, что я хвасталась их талантами, — а потом она добавила. — О, и можешь сказать Майи, как близка она была к грязному концу.

\* — «идиот» с корейского

## **8 — Урок**

Потребовалось время, чтобы собрать девушек и женщин Полной Луны в зале. Многие из них уже были во дворе кухни, обсуждали произошедшее. Когда Майи и Мицукэ пришли из сада, все следили за ними. Мицукэ выглядела неприметно, как всегда. Майи вспотела, ей было неловко, и это не удивляло.

Я решила, что не передам ей предупреждение госпожи Чийомэ. Но я прошептала девочкам, что госпожа говорила о нашем обучении.

Вскоре мы выстроились за главным столом с госпожой Чийомэ. Восемнадцать женщин, пять девочек.

Мужчины лорда Такеда стояли между столами, где мы еще недавно подавали им еду.

Такеда-сама занял обычное место госпожи Чийомэ в центре главного стола перед нами. Он сел, его солдаты сели на пол.

— Наша хозяйка, госпожа Чийомэ, напомнила мне то, что вы должны знать без напоминания. Эти юные леди, хоть и красивые, тут не для нашего развлечения.

Некоторые мужчины засмеялись, но что-то в лице Такеда-сама немедленно их остановило.

— Лорд Матсудаира говорит своим людям проявлять к леди Полной Луны уважение, ведь это благородные юные девы и слуги богов, — он склонился, уперся локтем в стол. — Я говорю вам, что это так, но куда важнее проявлять уважение к слугам Мочизуки Чийомэ. Все вы должны помнить — хотя не все знают — что их милых дев обучили не только танцевать,



играть и подавать еду вам и богам. Они обучены и искусствам, которые вы практикуете. Хоть они так не выглядят, эти женщины — ваши товарищи-солдаты.

В первом ряду один из офицеров — лейтенант с заостренной бородой, который бился за Май — закатил глаза.

Лорд Такеда склонил голову, взглянул на госпожу Чийомэ. Она улыбнулась и сказала: — Видимо, придется показать, — она вытянула два пальца на меня и Эми, потом на храм за нами.

Мы открыли двери и слышали за нами шепот, когда стало видно статуи богини Бентен, бога войны Бишамон и Будды будущего — а еще четыре стальных тренировочных меча и потрёпанную броню, которая украшала свинью день назад. Миэко кивнул нам, прошла вперед и взяла меч.

В первом ряду лейтенант, закатывавший глаза, теперь фыркнул.

Улыбка осталась, Миэко медленно подняла кончик меча в позу Двух Полей. Она посмотрела на госпожу Чийомэ, та склонила голову.

Широким шагом Миэко прыгнула на главный стол, взмахнула мечом за собой, еще один широкий шаг — и она добралась до лейтенанта, чьи глаза расширились. С рыком зверя она опустила меч, приземляясь — Ключ Небес — и замерла в пальце от головы лейтенанта, как сделала со мной прошлой ночью.

Глаза солдата остались широким, но его поза не изменилась.

— Лейтенант Торимаса, — сказала Миэко, тупой клинок замер над его головой, — эта скромная слуга просит прощения. Я застала вас врасплох. Может, вы хотели бы напасть на меня? — она подбросила меч, поймала его за клинок и протянула рукоятью к лейтенанту.

Он нахмурился, стал что-то говорить, а потом взглянул на командира.

Такеда-сама сказал:

— Бери меч, Торимаса.

Его гримаса порозовела, лейтенант встал и взял тренировочный меч.

Миэко отпрянула на шаг и поклонилась ему.

— Я не могу нападать на женщину. Она безоружна.

— Торимаса, — расслабленная поза командира не изменилась, но его тон был холодным.

Миэко вытащила из сумочки веер и раскрыла его.

— Теперь я вооружена, Торимаса-сан.

Несколько солдат рассмеялись. Я посмотрела вправо. Лицо Мицукэ было нейтральным, но другие женщины и девочки улыбались, как голодные волчата.

Скалясь, Торимаса направил на нее тупой тренировочный меч.

Миэко отбила меч веером. Маневр сломал бы обычный веер, но этот был со стальными ребрами — и не только.

Торимаса нахмурился и, наконец, встал. Со скучающим раздражением на лице он махнул рукой с мечом пренебрежительно, целился тупым краем в голову Миэко.

Она легко отразила удар и шлёпнула по его щеке закрытым веером.

От этого потекла кровь. Покраснев от гнева, лейтенант поднял ладонь к щеке, хмуро глядя на Миэко.

Она отошла, будто танцуя, раскрыла веер еще раз.

— Может, эта скромная слуга должна дать лейтенанту повод относиться к этому серьезно? — нажав на кнопку в веере, она выпустила сияющие клинки. Ее милый веер

теперь выглядел как опасное оружие, каким и был.

Редкие вне Полной Луны видели это и выжили, чтобы рассказать об этом.

— Они ядовиты, Торимаса-сан, там сок милой ягоды. Я нанесла яд этим утром. Смерть от него долгая, но вы не сможете защищаться в течение минут. И будете ощущать, как ваше тело медленно отказывает, вплоть до смерти.

Торимаса с воплем направил финт к левой ноге Миэко, но направил яростную атаку к ее шее.

Словно в танце, Миэко легко направила вес, поймала удар между клинками веера, шелк с красивыми цветами рвался. Она тряхнула запястьем, вырвала меч из рук лейтенанта, посылая его под стол, недалеко от ног Такеда-самы.

Продолжая танец, она юркнула за противника и прижала кончики клинков веера к его шее сзади. Из ножен в волосах она вытащила тонкий клинок и прижала к его целой щеке.

— Теперь я получила ваше внимание, лейтенант Торимаса?

Он хмыкнул, не в состоянии двигаться.

— Да, — процедил он.

— Тогда, прошу, послушайте. Я закончила жизни ста сорока трех человек. Сто восемь мужчин, многие были вооружены, и тридцать пять женщин. Шестидесят одного я убила ножами. Восемь — мечами, троих — нагинатой. Сорок три умерли от удушья, я задушила их голыми руками. Еще двадцать восемь я отравила. Я не наслаждалась, убивая их, и не буду рада убить вас, — она мрачно улыбнулась нам, стоящим за лордом Такедой. — Но я убью вас, Торимаса-сан. Хотя не только я в Полной Луне знаю Путь Воина. Рисуко-чан?

— Миэко-сан?

Держа отравленные клинки веера у его шеи сзади, она бросила нож мне. Бросок был осторожным, и я смогла поймать нож за рукоять. Но вопли удивления взорвали собравшихся солдат. Миэко улыбнулась, показывая, что я справилась хорошо.

— Иди сюда, Рисуко.

Ощущая на себе сто пар глаз, я вышла из-за стола. Я ощущала, как солдаты Такеда пялились на меня. Я ощущала себя крохотной и огромной одновременно. Причина, по которой она меня выбрала, стала понятной: я была самой маленькой и наименее грозной из девочек тут.

И я не удивилась, когда она спросил у меня:

— Как бы ты убила лейтенанта, Рисуко-чан?

Торимаса щурился от гнева, но там было и то, чего я не ожидала: страх. Его заостренная борода дрожала, а его черные зрачки были маленькими, как зерна мака.

— Я не хочу вам вредить, Торимаса-сан, — сказала я. Едва я произнесла слова, я поняла, что повторила Миэко перед тем, как она убила двух стражей Имагава в гостинице у горы Фудзи прошлой осенью. Я взглянула на наставницу.

Ее глаза были почти добрыми.

— Но если бы пришлось, Рисуко, что бы ты делала?

Сглотнув, я прошла к ней, за лейтенанта. Ладонь дрожала, и я опустила опасный кончик ножа рядом с клинками ее веера.

— Я бы направила кончик клинка под череп, рассекла бы позвоночник.

Стояла тишина.

Я была достаточно близко к Торимасе-сану, чтобы ощущать запах его тревоги и ярости, и это почему-то напомнило, как Масугу-сан приходил в себя после отравления.

— Благодарю, леди, — сказал лорд Такеда. Как в первую встречу, тепло его улыбки не затрагивало его глаза. — Этого хватит.

Мы с Миэко опустили оружие и поклонились, вернулись на место к другим девушкам.

— Думаю, — продолжил Такеда-сама, — вы меня поняли. Это наши товарищи по оружию. Они ходят туда, куда не может пройти солдат, но они так же важны для нашей победы в этой войне, как любой из вас. Любой из вас. Ясно?

Солдаты крикнули хором:

— Да, господин! — и поклонились ему, хотя казалось, что они кланялись нам.

Торимаса простерся перед лордом.

— Господин, я опозорил себя в ваших глазах.

— Возможно, лейтенант. И, может, хорошо, что мы не носим мечи в этом доме. Я запрещаю тебе наказывать себя, ясно? Твое наказание будет просто работой, ты не сможешь отвлекать этих милых и опасных юных леди. Это ясно?

— Да, господин, — сказал Торимаса, все еще лежа на животе на деревянном полу.

— Помните, господа, Матсудаира не знает истинную цель этой школы и об истинных... способностях этих дев. Это должно остаться тайной.

— Да, господин! — крикнули солдаты.

\* \* \*

Ужин той ночью был почти тихим. Матсудаира и Такеда даже не смотрели друг на друга, кроме Джолало, который озирался, как котенок, который знал, что кто-то был в беде, но не он.

— Миэко, Сачи, Хоши, Мицукэ, Рин, — рявкнула Чийомэ-сама, как только солдаты покинули зал, — идемте. Нам нужно поговорить, — она повернулась и пошла по лестнице в свои покои.

Миэко печально улыбнулась мне: мы не сможем встретиться этой ночью для урока.

И, когда мы вычистили купальню, я проникла на кухню и взяла вакидзаси. Держать нож у черепа лейтенанта Торимасы было... ужасно. И поразительно. Но держать меч был приятнее, чем один из кинжалов Миэко-сан.

Я вернула короткий меч на его храм и прошла на носочках к спальне. День был долгим и утомительным, и я ожидала, что все уже спали.

Все спали, кроме Эми.

— Где ты была? — спросила она, когда я скользнула в спальный мешок.

Я думала соврать, сказать ей, что посещала Короля, как звал это Ки Сан. Но правда казалась лучшей идеей.

— Я ходила на кухню. Проверяла, в порядке ли меч, который дал мне Масугу.

— О, — Эми устроилась за мной. — Логично. Это красивый меч.

В холодную часть зимы, которая длилась долго тут, в горах, мы спали так, свернувшись вместе для тепла, но и для утешения. И, конечно, так было проще шептаться. Тоуми было тяжело разбудить, но когда она просыпалась, она была раздраженной, как медведь, вышедший из спячки.

— Ты еще думала об огре?

Я поежилась.

— Нет, я пыталась о нем забыть.

— Не могу винить, — Эми крепко меня сжала. — Я тебя защищу, не переживай.

— Ладно. Спасибо, — не зная, шутила она или нет, я осторожно ткнула ее локтем в

ребра. — Я думала о твоём вопросе, мог ли он быть мертвым. Я не видела и не слышала его движений. Но я ощущала, как он... смотрел на меня...

Мы поёжились вместе, хотя ночь не была холодной.

Когда я была младше, мама рассказывала мне и Усако истории перед сном — истории о монстрах и демонах, от которых мы дрожали. Конечно, они всегда заканчивались тем, что Мальчик-персик или Девочка с мечом обманывали существ и возвращали магическое сокровище. Даже так истории дарили мне кошмары.

Но они не пугали так, как то, с чем я столкнулась в той пещере.

— О чем ты думаешь, Мурасаки?

— О матери. Она рассказывала мне и сестре жуткие истории об ограх и прочем.

— Хм. Моя мать рассказывала мне о богатых лордах и леди. Истории о любви. Чаще всего печальные.

— Ах, — я повернулась к ней. — Ты часто думаешь о своей матери?

Она приподняла плечо.

— Каждый день. Я засыпаю, рассказывая себе те истории.

Я фыркнула.

— Ты засыпаешь, едва твоя голова касается подушки.

Она закатила глаза и посмотрела поверх моего плеча во тьму.

— Мурасаки?

— Да?

— Думаешь, я... милая?

— Что? Да, конечно. Особенно, когда ты улыбаешься. Почему ты спрашиваешь?

Она пожала плечами, ее глаза встретились с моими.

— Из-за мужчин, бьющихся из-за Майи.

— Я не считала ее милой, — шепнула я, хотя слышала свист храма Майи за стеной.

— Торимаса-сан и офицер Матсудаиры явно считали ее такой.

— И им преподали урок.

— Надеюсь. Спокойной ночи, Мурасаки.

— Спокойной, Эми, — я отвернулась от нее, и мы уснули спокойно, не зная, что утро принесет мертвое тело у входной двери.

## 9 — Восходящее солнце

Первым признаком того, что что-то было не так, был пронзительный вопль Шино, который разбудил всех в спальне и, наверное, всех в долине.

Шино обычно не кричала. Ворчала, рычала, да. Но я не слышала такого вопля от нее. Должна быть причина.

И она обычно не вставала первой.

Тоуми, Эми и я прошли к входной двери, и раздался еще вопль — в этот раз Майи.

Мы наткнулись на странно спокойную сцену, выйдя в лучи рассвета.

Майи и Шино шатались, как сосны под ветром, по бокам от фигуры, стоящей на коленях: лейтенант Торимаса. Его голова лежала на боку, ладони сжимали короткий меч, торчащий из его живота. Кровь лилась из раны на его синюю накидку, собираясь лужей между ног.

Часть меня заметила, что его кровь загустела, кровь в кадке была еще жидкой, когда я разрешила свинью через час после того, как Эми ее убила. Торимаса был мертв куда дольше.

Часть меня хотела кричать, как сделали Шино и Майи. Но я этого не сделала.

Я видела мертвецов раньше. Я видела кровь. Много крови. Мы все видели.

Я оглянулась на Эми и Тоуми, увидела, что они тоже ощущали, что со смертью Торимасы-сана было что-то не так.

Я не успела подумать об этом и поговорить с другими девочками, топот ног по гравии сообщил о прибытии Братишек. Они застыли, завернув за угол Главного зала. Аимару врезался в спину меньшего, а Хоши, Сачи и Миэко выбежали из спальни женщин, за ними спешили несколько куноичи младше. Ки Сан и два других повара вышли из кухни.

Все смотрели на тело. Он выглядел почти спокойно, сидя в синей накидке и штанах, словно он вышел на вечернюю прогулку и удивился, что умер.

Госпожа Чийомэ вышла из-за поваров, посмотрела на сцену. Она буркнула слова, от которых Кумо, повар Матсудаира, побелел. Она повернулась к нам.

— Какое милое начало нового дня. Кто-то из вас... — сначала она посмотрела на Шино и Май, которые все еще стояли, застыв, а потом повернулась ко мне. — Рисуко. Отыщи лорда Такеду и сообщи, что его лейтенант мертв.

\* \* \*

Я не думала, пока бежала по Полной Луне. Иначе я поняла бы, что ворота были закрыты. Братишки открывали их.

Если бы я побежала к задним воротам, пришлось бы бежать через толпу, собравшуюся вокруг тела, и от этой мысли меня мутило. Я не хотела снова видеть тело, но меня больше мутило от мысли, что придется бежать мимо госпожи Чийомэ и других девочек.

И я сделала то, что было для меня естественно: я забралась на стену.

Используя выступы в стенах Гостевого дома (где Масугу-сан чуть не умер прошлой зимой), я взлетела к крыше, побежала к передней стене лагеря и прыгнула.

Я падала и прыгала с деревьев больше раз, чем могла сосчитать. Я подворачивала лодыжки и обдираала локти и колени так же часто.

Даже так, слепой прыжок со стены в три раза выше меня был не самым умным моим поступком.

Но мне повезло. Земля за стеной Полной Луны была в густой весенней траве, все еще влажной от вчерашнего дождя. Удар выбил из меня дыхание, но я прокатилась в сторону и вскочила на ноги. Ничего не было ранено.

Я подняла голову, переводя дыхание, и увидела красные ворота тории в шаге от стены. Я бы рассмеялась, если бы было дыхание. Я могла съехать по алым столбам и забраться потом, не летая по воздуху.

В следующий раз.

Двое часовых стояли у ворот — один был с гербом из четырех бриллиантов, а у того, что стоял ближе, был знак трех листьев имбиря. Как только я приземлилась, оба повернулись ко мне и побежали.

Глаза часового Матсудаиры были огромными, как у совы.

— Ты... ты же... — он нахмурился. — Ты... девочка.

— Одна из девочек Полной Луны, — шепнул часовой Такеда с мрачной улыбкой.

— Я в порядке, — сказала я, стряхивая траву со штанов. Я повернулась к солдату Такеда. — Мне нужно поговорить с Такедой-сама. Это срочно.

Он приподнял брови, но кивнул. Он сказал солдату Матсудаиры:

— Аосаги, ты сможешь не пустить своих ребят ломать ворота?

Солдат Матсудаиры моргнул, а потом фыркнул.

— И твоих ребят тоже, Юкиширо.

Юкиширо увел меня от ворот.

Две армии устроили лагеря по обе стороны от дороги — синие флаги Матсудаиры отмечали палатки справа, а красные флаги Такеда — слева. Оба лагеря казались неподвижными, хотя дым от пары костров поднимался в серебристо-голубое утреннее небо.

Я пошла за Юкиширо в сердце лагеря Такеда. Мы остановились у входа в самую большую палатку, и Юкиширо обратился к двум стражам снаружи:

— Наш товарищ по оружию говорит, что у нее срочные новости для Горы.

Я быстро поклонилась.

Один из стражей мрачно посмотрел на меня, но старший поднял руку.

— Что за новости, девица?

Я думала настоять, что передам новости только лорду Такеда. Но я вдруг поняла, что такая новость вряд ли обрадует генерала.

— Лейтенант Торимаса... мертв.

Это удивило всех трех стражей. Младший потянулся к мечу, но Юкиширо остановил его руку.

Голос загудел из палатки.

— Что? — ткань на входе в палатку раскрылась, и лорд Такеда вышел. — Что ты сказала, девочка? — его лицо было помятым, на лысой голове торчала щетина. Но его глаза были узкими, а голос — низким от гнева.

Я встала на колени и коснулась лбом примятой травы.

— Мой лорд, — сказала я. — Мы нашли Токимасу-сана в Полной Луне. Он... мертв.

— От чьей руки? — прорычал генерал.

— Похоже... — я осмелилась взглянуть на лорда Такеда и тут же пожалела, опустила голову к земле. — Выглядит так, словно он, кхм, забрал свою жизнь, мой лорд.

— Выглядит, — прорычал он. А потом он рывкнул страже. — Пусть Баба и Хара встретят меня внутри. Посмотрим, как это выглядит.

\* \* \*

Когда мы пришли в Полную Луну, Братишки открыли врата. Юкиширо вернулся на место напротив часового Матсудаиры, Аосаги.

Лорд Такеда и его стражи прошли за мной во двор кухни, где обитатели Полной Луны собрались — все, кроме поваров и девочек. Дым поднимался из трубы над кухней, я уже пропускала приготовление завтрака, и Тоуми будет ворчать об этом днями.

Женщины пропустили лорда Такеда. Не двигались только госпожа Чийомэ, Шино, Майи и (конечно) покойный лейтенант. Две старшие девушки стояли перед Токимасой, едва дышали с тех пор, как я ушла.

Лорд Такеда прошли между двумя ученицами, разрушая чары. Они отпрянули, а Такеда-сама смотрел на тело.

Он стоял, хмуро глядя на труп лейтенанта, облако с гор спустилось и закрыло восходящее солнце.

Никто не дышал.

Облако появилось быстро и уплыло к долине, и двор озарил золотой свет солнца, не вяжущийся с нашим настроением.

Лорд Такеда взглянул мне в глаза.

— Ты сказала мне, что выглядело так, что лейтенант совершил сеппуку, — он указал на тело. — Скажи, девочка, почему ты сказала «выглядел»?

Были моменты в жизни, когда хотелось оказаться в любом месте, кроме этого. И в такой момент я бы с радостью оказалась в пещере с демоном или в лагере бандитов, связанная за запястья, чем стояла бы перед одним из самых сильных людей в мире и всеми женщинами Полной Луны, думая, как ответить.

Мой пересохший рот открывался и закрывался. Я посмотрела на госпожу Чийомэ, ее лицо было каменным. Сачи, учительница музыки, кивнула, когда я поймала ее взгляд, как и Миэко, и я резко вдохнула.

— Это выглядит как сеппуку, мой лорд, но я не верю, что это так.

— Нет? — он оскалился мне. Это выглядело как улыбка, как тигр улыбался бы кролику. Или белке. — Почему нет?

— Потому что... — Миэко снова кивнула. — Потому что, мой лорд, кровь...

— Кровь?

— Если... Как по мне, мой лорд, если... — не произноси имя, подумала я. Не зови его призрака быть рядом. — Если он был жив, когда меч пронзил его плоть, кровь бы, кхм, брызнула. В стороны. Но она не брызнула. Она вытекла на землю.

— Ясно, — процедил он. — И если его убил не меч, как же умер мой лейтенант, девица?

— Эм... — я указала на голову Торимасы-сана. — Похоже, кто-то сломал ему шею, — как курице, каких мы с Тоуми и Эми убивали месяцами. — А потом его уложили, чтобы, как и сказала эта скромная слуга, мой лорд, это выглядело так, словно он убил себя.

— Да? — он скрестил руки.

Двое старших мужчин — капитаны Баба и Хара — подбежали по бокам от меня. Они замерли, удивленно шипя при виде тела Торимасы-сана.

— Господа, — сказал лорд Такеда, — дитя сказала мне, почему она думает, что юный лейтенант не совершал самоубийство.

— Не совершал? — сказал один из капитанов.

— Да, — прорычал лорд Такеда. — Как тебя зовут, девица?

Хоть они не двигались, все женщины Полной Луны будто отпрянули на шаг.

— Я... — я встала на колени и прижала лоб к грубому гравью. — Кано Мурасаки — имя этой скромной слуги.

Короткая пауза, а потом Такеда-сама рявкнул:

— Кано?

Не зная, как ответить, я подняла взгляд. Но генерал смотрел не на меня. Он пялился на госпожу Чийомэ, которая улыбнулась, не разжимая губ, и самодовольно поклонилась.

Я не знала, что это был за обмен. Вряд ли кто-то из куноичи знал.

— Итак, Кано Мурасаки, — продолжил лорд Такеда, и я опустила голову к земле. — Раз ты знаешь о таких делах, кто бы мог убить моего офицера?

— Кхм, я не знаю, мой лорд.

— Нет? — его ноги шумели гравием, он прошел ближе ко мне. — Может, ты сама совершила преступление? Ты сказала всем нам прошлой ночью, что могла бы убить его, — гравий хрустел, лорд замер над моей головой.

— Нет, мой лорд! Я... не могла этого сделать! Тот, кто это сделал, явно был выше, — вдохновение вспыхнуло во мне. — Я не верю, что нам хватило бы роста сломать так его шею.

— Нет? — он отошел от меня, и я услышала, как все женщины Полной Луны ответили, что они не могли это сделать. Он прошел дальше. — Даже если бы он... лежал?

Вскрик заставил меня поднять голову. Лорд Такеда стоял близко к Май, которая плакала, ее лицо было скрыто у шеи Шино. Шино обвила девушку руками, выпрямилась и сказала:

— Нет, мой лорд. У нас с Май общий матрац. У нас не было гостей. Она не могла покинуть спальню без моего ведома.

Я не знала, кто был удивлен сильнее: лорд Такеда из-за того, что Шино смело говорила с ним, или женщины Полной Луны, потому что Май и Шино обычно не могли даже погоду обсудить без спора. Это снова преподало мне урок, что внешность могла быть обманчива.

Лорд Такеда хмуро глядел на двух девушек, Шино хмуро смотрела в ответ. Я боялась, что он зарежет ее на месте за наглость, но он был без меча.

Гневно фыркнув, лорд Такеда повернулся к Чийомэ-сама.

— Что насчет твоих великанов, Чийомэ?

Старушка склонила голову.

— Они способны, мой лорд. Но я верю, что они сделали бы это только для защиты меня или девочек. И они не стали бы изображать самоубийство. Они просто пришли бы и сказали мне. А этого не было.

— Ба! — он отошел от госпожи Чийомэ к телу. — Я хочу знать, Чийомэ, кроме того, кто убил моего солдата, почему в животе этого мужчины меч моего племянника Масугу.

## **10 — Кипящий котел**

Леди Чийомэ хмыкнула.

— Это, мой лорд Такеда, отличный вопрос, — она повернулась ко мне, все еще прижимающуюся к гравию. — Скажи, Рисуко, что меч Масугу-сана тут делает?

Я пролепетала, что не я пронзила лейтенанта.

— Да-да, — старушка цокнула языком. — Думаю, тот, кто владел мечом, сломал солдату шею. Ладно. Нет, я спрашивала, как у тебя оказался меч. Я видела, как ты его носила на днях. Упал с лошади Масугу?

— Нет, госпожа! — я могла поклясться, что слышала, как Май и Шино смеялись надо мной, хотя Май, скорее всего, еще плакала.

Тихие шаги прошли ко мне. Миэко сказала:

— Масугу-сан оставил свой короткий меч под опекой Рисуко-чан, пока он на задании. Это хорошее оружие, и на нем метка Такеда. Он ощущал, что меч мог его выдать в пути, — она встала на колени и коснулась моего плеча.

— Это так, девица Кано? — прогудел лорд Такеда. — Мой племянник оставил свой вакидзаси тебе на хранение?

— Да, мой лорд.

Май сжала мое плечо.

— И где ты его хранила, раз он попал в живот моего солдата?

Хоши, учительница каллиграфии и стражница, прошла ко мне с другой стороны.

— Мой лорд, наш повар Ки Сан сказал ей хранить его на кухне. Мы все его там видели.

— Это так?

Все женщины Полной Луны пробормотали:

— Да, мой лорд.

— Хм, — сандалии лорда Такеды ушли от меня.

Миэко шепнула:

— Вставай, — и помогла мне подняться.



Лорд Такеда и госпожа Чийомэ стояли с кислыми лицами, глядя на труп Торимасы.

Глядя на него сзади, я заметила впервые, что его синие штаны сзади были в темно-красных пятнах, как и его обувь.

Кровь? Нет. Краска.

— Итак, — хмыкнул лорд Такеда своим капитанам, — если это не сделали эти леди, как и те два великана, — он махнул большим пальцем на Братишек, — то это был кто-то снаружи, — он хмуро посмотрел на капитанов Баба и Хара, а потом на всех нас. — Как убийца проник? Да и как он подкрался? — он хмуро посмотрел на мертвого лейтенанта. — Девица, — сказал он Сачи, — скажи стражам у ворот немедленно доложить мне. Ты, — сказал он одному из стражей из своей палатки — старшему, — проверь, заперты ли задние ворота. Хара, сообщи лорду-губернатору Трех Рек, что нам нужно срочно поговорить с его лейтенантом, Сакаи, с которым этот ссорился, — он кивнул на труп.

Маи шмыгнула, и Такеда-сама посмотрел на нее и на нас с кислым видом.

— И остальные... уверен, у госпожи Чийомэ есть много дел, которыми вы должны заниматься.

— Да, мой лорд, — пробормотали все мы.

— Займитесь ими, — приказал он. Мы стали расходиться, как иней весенним утром, а он указал на Маи. — Кроме тебя.

Маи все еще была бледной, но когда Шино попыталась остаться с ней, Хоши взяла ее за локоть и увела от сцены убийства.

\* \* \*

Когда я вошла на кухню, шесть лиц посмотрели на меня огромными глазами — три повара, две ученицы и Аимару.

— Ну? — спросила Тоуми. — Прошу, скажи, что они поняли, что он не убивал себя.

— Тоуми! — Эми нахмурилась, собирая ферментированные соевые бобы в большую миску.

— Да, — сказала я, встав между Эми и Аимару и став чистить бобы. — И лорд Такеда узнал меч Масугу-сана. Хоши-сэнсей сказала, что все видели его тут.

Ки Сан выругался на корейском, а Торай — на японском.

— Господа! — фыркнул Кумо. — Тут же юные леди!

— Мы слышали и хуже, — буркнула Тоуми.

— Мы тут ни при чем, — рявкнул Ки Сан. — Все проголодаются, даже с убийством.

— Нам нужно больше риса, — сказал Торай, самое спокойное, что я от него слышала. — Я пойду за меш...

— Нет, Коротышка, — ответил Ки Сан. — Ты нужен нам тут. Эти двое могут принести мешок риса из кладовой, — он кивнул на меня и Аимару. Торай начал спорить, но Ки Сан поднял нож и посмотрел на нас. — Идите.

И мы пошли.

\* \* \*

Мы выбежали из кухни, страж сообщал Такеде-сама и Матсудаире-сама, который прибыл со своей свитой, что задние ворота были заперты.

Лорд Матсудаира пронзил Маи взглядом. Она встала на колени, повторила для второго лорда, что не вставала ночью с постели, не встречалась с лейтенантом и не впускала его.

Лорд Такеда позвал своего лекаря, лорд Матсудаира сделал так же.

Мы завернули за угол, Аимару прошептал:

— Знаешь, ты права. Мертвец не выглядел так, словно он себя убил. Выглядит неправильно.

— Если бы он себя зарезал, кровь брызнула бы по всему двору перед ним. И вряд ли он сделал бы это одним ударом. И его шея сломана, что он тоже не мог сделать сам.

— Ах, — Аимару посмотрел на меня, склонив голову, его обычно открытое лицо было задумчивым.

Я смотрела в теперь открытые главные ворота, где стояла ярко-красная арка тории. Два стража вернулись на места рядом с ней. В голову пришла мысль, и мне хотелось на нее забраться.

Когда мы пришли к кладовой, Аимару тут же стал ходить среди груд и полок, полных еды и припасов. Мне пришлось вызвать его из темного угла, чтобы он помог мне поднять рис.

— Почему ты ушел?

Он пожал плечами и улыбнулся.

— Я редко тут бываю, — он поднял мешок риса, и я пошла за ним, ощущая себя еще более бесполезной, чем обычно.

Мы шли к кухне, и Аимару сказал:

— Так Ки Сан хранит свои записи в кладовой?

— А?

— Я нашел свиток, похожий на подсчет всего, что там. На полке в конце.

— Ох, нет, — насколько я знала, Ки Сан подсчитывал запасы и записывал все на плите в буфете кухни, и он проверял это с Чийомэ-сама каждый месяц. — Что ты там делал? Тот угол для запасного постельного белья и формы.

— О, — мы шли какое-то время, и он сказал. — Но там был свиток с цифрами.

— Цифры? — когда он не ответил, я спросила. — Что было написано рядом? Может, там было... не знаю. Там говорилось, что это за цифры?

Его взгляд вдруг стал скользить всюду, кроме меня, и он не улыбался.

— Может... — я прошла перед ним. — Аимару. Ты не умеешь читать?

— Я... — бедный мальчик выглядел жалко, хотя я не знала, почему. — Я могу. Немного, — его круглое лицо, обычно сияющее, вдруг исказила гримаса, как у Эми. — Не очень хорошо.

— Не страшно, — сказала я. — В моей деревне почти никто не умел читать или писать, кроме моей семьи, и мой отец был писарем. Госпожа Чийомэ проверяла тебя?

— Да, — сказал он, его взгляд был опущен, но глаза блестели. — Я обманул ее. Я написал символы, которые были на воротах большого храма, где я вырос. Что-то о сети и камнях.

— Цветы просвещения лежат как сеть камней, каждый отражает блеск другого, как облака мыслей.

— Это там говорится?

Я кивнула, хмыкнув.

— Это из проповеди. Проповедь цветочного венка. Хоши сказала нам сегодня копировать ее. Это были одни из любимых строк у моего отца.

— Твой отец — писарь?

— Да. Ты просто записал это по памяти?

Он кивнул.

— Я не думаю, что смогла бы делать это, когда пришла сюда. Это впечатляет.

Мы завернули за угол Главного зала и увидели зловещую сцену. Лорд Такеда, его капитаны и стражи стояли у входа в нашу спальню, пока лорд Матсудаира стоял возле лейтенанта Сакаи, у которого был подбитый опухший глаз после драки вчера вечером. Юный солдат мотал головой, но не мог отвести взгляда от тела Торимасы.

Лорд Такеда был грозным и неподвижным, как скала за стеной. Капитан Баба погладил бороду.

Госпожа Чийомэ держала Май за руку удивительно заботливо. Но госпожа тихо говорила:

— Молчи. Не будь глупой, — она сказала потом что-то о спальном мешке, и уже бледная девушка побелела, а потом указала на другой конец лагеря и шепнула. — Отступи.

Май ушла, опустив голову, скрывая эмоции, шагая тише, чем могла наша наставница Мицукэ.

Мы извинились, прошли в дверь кухни. Внутри Ки Сан проверял котел риса, который почти закипел. На кухне больше никого не было.

— Послал их за травами из сада. Не мог вытерпеть болтовню. Фацо и Коротышка все говорили о мертвом снаружи. Коротышка говорит, что это вина Лисы, Фацо говорит, что она — невинная жертва. Невинная. Бха, — повар поежился и махнул рукой на буфет. — Несите рис в бочку туда, а потом дайте мне черпак, вода почти закипела.

— *Хай*, Ки Сан-сан, — я потянула Аимару с собой к бочке. Как только мы высыпали рис из мешка, я указала на большую плиту, прислоненную к полке. — Видишь, — сказала я, — тут Ки Сан все записывает.

— Это слова? Ты можешь их прочесть?

Я рассмеялась.

— Нет, это корейский. Но цифры те же, да? — я указала на смазанные китайские цифры, которые Ки Сан постоянно обновлял.

— Что вы тут болтаете? Где мой рис?

Я наполнила черпак, которым мы отмеряли рис, и передала повару.

— Я показывала Аимару ваш список.

Он фыркнул.

— Хочешь стать торговцем, Лунный пирожок?

Он покачал головой с улыбкой.

— Я просто рассказал Рисуко о свитке с цифрами, который я нашел в кладовой.

— Свиток? — Ки Сан прищурился, глядя на него.

— Он нашел его у постельного белья в конце кладовой, да, Аимару?

Он кивнул.

— Там список с кучей слов и цифр.

Насыпая рис в кипящую воду, Ки Сан нахмурился.

— Почему тело... — он накрыл рис и посмотрел на Аимару. — Ты знал те слова?

Он покачал головой, опустив со стыдом взгляд.

— Наверное, имена, я не знал их.

— И ты видел цифры?

Аимару кивнул.

— Больше, угу, — он хитро улыбнулся мне. — Я хорош с цифрами.

Ки Сан покачал головой.

— Рисовая бумага там — я бы не поместил такого в угол, это могло бы понравиться крысам, — он помешал рис и посмотрел на нас, брови торчали, как гусеницы. — Идемте. Я хочу увидеть этот свиток.

Мы покинули кухню, лейтенант Матсудаира сказал:

— Я делил палатку с солдатами, спросите у них. И ворота были закрыты и под стражей, как я мог пройти?

Лорд Такеда и его капитаны не были убеждены.

Когда мы прошли в дальний темный угол кладовой, свитка не было.

— Ты точно его тут видел, Лунный пирожок?

Он кивнул.

— Он был на полке под этим спальным мешком. Я подумал, что это странное место для свитка, и посмотрел.

Я видела, что постельное белье лежало криво — не аккуратно, как требовали хранить вещи старшие женщины.

— Забавное место для свитка. И тут явно кто-то лазил.

Мы обыскали всю кладовую, но не нашли бумаги, почти вся хранилась в Чайном домике.

Мы прошли во двор, Ки Сан выругался под нос:

— Что-то не так.

## 11 — Цифры

Когда мы вернулись во двор кухни, лорды и их капитаны собрались у колодца, двое мужчин с белыми бородами тыкали тело. Лекарь Матсудаиры бормотал что-то о «сгустившейся крови», лекарь Такеда бурчал что-то о «посинении» и «окоченении». Они посмотрели друг на друга и кивнули, лекарь Матсудаиры сказал:

— Около полуночи, мои лорды.

Лекарь Такеды кивнул и добавил:

— В Час Крысы, точно.

Пока генералы обсуждали эту информацию, Ки Сан подошел к Чийомэ-сама и зашептал ей на ухо.

Госпожа посмотрела на меня и Аимару хмуро, потом прошла к нам. Ки Сан шагал за ней.

— Идемте, дети. Покажете список, которого не существует.

Мы прошли в кладовую, Аимару попытался скрыться в моей тени, что забавляло, вед он был вдвое больше меня.

Тепло утреннего солнца воевало с прохладой горного воздуха, который собрался в лагере, и я ощущала себя словно меж двух миров. Повернувшись туда, где еще лежало тело Торимасы-сана, я увидела, как скала нависала над задней стеной Полной Луны, увидела черную трещину — вход в пещеру наверху. Я вдруг ощутила на себе снова черный взгляд огра. Я поежилась.

— Не отставай, Рисуко! — рявкнула госпожа Чийомэ.

Я поспешила, Аимару шел рядом со мной. Я ощущала, как он смотрел на меня, пока мы входили в кладовую.

\* \* \*

Мы показали госпоже Чийомэ угол, где Аимару видел свиток. Вздохнув, она попросила Аимару рассказать ей, что он видел.

Когда он смутился, я сказала:

— Аимару тяжело читать это.

— Тяжело? — госпожа Чийомэ прищурилась. Он сглотнул, и старушка зарычала. — Дитя, ты скопировал фразу из Цветочного Венка без колебаний. Ты хочешь мне сказать, что ты не можешь читать?

— Могу, — буркнул Аимару, стараясь безуспешно спрятаться за мной. — Немного.

— Ты хорошо читал символы, которые я тебе писала!

— Цифры, — прошептал он. — Я хорош в цифрах, — он изобразил символы в воздухе. — Девять в одном.

*Ку. Но. Ичи.*

Чийомэ-сама написала 十二 носком на пыли пола.

— Что тут говорится?

— 12.

— А это? — она написала 四百三十二.

— 432.

— А это? — нога Чийомэ-сама нацарапала 八千貳百六拾七 на полу.

Аимару снова ответил без колебаний:

— 8,267.

— Что насчет этого? — госпожа Чийомэ опустилась на колени и написала пальцем:

などて君むなしき空に消えにけん

淡雪だにもふればふる世に

— Я... — пролепетал Аимару. — Это... что-то о... воздухе? — его большое и обычно радостное лицо стало красным.

Вздохнув, госпожа Чийомэ посмотрела на меня.

Я прочла вслух:

— Как ты мог пропасть в пустом синем небе? Даже изящный белый снег падает туда, где я могу его коснуться, — я кашлянула. — Это стихотворение Изуми Шикибу о смерти...

— Да-да, — сказала Чийомэ-сама, встала и отряхнула колени. — Спасибо, мой маленький литературный критик, — она повернулась к Аимару. — Значит, ты гений с цифрами, но идиот со словами, — Аимару жалобно пожал плечами, и Чийомэ-сама сказала Ки Сану. — Это мне за то, что наняла олуха, который все детство смотрел, как рис возили на склад в столице.

Повар прищурился.

— Ты — вор, Лунный пирожок?

— Нет! — бедный мальчик выглядел так жалко, что я хотела ему помочь, но не смогла придумать, как. — Это было до того, как я пошел в монастырь, когда бы маленьким! Я просто... приглядывал за складом лорда Ашикаги. И... говорил старшим мальчикам, когда будет достаточно, чтобы никто не заметил, если пару мешков пропадут.

Ки Сан хмыкнул.

— Что ж, — сказала госпожа Чийомэ, — я не против того, как ты выживал ранее. Некоторые девочки тут поступали еще хуже. Но мне нужно, чтобы ты умел читать и писать, если ты хочешь быть полезен мне, — она ухмыльнулась. — Интересно, сколько палаток в лагере лорда Матсудаира?

— Семнадцать, госпожа. Девять по восемь человек, семь для четверых и большая для лорда.

— Да-да, очень хорошо. Но ты мне бесполезен, если не грамотен. Ты должен научиться лучше читать и писать слова.

Я не могла смотреть, как Аимару сжимается сильнее, и шагнула к ней.

— Я могу помочь ему учиться, госпожа.

— Да. Да, Рисуко, можешь. И сделаешь это.

Аимару опустил взгляд, бормоча.

— Ты слышишь меня?

— Д-да, Чийомэ-сама.

Я хотела снова заступиться за него, но буря на лице Чийомэ-сама сменилась ее привычной кислой ухмылкой.

— Итак. Вернемся к пропавшему свитку? Цифры. Насколько большими они были?

— Ну, — прохрипел Аимару, — в основном, между пятью сотнями и тысячей, и через каждые пять или десять строк они суммировались, — он вытер нос. — А потом все складывали на дне. Напоминало книгу учета склада. Такого же типа. Потому я и подумал, что это Ки Сан-сан писал все, что тут.

Лицо госпожи Чийомэ вдруг стало мрачным.

— И что за сумма была в конце?

— 83 482, - выпалил он, не моргнув.

Ки Сан и Чийомэ-сама переглянулись. Она сухо спросила:

— Ты не узнал имена рядом с цифрами? Вообще?

— Ну, — Аимару заерзал. — Сверху было... — он стал двигать пальцем по воздуху. Он нарисовал кандзи, я тут же узнала символ: 武 (*take*).

— Война, — сказала я.

— А потом... — Аимару прикусил щеки изнутри, нарисовал квадрат с крестом внутри: 田 (*da*) — символ означал рисовое поле.

— Такеда, — выдохнули вместе госпожа Чийомэ и я.

Ки Сан выругался на корейском.

— Следи за языком, Ки Сан, — госпожа Чийомэ вывела нас под утреннее солнце. — Идите, вы трое. Готовьте завтрак, пока обе армии не напали на нас в гневе. Мне нужно поговорить с Такедой-сама.

\* \* \*

Мы подошли к кухне, увидели, что прибыли монах и два помощника. Монах в оранжевом одеянии шептал молитву — я смутно узнала проповедь о входе в Чистую Землю — и сжигал палочку сладких благовоний, а помощники укутали тело Торимасы-сана в саван. На гравии рядом с телом лежал короткий меч лейтенанта Масугу. Когда я стала поднимать меч, Ки Сан поднял меня за воротник и хрипло прошептал:

— Не трогай, Яркоглазая. Ты же не хочешь, чтобы лорды решили, что ты связана с убийством солдата?

Я покачала головой.

— И, — он поежился, — меч нужно очистить перед тем, как он вернется на кухню.

## 12 — Тории

— Начальники, — буркнул Ки Сан двум другим поварам, когда мы вошли на кухню.

Кумо и Торай пожали плечами и кивнули. Ки Сан подмигнул нам.

Аимару приподнял бровь, глядя миг на Ки Сана, но пошел за мной к рабочему столу, где мы вымыли и нарезали зелень, которую собрали другие.

Нарезав все, Аимару прошел в Главный зал с извинением.

Завтраком был рис с зеленью и ферментированными соевыми бобами. Вязкие и вонючие, клейкие бобы были наименее любимым для меня блюдом у Ки Сана, но толк я так думала. Многие женщины Полной Луны относились к ним как к деликатесу, а я все еще думала, что это выглядело и пахло как рвота кота.

Если бы мы подали комки шерсти утром, настроение в Главном зале не стало бы еще холоднее, чем было. Такеда и Матсудаира ели в понятной серьезной тишине. Куноичи тоже были хмурыми, даже Сачи-сан не шутила.

На месте Торимасы-сана за столом один из офицеров Такеда опустил его палочки в тарелку риса.

Я наливала чай священнику-португальцу, а Джолало-сан посмотрел на стол Такеда с растерянным видом. Хмуρο глядя на свою миску риса, он решил вонзить в него палочки.

— Нет! — закричали мы с Аимару.

Он замер, моргая, глядя на нас, как только родившийся щенок.

— Так нельзя, — сказал Аимару. — Это... к несчастью.

— Почему? — спросил Джолало.

Аимару уставился на мальчика, и я попыталась ответить:

— Это ритуал для мертвых. Мы оставляем миску риса с палочками в ней. Если ты сделаешь так сам... это будет считаться неудачей.

Джолало стал задавать вопрос, но посмотрел на миску на месте Торимасы.

— Кто-то... умер?

Удивившись, что он не слышал, я посмотрела на Аимару, его открытая улыбка потускнела.

— Один из офицеров лорда Такеды. Дело расследуют.

— О, — сказал Джолало, хмурясь. Он посмотрел на свои палочки. — Палочками многое нельзя делать, да? Ими нельзя указывать. Их нельзя держать в кулаке. Ими нельзя протыкать еду. Ими нельзя махать.

— Ну, — сказала я, — да, — кто этого не знал?

Он кивнул, словно я что-то сказала, и повернулся к священнику, заговорил на их певучем языке, оказывая табу, которые он упомянул.

Улыбка Аимару потускнела еще сильнее.

Я хотела пройти к следующему гостю Матсудаиры, когда Джолало спросил:

— Эти... бобы, да? Они... должны быть вкусными? — он указал палочками на натто, хотя сам говорил, что так нельзя делать.

— Ну, — сказала я, — многие так считают.

— Многие, да? — он склонил голову и посмотрел на меня. — Ты не считаешь?

— Я не люблю их, но многим они кажутся вкусными.

Он склонился и шепнул:

— Я думаю, они пахнут как что-то мертвое.

Я невольно захихикала.

— И я так думаю.

\* \* \*

В конце завтрака Матсудаира-сама и Такеда-сама поговорили миг с госпожой Чийомэ. Она поклонилась им, и лорд Матсудаира вышел из зала, а за ним — его солдаты.

По слову Такеды-сама куноичи и его солдаты тоже ушли, кроме его капитанов. Тоуми,

Эми и я убирали столы, лорд Такеда сидел с капитанами Баба и Хара и смотрел на нас.

— Дети, — сказала госпожа Чийомэ, — стойте. Аимару, Рисуко, скажите лорду Такеда, что вы нашли этим утром.

Аимару был готов убежать, и я не могла его винить. Но мы сели на колени перед главным столом и описали то, что нашли.

— Чэ, — буркнул капитан Хара.

— О! — прошептала Эми. — Это звучит как список сил Такеда!

Тоуми зашипела, чтобы она умолкла.

Лорд Такеда мрачно улыбнулся ей.

— Да, девица. Так и звучит. Хотя что он делал в вашей кладовой — вопрос, как и поиск убийцы моего лейтенанта, — он скривился и указал на меня, потом на пол перед ним, а потом на Эми. — Чийомэ, ты сказала, кто эта. А та — далекий потомок императрицы Джингу?

Все еще серьезная, наша госпожа стала выглядеть как довольный кот.

— Эми, Тоуми, — она указала на бамбуковый отполированный пол рядом со мной. Они сели на колени рядом со мной, Тоуми была скованной. Чийомэ-сама сказала. — Мой лорд, позвольте представить вам еще двух моих девочек, нанятых в то же время, что и Кано Мурасаки: Таругу Тоуми и Ханичи Эми.

Капитан Хара присвистнул, а глаза капитана Баба широко раскрылись. Он охнул:

— Кано, Ханичи и Таругу!

Лорд Такеда смотрел на нас троих долгое время, и я начала потеть, а Тоуми — ерзать. Он повернулся к госпоже Чийомэ.

— Что же, дорогая. Ты затеяла долгую игру, да? — она склонила голову, радостно принимая его слова, и генерал повернулся к нам. — *Мукаши, мукаши* — давным-давно Кано Казуо, Ханичи Бенджиро и Таругу Макото были великими самураями. Вы — их дочери?

— *Хай*, Такеда-сама, — мы прижались лбами к полу.

— Хм. Ну, — выдавил лорд Такеда, — в любом случае, Чийомэ, надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Она поклонилась ему.

— Так и быть, — он вздохнул, — мы столкнулись с убийцей и шпионом. Думаю, можно предположить, что это один человек.

Два капитана кивнули, а госпожа Чийомэ прошептала:

— Девочки. Хватит убирать.

Мы встали и стали уносить грязную посуду.

Эми все глядела на меня.

Когда я вернулась в зал за тарелками, капитан Баба говорил:

— Да-да, но как лейтенант пролез! Стражи клянутся, что ворота были заперты всю ночь, и мы видели, что и задние ворота заперты. Он не мог прилететь.

Я подняла голову и подавила слова. Мне не нужно было влезать.

— Иди сюда, Рисуко, — сказала госпожа Чийомэ. — Я знаю этот взгляд. Говори, девочка.

— Краска, — прохрипела я. Все прищурились, и я пролепетала. — На лейтенанте... на его штанах. Красная краска. Наверное, она была... с арки тории.

Капитан Хара уставился на меня.

— Арка?



— Он... — я указала на внутреннюю сторону своих колен, где штаны лейтенанта были в пятнах. — Он, наверное, забрался и спрыгнул со стены.

Лорд Такеда смотрел на меня, оценивая.

— Такое вообще возможно?

— Д-думаю, да, мой лорд, — я смотрела на бамбуковый пол. — Я думала, спрыгнув со стены, что залезть и спуститься по арке было бы куда проще.

— Спрыгнула со стены! — капитан Баба закашлялся. — Залезть на... Чепуха!

— Есть один способ узнать, мой лорд, — сказала госпожа Чийомэ. — Если этого не может Рисуко, то это невозможно.

\* \* \*

Мы прошли к главным воротам, где стражи Аосаги и Юкиширо вернулись на посты.

— Кто-то забирался по арке прошлой ночью? — рявкнул лорд Такеда.

— Нет, сэр! — ответили оба. Аосаги, страж Матсудаира, указал на меня.

— Эта худая девочка спрыгнула.

Капитан Баба удивлённо фыркнул.

— Да-да, — сказал Такеда-сама, махнув рукой стражу Матсудаира, а потом указал наверх. — Девочка Кано. Говоришь, ты можешь тут забраться?

Я кивнула, а потом, ощущая трепет от возможности сделать то, что я обожала, я побежала к ближайшему столбу и прыгнула. Обвив покрашенное дерево руками и ногами, я стала быстро подниматься.

Это было просто. Столб был толщиной со ствол сосны дома, но гладкий. Краска и утренняя роса сделали поверхность скользкой, но я могла удержаться ступнями и ладонями, чтобы двигаться вверх.

У первой перекладины я замерла.

— Слишком тяжело, Мышка-чан? — крикнул Тоуми. Я знала, что так она просто поддерживала традицию.

Я покачала головой.

— Потертости. Свежие, — я опустила взгляд, лорд Такеда и его офицеры смотрели на меня, раскрыв рты. От этого вида я улыбнулась, хотя то, что Эми не смотрела на меня, беспокоило.

Я добралась до первой перекладины и закинула на нее ногу. Там, где она встречалась со столбом, торчал гвоздь, и с него свисала синяя нить, которая трепетала на утреннем ветру. Я вытащила нить и сбросила ее зрителям вниз.

— Думаю, лейтенант был тут.

Аимару поймал нить, но я уже поднялась к верхней перекладине, закинула руки и подтянулась. Арка выглядела крепкой с земли, но чуть покачивалась под моими ногами. И все же она была надежнее верхушки дерева. А я добиралась до верхушки.

Я посмотрела на склон холма — два лагеря с красными флагами слева и синими справа, струйки дыма от костров в свете утра над зелено-золотой долиной с бело-серыми горами сверху. Голубое небо и золотое солнце.

Я еще никогда не ощущала себя такой живой.

Вспомнив, почему я была там, я опустила взгляд на вершину большой перекладины. По бокам от моей ступни были большие отпечатки ног — свежие, не смытые дождем, который прошел два дня назад.

— Следы ног! — крикнула я.

Глядя на маленькое море потрясенных лиц, я улыбнулась и помахала, а потом повернулась и прыгнула на стену Полной Луны.

Пришлось шире расставить ноги, чтобы не приземлиться на острые колья бамбука, торчащие из стены, как сломанные зубы. Гравий на вершине стены заставил мои ноги чуть разъехаться, испугав на миг, но я ухватилась за колья, чтобы устоять. Я пошла вдоль стены к крыше Гостевого домика, а потом спустилась по стене строения на землю.

Я прошла к воротам, поклонилась Такеде-сама и кивнул.

— Так он пролез, — а потом я указала на свои штаны, которые были в красной краске, как у Торимасы.

— Что ж, — госпожа Чийомэ вздохнула, — похоже, мне придется отодвинуть арку от стены.

Но лорд Такеда повернулся к двум стражам, его лицо было как буря.

— Вы поклялись, что никто не подходил к воротам прошлой ночью.

Оба стража упали на колени, ужас исказил их лица.

— Мы никого не видели, мой лорд! — сказал страж Такеды, Юкиширо.

— Мы бы увидели того, кто сделал такое! — выдохнул другой страж, Аосаги, указывая на меня.

Капитан Баба поднялся и хмуро посмотрел на двух несчастных мужчин.

— И когда вы заступили?

— В девять ударов колокола, мой лорд, — сказал Юкиширо.

Аосаги кивнул.

— В Час Крысы.

Я взглянула на Аимару, он кивнул мне.

Тогда убили Торимасу-сана.

— И кто, — спросил капитан Баба, — был на посту до вас?

Дрожа, два солдата из разных армий переглянулись. Тихим и тонким голосом Юкиширо сказал:

— Сато и...

— И Кобаяши, мой лорд, — закончил Аосаги. — Когда мы прибыли прошлой ночью, они... спали.

— Спали? — прорычал лорд Такеда.

— Пьяные, мой лорд, — прошептали оба стража.

— И вы не доложили об этом?

Юкиширо сказал сквозь зубы:

— Мы все время были на посту, мой лорд. Мы хотели доложить старшим в конце смены.

— И сделали это сейчас, — генерал хмыкнул. — Встаньте. Вы хорошо работали, — он повернулся к старшему из своей стражи. — Котику, сообщи лорду. Трех Рек, что мы хотим поговорить с его солдатом Кобаяши насчет смерти моего лейтенанта. Тадаши, — он обратился к младшему, — я не видел Сато за завтраком. Иди в его палатку и притащи сюда его пьяное тело.

### 13 — Стражи

Мы ждали у врат тории.

Небо было голубым, а солнце — ярким, как и ранее. Свежий ветерок пел среди травы, белые полевые цветы плясали.

Но я стояла там с яростным лордом и его злыми капитанами, и было не так весело, как на вершине арке. Тут точно было не весело.

И все же Полная Луна за месяцы научила нас терпению. Если удавалось в день снежной бури носить камни по всему двору, то дожждаться двух солдат, пока они приведут двух других опозоренных солдат...

Это было не пустяком, но не так тяжело.

Я думала о двух стражах, Сато и Кобаяши. Было ясно, что они были в беде. Они не справились с работой. Они позволили лейтенанту Торимасе пройти в Полную Луну, а еще пропустили его убийцу.

Их высекут?

Казнят?

Я старалась не думать об этом, но, хоть я не встречала тех мужчин, я переживала за них. У них были семьи? У них были дети?

Я посмотрела на Эми, которая яростно хмурилась — это не удивляло. Тоуми улыбалась, и я всегда считала это угрозой, что она могла укусить.

Аимару стоял неловко и напряженно.

Тадаши, младший из стражей лорда Такеды, вернулся из лагеря Такеда с пепельным лицом и простерся на земле перед лордом.

— Ну? — рявкнул Такеда-сама. — Что?

— Са... солдат, за которым вы меня послали... Он мертв, мой лорд.

— Мертв?

— От его руки, мой лорд, — генерал ответил фырканьем, и Тадаши тихо сказал. — Другие члены его отряда видели это, и лейтенант Итагаки почтил его нанесением смертельного удара.

Такеда-сама зарычал. Капитан Хара сказал:

— Нам нужно поговорить с Итагаки.

Генерал встряхнулся.

— Да. Позже. Но он сказал, почему?

Страж ответил:

— Да, мой лорд. Когда отряд вернулся с завтрака, он еще спал, и они налили воды ему на голову. Когда он проснулся, он понял, что сделал — бросил пост. Он знал, что заслужил смерть предателя. И он попросил вашего прощения, мой лорд, и вашего, госпожа.

Госпожа Чийомэ цокнула языком.

— А потом убил себя, мой лорд.

— Да, Итагаки убил его, — сказал генерал. — Но он выбрал благородный путь. Мы проследим, чтобы он получил должный ритуал с покойным лейтенантом.

Страж встал и поклонился.

— Я сообщу солдатам, мой лорд.

— Так и сделай.

Мужчина убежал.

Госпожа Чийомэ негромко сказала:

— Простите, мой лорд, что так плохо приняли вас и ваших людей.

— Бред, Чийомэ, — сказал Такеда-сама. — Это нам жаль, что навлекли на вас беды.

Два капитана согласно буркнули.

— Что-то пахнет как умерший неделю назад карп, — сказал капитан Баба.

Вернулся другой страж, Котоку, но не с Кобаяши, а с лордом Матсудаира и его офицерами.

— Милорд-губернатор Достоинства, приветствую, — сказал лорд Матсудаира, словно они не завтракали только что.

Такеда-сама ответил так же вежливо:

— Приветствую, лорд-губернатор Трех Рек. Мы надеемся, что поговорим с одним из ваших солдат, Кобаяши, о событиях прошлого вечера, пока он был на посту.

Матсудаира-сама раздраженно хмыкнул.

— Если честно, я хотел бы поговорить с ним о том же, — он указал на Котоку. — Ваш гонец сообщил мне о произошедшем ночью. Госпожа Мочизуки, простите, что человек под моим командованием оставил ваш дом без защиты.

— Мой лорд, — ответила она, отражая извинение поклоном.

— К сожалению, — продолжил Матсудаира-сама, — Кобаяши не нашли. Были улики, что он спал ночью в палатке, но его не было там, когда ребята проснулись утром. Они нашли его бутылку сакэ, — он указал на юного капитана Токимацу, и он поднял фарфоровую бутылку вина.

Выглядело как бутылка с нашей кухни.

— Капитан, — сказала госпожа Чийомэ, — можно посмотреть на ту бутылку?

Токимацу-сан передал кувшин ей, и она понюхала содержимое.

— И, — хмыкнул лорд Такеда, — мой страж убил себя, а ваш страж не просто покинул свой пост.

— Похоже на то.

— Мои лорды, — сказала Чийомэ-сама. — Не уверена, но пахнет так, словно в вино что-то добавили. Наш повар — мастер-травник, можно ему осмотреть бутылку?

— Конечно, — Матсудаира-сама махнул рукой. — А мы пока что отправим отряд на поиски?

— Конечно. Чийомэ, куда он мог уйти?

— Вам лучше начать поиски в долине, мой лорд. Он не проживет долго в горах. И он не мог уйти далеко пешком.

Такеда-сама посмотрел на скалы над лагерем и фыркнул.

— Да. Хара, работай с Токимацу, отправь отряд на конях на поиски. Мы убедимся, что он не покинул долину.

— Мой лорд, — сказал капитан Такеды, ушел с юным солдатом Матсудаиры в лагерь.

В тот миг монах прошёл во врата, за ним — два помощника, которые несли укутанное тело Торимасы на доске. Монах поклонился двум лордам.

Аимару смотрел на них, хмурясь, что для него было редкостью.

— Вот это утро, — буркнул Такеда-сама капитану Бабе. Монаху он сказал. — Отнесите тело в открытое поле за лагерем. Мы устроим там погребальный костер. И там будет еще одно тело.

— О? — монах на миг почти обрадовался. Он быстро посерьезнел. — Конечно, мой лорд. Для меня будет честью отправить их души в следующую жизнь.

— Да-да, — Такеда-сама отпустил мужчину, отмахнувшись. Монах и его помощники унесли свой жуткий груз, а он посмотрел на солнце. Другим офицерам он сказал. — Господа, все эти дела были срочными и печальными, но мы тут для дела важнее. Час Дракона наступает. Перейдем в палатку для встречи?

— Мой лорд, — согласился Матсудаира-сама. Он повернулся к госпоже Чийомэ и нам. — Дамы.

— Мой лорд, — сказали мы и низко поклонились.

\* \* \*

Мужчины ушли, и госпожа Чийомэ смотрела им вслед.

— Миэко, — сказала она, — соберешь женщин в зале?

Я вздрогнула. Я и не заметила, когда старшая куноичи прибыла.

— Да, госпожа, — сказала она и пошла к конюшням, где женщины проходили Шестьдесят четыре перемены, как мы делали почти каждое утро.

— Девочки, — негромко сказала госпожа Чийомэ, — я сообщу другим о произошедшем. Я хочу, чтобы вы отнесли это Ки Сану, — она вручила Эми бутылку сакэ. — Спросите у него, может ли он понять, добавили ли в вино маковый сок.

— Да, госпожа, — сказала Эми, но, когда госпожа Чийомэ пошла к конюшне, она посмотрела на меня и Тоуми, мы все поежились.

За воротами восемь всадников — четыре Такеда, четыре Матсудаира — умчались от лагеря в долину. Они искали пропавшего стража, Кобаяши.

— Идемте, — Эми смотрела, как мы, вслед стражам, которые пропали за холмом. — Принесем бутылку Ки Сану.

Мы прошли к кухне, и в мою голову пришла мысль.

— Думаете, нам нужно сообщить другим поварам?

— Почему нет? — спросила Тоуми.

— Потому что, — сказала Эми, — если это сделал солдат Матсудаиры, Кумо-сан может сказать убийце. И если это сделал Такеда, мы не хотим, чтобы Торай-сан рано ему намекнул.

Мы дошли до кухонной двери. Меч Масугу-сана стоял рядом с гонгом, все еще в крови, ножны лежали на земле под ним. Я смотрела на него миг, потом встряхнулась.

— И как нам достать Ки Сана оттуда?

Аимару улыбнулся нам.

— Ждите тут. Я за ним схожу.

Он ходил достаточно долго, чтобы Тоуми фыркнула о том, что три повара уже резали его.

Ки Сан вышел из-за скрипучей кухонной двери, почесывая бороду, Аимару шагал за ним.

— Лунный пирожок говорит, что вы хотели знать, можно ли очистить меч Масугу, раз они решили, что он не связан с убийством.

Я кивнула.

— Да, Ки Сан-сан. Но есть кое-что еще, — я указала на бутылку в руке Эми.

Она протянула ее повару.

— Госпожа Чийомэ хочет знать, отравил ли кто-то двух стражей прошлой ночью, как... та девушка сделала с сакэ Масугу-сана.

Мы с Эми поежились.

Я знала, что она, Тоуми и другие были у дерева, пока я держалась за вершину.

Я знала, что они слышали крик Фуюдори, пока она падала, и слышали, как она упала на ледяную землю.

У меня были кошмары о виде беловолосой девушки, падающей в зимнюю ночь, но я знала, что у Эми были свои кошмары, всегда заканчивающиеся тем звуком.

Ки Сан вдохнул сквозь зубы. Взяв керамическую бутылку у Эми, он поводел горлышком под носом. Он тихо застонал и закрыл глаза.

— Кому-то нужен мой тоник?

Мы переглянулись. Тоуми сказала с ухмылкой:

— Один из стражей убил себя. В этот раз по-настоящему. Вряд ли ему это понадобится.

— Тоуми! — сказала Эми.

— Другой убежал, — добавила я. — Ему может понадобится тоник, но мы не знаем.

Если его найдут, вряд ли ему будет толк от тоника.

Тоуми вздохнула.

— Ага. Наверное, он рад, что опьянен.

Аимару глядел на бутылку.

— Так она отравлена?

— Что ж, — сказал Ки Сан, — что думаете, девчата? — он передал бутылку Эми, чьи глаза расширились.

— О!

Она передала бутылку Тоуми, та понюхала и передала мне, высунув язык.

— Ненавижу эту шгуку.

Я взяла у нее бутылку и поводела ею под носом. Я тут же узнала запах, какой был в комнате Масугу в день, когда Фуюдори чуть не убила его. За терпким цветочным запахом сакэ был вязкий запах макового сока. Я подавила подступившую желчь.

— Это из наших запасов?

Ки Сан хмыкнул и взял у меня бутылку, перевернул, и остатки вина вытекли. Он указал на метку на дне.

— Видите? Это метка Кароку, гончара в Высоком поле, где я почти все купил. Любой, кто ел тут, мог забрать бутылку.

— Да, — сказала я, размышляя вслух, — но разве не логично, что они взяли вино и, может, даже мак из наших запасов? Убийца взял меч, который лежал на кухне.

— Да, — буркнул Ки Сан. — А еще правда, что кухня открыта. Может, убийца взял вино и маковый сок, взял бутылку, опоил стражей, проник...

— По арке, — Аимару кивнул на меня.

Тоуми хмыкнула.

— А потом мертвый лейтенант проник тем же путем, ведомый любовью в ночи, и убийца сломал случайно ему шею? — она посмотрела на крышу Главного зала. — Может, он упал и сломал шею.

— А потом шпион нашел его тело, разместил перед нашей спальней? — парировала я. — И я не видела метки на его лице или голове. Его волосы даже не растрепались. Если бы он упал с Гостевого домика, он выглядел бы кошмарно.

— Может, лейтенант нашел шпиона после того, как он проник и спрятал тот свиток, — размышляла Эми.

— А потом они подрались — без оружия, так что убийца сломал лейтенанту шею... — я застыла. — Но...

— Что такое, Яркоглазая?

— Ки Сан-сан, как проник шпион?

Мы переглянулись. Эми посмотрела на ворота и сказала:

— Может, и он залез так же, как ты, Мурасаки. Прыгнул.

— Да, — признала я, — я это сделала. Но мужчине было бы сложнее — там большая высота.

— Может, он — мышка, как ты, — фыркнула Тоуми.

— Тогда как ему хватило роста сломать шею лейтенанта?

— Может, он остался в кладовой до того, как ворота открыли утром, — сказала Эми. —

Никто не заметил бы, что вышел или вошел еще один человек.

— И... может, он забыл свиток и вернулся за ним? — предположила я.

Ки Сан покачал головой.

— Возможно. Звучит ужасно сложно, как по мне, а я не люблю сложное. Но вы не будете в это лезть, ясно? Лорды заставили офицеров расследовать. Вы не хотите, чтобы вас затоптали, да?

Мы переглянулись и кивнули.

— Да, Ки Сан-сан.

— Теперь, Яркоголая, о мече, ты уже знаешь, как его чистить. Как после свиньи. Но этим убили человека, это другое пятно, так что...

— Мне нужно его очистить, знаю. Вы так сказали.

Он кивнул, хмуро глядя на меч.

— И ты знаешь ритуалы для этого? Потому что я — нет. Я просто повар.

— Я... — я подумала об отце. О том, как он носил мечи к ручью над нашей деревней на Новый год. — Думаю... Да. Водопад?

— Ага, — Ки Сан почесал бороду снова. — Звучит правильно. Движущаяся вода точно пригодится.

— Рядом есть водопад?

Тоуми невинно улыбнулась, чего я еще от нее не видела.

— Есть водопад? — она шлепнула Эми по плечу. — Идем, покажем им!

## 14 — Отцы

Я очистила меч соломой, чтобы убрать засохшую кровь, а потом тряпкой в масле с запахом гвоздики, которое Аимару принёс мне с кухни.

Тоуми смотрела с жадным восторгом, а Аимару — так, будто я собиралась попросить его повторить действия. Эми задумалась.

Когда клинок снова засиял в свете утра, я убрала его в ножны и сунула ножны за пояс.

Ки Сан прогнал нас, сказав, что ему нужно было проверить, трогал ли кто-то мак.

Госпожа Чийомэ говорила со старшими женщинами. Генералы и их люди были заняты задачами.

Впервые с тех пор, как госпожа Чийомэ позвала меня слезть с сосны у дома моей семьи в Чистоте, мне разрешили уйти одной. Казалось, ветер сдул с меня паутину, а еще казалось, что я стояла голой. Я посмотрела на других.

— Идем, Мышка-чан, — рывкнула Тоуми. — Пойдем отсюда, — она и Эми взяли свои луки со стрелами из оружейной.

Мы прошли к задним воротам, и я увидела Май, сидящую в тени на пороге Убежища, обвив руками колени. До этого я не жалела девушку. Я шепнула это Эми.

Она не ответила.

— Зачем ты пошел с нами, Лунный пирожок? — сказала Тоуми Аимару.

— Ки Сан сказал мне уйти. Я должен был находиться с ним, но теперь, видимо, мне стоит оставаться с вами.

Тоуми фыркнула без переживаний.

— Ты мог бы остаться и беспокоить Май.

Аимару вяло улыбнулся.

— Вряд ли ей это понравится.

— Ага. Она может тебя убить. Но зато ты не докучал бы нам, — Тоуми издала смешок, звуча почти как разозленная свинья.

Аимару тоже рассмеялся.

Мы прошли в задние ворота, попали в сады за Полной Луной. Птицы пели в деревьях, но пещера в скале проникла в мои мысли.

— Хватит его мучить, Тоуми, — сказала я. Тоуми снова рассмеялась, а я отметила. — У тебя хорошее настроение.

— Да, мужчины с мечами меня нервируют. Приятно уйти от них.

Аимару спросил:

— Девочка с мечом тебя не пугает?

Тоуми фыркнула.

— Не меч меня пугает, а мужчины. Я знаю, что Мышке-чан не хватит смелости убить меня.

Я вздохнула.

— Мой отец заставил меня пообещать... не вредить.

— О, точно, — рассмеялась Тоуми. — Что угодно, лишь бы спалось лучше.

— Я не сплю ночью, — буркнула я. Это вызвало снова фыркание у Тоуми, а не слова, и я повернулась к Эми. — О чем ты думаешь?

— Хм? — она хмурилась, но казалась рассеянной, словно размышляла о чем-то в другой части мира. Она взглянула на меня. — Я думала... о том, что госпожа Чийомэ сказала Такеде-саме.

— О сакэ?

— Нет, — сказала Эми. — О наших отцах.

— О...? Ох.

— Что о ваших отцах? — спросил Аимару, и я согласилась с Тоуми. Я была бы рада оставить его докучать Май до взрыва.

Эми посмотрела мне в глаза впервые с тех пор, как госпожа Чийомэ сказала генералу и капитанам наши фамилии.

— Твой отец — причина, по которой умер мой отец.

В моем животе вдруг появились камни, которые заставляли нас носить Мицукэ и другие. Я мало знала о произошедшем годы назад, но это не было справедливым. И все же...

— Почему ты не сказала мне? — спросила она, голос был ровным, а лицо — без эмоций, кроме опущенных, как обычно, уголков рта.

— Я думала, ты знала.

— Знала что? — спросил Аимару.

Но Тоуми развернулась с хохотом.

— Ты не знала, Хмурая? Ха! Я знала. Знала, едва тебя встретила, Кано-мышка, едва Миэко сказала нам твое имя. Хотела убить тебя сразу же.

— Я помню, — прошептала я.

— Я тоже, — сказала Эми. Я хотела коснуться ее, но она подняла руку. — Я злюсь, Мурсаки. И не только на тебя. Больше — на твоего отца. И моего отца. И твоего, Тоуми. Но



я все еще злюсь.

— П-прости, — я не знала, что еще сказать. Мы шли в тишине какое-то время. Мы были на тропе, по которой я не ходила, у основания скалы, она вела в спутанный лес на склоне холма западнее Полной Луны. Мы уже почти карабкались.

Аимару, что предсказуемо, нарушил тишину:

— Что случилось с вашими отцами?

Я посмотрела на девочек, но они не хотели говорить. Эми затерялась снова в мыслях, а Тоуми глядела вперед, вела нас по горе. Я вздохнула.

— Наши отцы... были самураями лорда Оды. Ода-сама отправил их на задание. Они отказались. Он предложил им выбор: самоубийство или жизнь с позором. Отцы Эми и Тоуми выбрали сеппуку, а мой отец — позор.

— О.

Мы шли, взбираясь вдоль ручья, который стекал по горе, белый и музыкальный, не вязался с нашим настроением.

— Я видела, как мой отец убил себя, — сказала Тоуми. Я видела только ее затылок, но не могла представить на ее лице радостное выражение.

— Прости.

— За что ты извиняешься, Мурасаки? — спросила Эми. — Не ты дала приказ, не ты отказалась его выполнять. Ты как мы.

— Но она росла с родителями, — прорычала Тоуми, и я была рада, что она не смотрела на меня. — Она выросла в доме.

— Мне жаль.

Тоуми повернулась, и я поразилась, увидев слезы на ее щеках.

— Не стоит. Я видела, как мой отец зарезал себя. Я видела, как самурай отрубил голову моего отца. Из-за этого я крепче, — она вытерла лицо рукавом. — Я выжила, и я не давала обещаний, в отличие от тебя, Мышка.

Я подавила желание коснуться ее.

— Когда отец умер, мы не знали, что случилось, только то, что его вызвал лорд Имагава, и что он не вернулся. Я всегда хотела бы знать точно, что случилось, быть с ним там. Но... я не знаю, смогла бы я смотреть.

— Не смогла бы, — прорычала Тоуми и отвернулась. Но она не шагала дальше.

Слезы сдавили мое горло, я повернулась к Эми.

— А ты? Видела своего отца?

Она кивнула, глядя на горы за долиной.

Мы стояли в тишине, я смотрела на Эми, Аимару — на меня, а Эми и Тоуми глядели куда угодно, но не на меня.

Наконец, Тоуми выдавила:

— Так мы идем к глупому водопаду или нет?

— Да, — сказала я. — Идем.

\* \* \*

Мы какое-то время карабкались в тишине.

Маленькая долина, по которой мы шли, была влажной и зеленой. Тропа пересекала голубой ручей несколько раз, и нам приходилось осторожно идти по скользким камням.

— Мурасаки, — сказала Эми, пока мы ждали Тоуми, переходящую ручей, — когда умер твой отец?

Вопрос был разумным, но казалось, будто она ударила меня в живот. Слезы еще не отступили, начали еще раз сдавливать мое горло.

— Три... нет, думаю, уже четыре года. То была весна. Может, чуть раньше, чем сейчас.

Она кивнула.

— Ты знаешь дату.

Меня снова будто ударили.

— Четырнадцатый день Месяца Цветов.

Эми снова кивнула.

Когда я снова смогла дышать, я спросила:

— Да? Ты помнишь дату?

— Да, — Эми замерла и склонилась, схватила лук за плечом.

Аимару поспешил к ней.

— Эми? — я сжала меч за спиной, переживая, что на нас напали. — Ты в порядке?

— Я помню, — она посмотрела на меня большими глазами. — Мурасаки. Тоуми. Я помню.

— Помнишь? — выпалила Тоуми, не поворачиваясь.

— Да. Вас обеих, вроде. Собирали малину, — она указала на меня, потом на Тоуми. — Кики. Туту, — теперь она плакала, слезы катились по ее носу и вдоль рта с опущенными уголками. — Мы собирали ягоды, размазывали их на лицах. И женщина смеялась, — она моргнула, глядя на меня. — Твоя мама, Мурасаки.

— Моя мама? — я не помнила смех своей матери.

Тоуми зарычала и повернулась, сжимая в руках лук.

— Я не помню глупых матерей или глупую малину, как и не помню тупых девочек, — она зарычала снова и побежала от нас по тропе.

Я пошла следом, но Эми опустила ладонь на мое плечо.

— Думаю, она хочет немного побыть одна. Я знаю путь к водопаду, — она вытерла слезы с лица рукавом.

Да. Водопад. Я уже забыла о нем и мече Масугу за спиной.

Теперь вела Эми, и мы продолжили взбираться по берегу ручья.

Я не помнила время до Чистоты. Как для Тоуми, жизнь до этого — с друзьями, честью, смеющейся матерью — была из другой жизни. Эта мысль не злила меня так сильно. Я просто печалилась.

Аимару, шагая возле Эми, спросил:

— Так ваши отцы были друзьями?

Я ответила:

— Наверное.

Не поворачиваясь, Эми сказала:

— Отец Тоуми и мой служили Кано-сану. Но, думаю, семьи были близки.

Все это казалось историей из книги. Звучало верно, но...

— У тебя много воспоминаний из... того, что было до?

Эми покачала головой, шагая по ручью на носочках.

— Много рассказывала мама. Но я помню малину и другой раз, когда маленькая девочка плакала. Наверное, это была ты, Мурасаки.

Я не помнила, из-за чего плакала. Из-за чего я могла плакать? Вспомнив Усако, я поняла, что причины могло и не быть.

— Так их отцы убили себя, а твой — нет? Что случилось? — спросил Аимару.

— Мы переехали в Чистоту. Мой отец работал писарем для лорда Имагава, в основном.

— Что им приказали сделать, что они отказались?

Эми остановилась и повернулась.

— Никто не знает.

Я сглотнула.

— Вообще-то... я знаю. Немного. Госпожа Чийомэ и Масугу немного рассказали.

Эми глядела на меня. Слезы уже не текли по ее щекам, но ее глаза были красными и опухшими.

— Можно... — я хотела коснуться ее, но она явно этого не хотела. — Когда мы доберемся до Тоуми, я расскажу вам обеим. Ладно?

Она кивнула, повернулась и пошла по тропе.

Аимару, казалось, хотел задать еще вопрос, и я опередила его:

— А ты? — спросила я. — Что случилось с твоими родителями? Ты знаешь? — его история могла быть как моя — опозоренный самурай или убитый аристократ.

Он пожал плечами с улыбкой.

— Я не знаю, кто мой отец. Моя мать работала в борделе в столице.

— О.

— Я вырос там. Там было хорошо. Была еда. Женщины и старшие девушки играли со мной. Но зимой, когда мне было около шести, Ока-сан подхватила оспу и умерла. Было тяжело. И Хироми-сан выгнала меня, потому что я задавал слишком много вопросов, клиентам было не по себе. И все из-за того, что я — мальчик.

Я могла это представить.

— И я жил на улицах пару месяцев, следя за складом, как я сказал тебе и госпоже Чийомэ, Мурасаки. Это было тяжело. А потом монах нашел меня и привел в монастырь, а потом прошлой осенью госпожа Чийомэ нашла меня и предложила помогать Братишкам. Вот так вышло.

— Ах.

Он сморщил нос.

— Ручей не пахнет странно?

Он пах испорченными яйцами. Я так и сказала.

Эми крикнула:

— У водопада поймете, почему.

\* \* \*

Мы подошли к небольшой долине, маленькой впадине в склоне горы над нами, и Эми встала рядом со мной, потянула меня за рукав.

— Думаю, там кто-то есть.

Я застыла.

— Где?

Она глядела на холм.

— За нами. Держится в деревьях.

— Мужчина или женщина?

Она задумчиво хмыкнула.

— Не красно-белая одежда старших женщин. Может, это Шино или Май. А то и мужчина.

Аимару, который остановился, прошептал:

— Это не может быть тот страж, Кобаяши?

— Возможно, — Эми пожала плечами. — Это просто силуэт.

Мы шли бок о бок мгновение.

Я вдруг стала обращать внимание на все тени под деревьями.

— Думаешь, Кобаяши — шпион? — спросила я.

Эми хмыкнула.

— Шпион?

— Тот, кто оставил свиток в кладовой. Или забрал его.

Пожав плечами, Эми сказала:

— Они, наверное, не один и тот же человек, да?

— О, — в этом был смысл: один пробирается и оставляет документ в месте, где никто не посмотрит, а другой приходит позже и забирает его. Так они не выглядели бы подозрительно, и никто их не связал бы. — Это два Матсудаиры, или есть и предатель из Такеда?

— Должен быть предатель, — отметил Аимару. — Если бы Матсудаира-сама уже знал, сколько есть солдат у Такеды-сама, ему не требовался бы шпион, да?

В этом тоже был смысл.

Я стала размышлять вслух:

— Вряд ли Кобаяши может быть шпионом.

— Почему? — спросили Эми и Аимару.

— Шпион должен быть довольно глупым, чтобы опохмелить товарища, когда это сделало бы его очевидным обвиняемым. И, если мертвый страж был отравлен, и предатель пришел оставить свиток, почему он просто не отдал его Кобаяши, чтобы не прятать в Полной Луне?

— Может, предатель не знает, что Кобаяши — шпион? — сказала Эми.

— Может, но все еще кажется, что, если бы было проще передать документ, они бы так и сделали. И если шпион работает на лорда Матсудаиру, зачем ему указывать на Кобаяши?

— Точно, — Эми звучала уже не так растерянно из-за прошлого. — Но, может, Кобаяши... — она покачала головой, как собака, вышедшая из пруда. — Нет. Ты права. В этом нет смысла. И не было видно, чтобы Матсудаира-сама что-то скрывал.

Аимару сказал:

— Он казался разозленным. И мы ехали с ним больше недели. Он не так часто злится.

Мы обдумывали это, пока шли туда, где склон начинал выравниваться.

— Эми, — шепнула я. — Ты все еще видишь кого-то за нами?

Она кивнула.

— Тут открыто, так что они держатся подальше.

— Видишь камни по бокам от ручья впереди?

Она кивнула.

— Может, спрячемся за одним из них и посмотрим, кто преследует нас.

— Хорошая идея, Мурасаки.

Камни стояли, как разбитые двери, в которые поднимался едкий пар. Мы дошли до камня справа, быстро юркнули за него. Эми указала на Аимару, потом на дальний конец камня, который переходил в склон холма.

— Заберись. Посмотри, кто за нами идет. Но не давай себя заметить.

— Ясное дело, — Аимару выглядел оскорбленно. Он прошел вдоль камня, пригибаясь к

земле. Он выглянул в трещину в камне. Повернувшись к нам, он улыбнулся и произнес губами. — Джолало-сан.

Почему он преследовал нас? Мне было не по себе.

— Что нам делать? — спросила я у Эми.

— Он — твой друг, — сказала она с ухмылкой.

— Он — не мой друг! Он просто незнакомый мальчик, с которым я пытаюсь быть вежливой!

— Он сейчас не очень вежливый, — ответила Эми, ухмыляясь заметнее. — И нам пора перестать быть с ним вежливыми.

Ноги тихо шаркали по гравию за камнем.

Я кивнула Эми.

Джолало шел мимо нашего укрытия, и Эми подставила ему подножку луком, а я вытащила меч и прижала к его горлу раньше, чем он пошевелился. Он сказал что-то на своем мягком языке — что-то грубое, похожее.

— Почему ты шпионишь за нами?

Его голос прозвучал писком:

— Шпионю? — он, конечно, больше сосредоточился на остром краю вакидзаси, чем на наших словах.

— Следишь за нами. Идешь за нами. Слушаешь нас.

Он моргнул круглыми глазами и посмотрел на меня, не забывая следить за мечом.

— Не слушаю. Не смотрю.

— Ты шел за нами. Зачем?

Он нахмурился. Эми стукнула его луком по ноге, и он охнул.

— Хотел. Пойти, туда, где ты. Куда ходишь ты.

Я посмотрела на Эми. Она сказала:

— Мы идем в холмы для ритуала, — это было правдой.

Я добавила:

— Чужакам такое видеть нельзя, — это был не совсем правдой, но мне было все равно.

— С мечом? — спросил он. — И луком?

— Да, — буркнула я. Я не знала, как объяснить иначе то, что мы шли по лесу с оружием.

Он рассмеялся, что сильнее меня разозлило.

— Ты можешь использовать меч?

Я помедлила. Мы не должны были рассказывать чужакам, что умели пользоваться оружием. Мы должны были выглядеть мило.

От моих колебаний он рассмеялся сильнее.

— Да! — прорычала я. — Да, я могу использовать этот меч. Хорошо, — Эми хотела остановить меня, но я не могла, разозлилась. Я подняла меч в Бутон Бамбука, этот шаг был первым для исполнения диагонального удара, который мог лишить его головы. Его глаза расширились. — Мой отец был Кано Казуо, один из самых знаменитых мечников империи. Эми, Тоуми и я — потомки великих самураев. Нас учили Пути Воина для самозащиты, так что я могу использовать этот меч. Не заставляй меня! — это снова было правдой, хотя не так, как я хотела, чтобы он думал.

Улыбка пропала, он смотрел на меня.

— Не заставляю. Да.

Я отпрянула, заняла стойку с мечом у плеча, что было чуть дальше, направила кончик вверх, готовая ударить в любую сторону.

Не сводя с меня взгляда, Джолало встал с дрожью, отряхнул расшитый черный жилет. Он странно поклонился: одна нога была перед другой, и та, что стояла дальше, согнулась, а руку он прижал к сердцу.

— Рисуко-сан.

Я кивнула, ощущая внутри последствия гнева.

Он повернулся и без слов пошел между камнями и по склону.

Когда он пропал за деревьями, я опустила меч, меня наполнило облегчение.

Эми и Аимару, конечно, рассмеялись.

— Ладно вам, — буркнула я, убирая меч в ножны. — Найдем уже тупой водопад.

## 15 — Водопад

Эми захихикала.

— Думаю, ты ему нравишься.

— Нравлюсь?

Она повторила его странный поклон — но на его лице был стыд, а то и страх, а она захлопала ресницами, глядя на меня.

— Рисуко-сан.

— Плевать! — я покраснела, но только отчасти из-за ярости.

Это вызвало смех у Эми снова, Аимару тоже рассмеялся.

Мы остановились у пруда.

Его темно-синий центр намекал, что он был не только широким, но и глубоким. Пар поднимался от него, нес еще более сильный запах испорченных яиц. На дальней стороне горячий источник стекал по склону горы водопадом, белым и пушистым на вид, как снег. Вся долина там казалась меньше, укутанная в туман, и звук падающей воды скрывал пение птиц. От шума место казалось странно тихим.

Тоуми сидела на корточках, смотрела на водопад. Ее лук лежал у воды, рядом был пустой колчан. Ее голова была опущена.

Снежные обезьяны мрачно смотрели на нее с другой стороны пруда. Они были наполовину погружены, их маленькие красные морды были над водой, похожие на группу стариков в горячей кадке в купальне.

— Тоуми? — сказала Эми, пока мы подходили к пруду.

— Первое, что я помню, это голова отца, отскакивающая от татами. Я не помню его голос. Не помню его лицо. Не помню маму, ведь она умерла, когда я родилась. Только это. И запах крови, — Тоуми глядела на воду, грызя ноготь.

— Мне жаль, — сказала я, хотя смысла не было.

Я могла и молчать. Она просто смотрела на горячий пруд.

— Слуга таскал меня по городу, надеялся, что меня примут родственники Таругу, но их не было. Мы не смогли никого найти. А потом он... сдался. Бросил меня у статуй Джизо.

— Мне жаль.

— Проголодалась. Украла яблоко. За мной погнались. Украла еще. Выживала. Десять лет. И почему? Потому что твой папа струсил. И я — последняя глупая Таругу.

Я чуть не стала с ней спорить, но я знала Тоуми: она была готова оторвать чью-то голову, и я не хотела, чтобы это была моя голова. Нам нужно было многое обсудить.

— Твой отец хотя бы сохранил честь семьи, — сказала я.

— И толку? — она стала грызть другой ноготь.

Эми села на корточки рядом с ней.

— Эй. Что случилось с твоими стрелами?

— Пустила их в водопад, — она шмыгнула носом. — Думала пристрелить обезьян, но это показалось глупым.

— И ты выпустила их в водопад? — спросила Эми.

Тоуми встала и пожала плечами.

— Эм, мне нужно очистить меч, — сказала я. — Я могу забрать стрелы.

Она снова пожала плечами.

Я ушла от нее, Эми и Аимару, глядящего на деревья над нами.

Долина поднималась резко по бокам, слева был склон горы, покрытый лесом, справа — отвесная стена камня, по которой мне хотелось вскарабкаться. Между ними, над водопадом, поднимался густой пар, отмечая ручей, который питал водопад и пруд.

Это место было волшебным. Место, где я ощущала взгляд ками этого места. Не дружелюбного духа, но и не враждебного.

Я обошла отвесный берег у скалы, добралась боком до края водопада. Я не знала, почему пошла так — это был трудный путь в обход пруда. Может, я хотела выбрать путь сложнее. Это было на меня похоже. Может, я просто хотела полазять. Это тоже было на меня похоже.

Но пока я не могла лазать. Сначала мне нужно было очистить меч и забрать стрелы Тоуми.

Запах стал сильнее, пока я подходила к водопаду. Он не был приятным, но было в нем что-то очищающее. Что-то живое, здоровое, земное, как у вспаханной земли.

Когда я добралась до водопада, там было трудно стоять или быть на коленях — маленькие камни с гравием окружал туман брызг. Но тут было тепло — когда воздух на горе казался холодным, у водопада было душно и влажно, как летом перед бурей. Я смирилась с тем, что промокну, вытащила меч и опустила его на камень в стороне от воды. Туда же опустили пояс, ножны и накидка. Я закатала штаны.

Стоя на краю пруда, я повернулась к водопаду, низко поклонилась и поблагодарила духа горячего источника за то, что он принял меня тут. Я села на колени и взяла горсть воды из пруда, сначала правой рукой помыла левую, потом левой — правую. Поклонившись еще раз, я повернулась, взяла меч левой рукой и прошла в воду, пока брызги водопада не намочили мне лицо, не покрыли зеркало клинка. Я была достаточно близко, чтобы касаться ревущего потока.

Оглянувшись на пруд, я увидела Тоуми и Эми. Они смотрели на обезьян на дальней стороне водопада. Девушки сидели на корточках бок о бок и молчали.

Аимару разглядывал деревья над ручьем, порой поглядывая на меня.

Вздыхнув, я направила правую руку в поток, наполнила ладонь горячей водой и полила ею клинок. Поменяв руки, я повторила это с другой стороны меча. А потом я села на колени в воде, держа меч перед собой под бушующим потоком, и прочла молитву очищения, приглашая богов открыть пещеру небес и убрать все загрязнения, все нечистоты, как святой ветер, уносящий угрожающие облака.

Молитва была долгой.

Я смотрела, как отец проходил этот ритуал каждый новый год со своими катаной и вакидзаси к небольшому водопаду над нашей деревней. Там было очень холодно, но он

заходил в воду и позволял пару очистить мечи — и его, поняла я.

Только тогда я видела мечи каждый год.

Почему, не понимала я, мечи нужно было очищать ритуалом, если их не использовали?

Может, их использовали так сильно, что Ото-сан ощущал, что нужно было и дальше их очищать. И себя.

Я прочла молитву, благодаря восемь миллионов духов — дух горячих источников был среди них — за очищение мир и сохранение баланса. Я наблюдала при этом, как снежная обезьяна с малышом на спине прошла под водопад. А потом, пока я приглашала богов благословить и очистить, я увидела, как мать-обезьяна вышла без ребенка. Странно.

Завершив молитву, я опустила меч на бедра и низко поклонилась, вода потекла по моей голове. Я выпрямилась, хлопнула два раза и встала, держа меч в правой руке.

Я прошла к накидке и ножнам. Накидкой я вытерла меч — вода и сталь плохо сочетались. Я убрала воду (накидка стала мокрой, но это было не важно), вытащила маслянистую ткань и, как делала у кухни, нанесла на клинок защитный слой. Когда он засиял, я убрала его в ножны и посмотрела на пруд.

Эми и Тоуми все еще сидели бок о бок, глядя на обезьян, которые смотрели на них.

Аимару помахал мне, и я помахала в ответ.

Я хотела пойти к ним, когда вспомнила о стрелах Тоуми. Я огляделась, гадая, не было ли пространства за водопадом. Если было, стрелы могли оказаться там. Если нет... если нет, я промокну, но ничего не найду.

Был лишь один способ узнать.

Я прошла в пруд и сунула руку сквозь водопад.

Пространство.

Глубоко вдохнув, я прошла в водопад.

Вес горячей воды чуть не раздавил меня. На миг я ощутила ужас, что меня разобьет, унесет под воду и утопит, но потом я прошла к воздуху за водопадом.

Охнув, я оказалась в сине-зеленом мире.

Водопад спадал с каменного выступа, который прислонялся, как крыша, над открытым пространством. Пруд бурлил за потоком, но каменная стена в конце была приподнята.

За водопадом я видела лишь слабые тени того, что было на другой стороне. Небо в конце долины было яркой полосой. Деревья на горном склоне были темно-зеленым пятном справа от меня. Эми и Тоуми были пятном в центре долины. Аимару мерцал, высокая серая тень рядом с ними.

Я повернулась к пространству за водопадом, увидела кучку движущихся теней. Мои глаза привыкли к странному свету, и я различила трех малышей обезьян, и они играли с...

Играли со стрелами Тоуми.

— Эй! — закричала я, но не слышала себя, так что не удивилась тому, что они не отреагировали. Я пошла к стене вдали, голова почти касалась камня сверху, но я продвигалась к обезьянам. Они смотрели на меня, пятясь, но им мешала стена вдали.

Стрел было пять. Я знала, что Эми и Тоуми обычно носили около дюжины, но остальные могло унести в глубины пруда. Я подняла три, но две держали обезьянки, стучали ими по камням и рычали на меня, что было бы грозно, если бы я их слышала.

Сунув три стрелы за шнурки штанов, я потянулась за двумя другими. Я смогла схватить одну и вырвать ее из лапок недовольной обезьяны. Пока я делала это, другая пробежала мимо меня и забралась по наклоненному камню к потолку.



А потом обезьяна пропала. Я протиснулась туда, где крыша встречалась со стеной и увидела щель — черную дыру, темную, как пространство между звездами. Я не знала, как глубоко там было, как далеко пряталась обезьянка, и была ли там опасность для меня.

Я подумывала погнаться за обезьяной и украденной стрелой, но поняла, что Эми и остальные ждали меня с другой стороны водопада. Ворча, я прошла в пруд за водопадом.

Я подошла к потоку и увидела силуэт за бело-зеленым занавесом воды, услышала голос, хотя не могла различить слова. Я поняла, что это была Эми, звала меня.

— Тут, Эми! — закричала я. — Я за водопадом!

Через миг тень выросла — Эми подошла к водопаду и шагнула под воду. Ее лицо было белым, глаза расширились. Ее рот произнес мое имя:

— Мурасаки.

— Эми! — выдохнула я. — Я нашла...

Но я не успела сказать, что нашла, Эми ударила меня в живот.

## 16 — Из леса

Я согнулась, завтрак грозил пролиться на промокшую обувь Эми. Слепая и потрясенная, я оттолкнула Эми и закричала:

— *Зачем ты это сделала?*

Эми поскользнулась на склоне и проехала в воду за водопадом. Ее лицо было красным и мокрым, она что-то мне кричала.

Я настороженно прошла ближе и закричала поверх шума воды:

— *Что?*

— *Я думала, ты умерла!*

— *Что?*

— *Ты ушла в воду и не выходила!* — завизжала она мне на ухо. — *Я думала, ты умерла!*

Ох.

— *Я не умерла!*

Она снова ударила меня — в этот раз по плечу, не так сильно. А потом она указала на край водопада.

Мы прошли сквозь поток воды. Я вручила Эми пять стрел, но она опять не смотрела на меня. Я схватила накидку и пояс, надела их, тут же промокнув полностью.

Я держала меч в ножнах.

— Прости, Мурасаки, — пробормотала Эми.

— И меня прости, — я попыталась улыбнуться ей.

Но Эми хмуро смотрела на Тоуми с другой стороны пруда, которая была повернута в другую сторону, вложив стрелу в поднятый лук. Аимару стоял за ней. Оба глядели в лес.

— На что они смотрят? — спросила она.

— Не знаю, — я посмотрела на деревья, но ничего не видела. — Идем, посмотрим, что происходит.

Вода лилась с нашей одежды, пока мы шли к другим.

— Так где ты была?

— Сверху есть щель...

— Да, я видела, как ты выскользнула оттуда.

— Ты видела обезьянок? — Эми кивнула, и я сказала. — Одна из них убежала в щель сверху. Я не смогла ее увидеть дальше. Похоже, щель ведет далеко в холм.

— О, — Эми склонилась, подобрала свой лук и сунула три стрелы в колчан. Еще стрелу

она вложила в лук, подходя к Тоуми. — Что там?

Аимару прошептал:

— Я кого-то там видел.

— Наверное, лань, — буркнула Тоуми.

— Нет, это был человек.

— Может, опять Джолало? — я стала разглядывать деревья, куда они смотрели.

— Вряд ли. Джолало носил черное. Этот был в синем.

— Один из поваров? — сказала Эми.

— Наверное, — признал Аимару, сосредоточенный, я не видела его таким с атаки на гостиницу у горы Фудзи.

Синяя вспышка. На кедре выше на холме. Ярче, чем мы носили, ярче, чем у Ки Сана. И лицо. Сначала я думала, что это была снежная обезьяна, печальная, со свисающими щеками, но лицо было бледным, а не красным, и его окружали борода и черные волосы.

— Аимару. Ты видишь кого-то на ближайшем кедре?

— Кедр?

— Большое пушистое дерево темнее других?

— О, — он шмыгнул, склонил голову. — Да. Это он.

Эми шепнула:

— Где?

Но Тоуми не ждала, она выпустила стрелу в фигуру на дереве.

Его глаза расширились, он пропал за стволом кедра. Стрела просвистела в пространстве, где было его лицо.

— Тоуми! — охнула я. — Это мог быть отшельник! Или фермер из долины!

Она выпустила еще стрелу с другой стороны дерева.

— Или шпион, убийца или гадкий старик, который любит смотреть на девочек в горячем источнике! — она схватила еще стрелу из колчана Эми, но Эми поймала ее запястье, не дав вытянуть стрелу. — Думаю, он ушел. Нам нужно посмотреть.

И мы пошли к деревьям. С мечом в руках я приближалась к месту, где мы видели фигуру. Это мог быть монах с горы, но Тоуми была права — он мог быть и кем-то куда опаснее.

Подняв луки, Тоуми и Эми разглядывали деревья над нами в поисках движений. Аимару глядел на холм, нюхая, как медведь, ищущий мед.

Ветерок поднялся, приносил гнилой запах ручья и насыщенный аромат леса над нами. Было чудесно снова оказаться под высокими деревьями. Я месяцами — прошлой осенью — не была под соснами и кедрами, раскачивающимися сверху. Синее небо проглядывало между вершин. Я хотела бросить меч и ножны и забраться на манящие ветки.

Но не стала. Где-то в лесу был мужчина. И Тоуми могла быть права.

Мы с ней уже попадались мужчинам в лесу раньше. Я не хотела, чтобы это повторилось. Хоть когда-либо.

Когда мы дошли до кедра, были следы, где мужчина спрыгнул с дерева и побежал по склону вверх. Сломанные кусты показывали, что он не остался неподалеку.

— Вот твоя стрела, Тоуми, — сказал Аимару, пройдя туда, где стрела вонзилась в землю, покрытую мхом.

— Мужчины не видно? — спросила Эми.

Я указала на сломанные кусты выше по склону.

— Думаю, он уже ушел.

— Чэ, — буркнула Тоуми.

— Может, это все-таки был фермер. Хорошо, что по нему не попало, — я не удивилась, когда Тоуми хмуро посмотрела на меня, но не дрогнула. Она сверлила меня взглядом часто, и я знала, что она могла легко сделать это снова.

Эми прошла между нами.

— Мурасаки, почему тебе не посмотреть на дереве — может, ты узнаешь, кто это был.

Мне не нужно было слышать больше. Я убрала меч в ножны, сунула ножны за спину и поднялась по грубой коре кедра на нижние ветки. Я видела шрамы в коре, которые показывали, что он полез дальше. Я поднялась выше на уровень, добралась до места, откуда он смотрел на нас.

Отсюда было ясно видно пруд, от которого поднимался пар вниз. Я видела гравий, где были Тоуми и Аимару. Пара обезьян вышла из воды и тыкала гальку, наверное, икала оброненную еду.

Еда. Я ощутила знакомый пряный запах. Понюхав, я огляделась, увидела грязную ткань, застрявшую между прутьями. Я схватила ее и поднесла к носу. Запах гвоздичного масла.

Я спустилась с дерева как можно быстрее.

Все трое смотрели на меня.

— Что такое, Мурасаки? — спросила Эми. — Ты в порядке?

— Нам нужно уходить, — выдавила я, поднимая ткань. — Это не фермер. Он — солдат.

— Чэ, — рявкнула Тоуми, но побежала с нами из леса.

Аимару остался за нами, оглядывался весь путь до Полной Луны.

\* \* \*

— Дайте-ка уточнить, — буркнула Тоуми, пока мы шли вдоль ручья. — Ты знаешь, что он — солдат, потому что нашла тряпку, которая пахнет как то, что Ки Сан использует от зубной боли?

— Да, — я вздохнула. — Масло, которым мы чистим мечи, чтобы они не ржавели.

Тоуми презрительно фыркнула.

— Я все еще говорю, что мы могли бы поймать его. Он явно испугался нас, раз этот бака убежал.

— Или он просто не хотел, чтобы его нашли, — сказала Эми. — Может, это был Кобаяши.

Я кивнула.

— И я так думала.

Аимару заговорил впервые с тех пор, как мы покинули источник:

— Я не узнал лицо, но он мог быть одним из солдат Матсудаиры.

— Да, — сказала я. — Я забыла, что ты путешествовал с ними. От Трех Рек?

Он кивнул.

— Нам нужно сказать лорду Матсудаиры? — спросила я.

— Лорду Такеде, — сказала Тоуми.

Эми хмыкнула, все еще сжимая лук в одной руке, а стрелу — в другой, готовая выстрелить, если чужак появится из-за деревьев.

— Думаю, нам нужно сказать госпоже Чийомэ. Пусть она решает.

Мы все согласились, что это была лучшая идея. Даже Тоуми.

\* \* \*

Пока мы шли, я поделилась тем, что госпожа Чийомэ и Масугу-сан рассказали мне о том, как лорд Ода приказал нашим отцам напасть на группу детей лорда Имагавы и на двух юных заложников: племянника лорда Такеды, Масугу, и племянника лорда Матсудаиры, Токимацу.

Аимару удивленно присвистнул.

Эми нахмурилась, но кивнула.

Тоуми глядела на меня.

— Дети? — она плюнула на тропу. — Он хотел, чтобы наши отцы убили детей?

— Да, — я поежилась, вспомнив безумный смех Фуюдори, пока снег падал вокруг нас. — Девушка, которая пыталась всех нас убить... тоже так сказала.

— Почему Ода-сама хотел этого от них? — задумалась Эми.

У меня не было ответа, а Тоуми плюнула снова.

— Сволочь.

Мы тихо прошли к задним воротам Полной Луны.

\* \* \*

Мы сидели на коленях перед госпожой в ее покоях над главным залом.

— Так что вы делали на Горе Огра?

— Гора Огра? — спросила я.

Старушка приподняла бровь, глядя на меня.

— Да, девица. Гора Огра, — она указала на стену, за которой гора нависала над Полной Луны. — Та, по которой ты с трудом забралась на днях.

— О. Я... — я посмотрела на Эми, чьи глаза расширились.

Эми закончила за меня:

— Мы отвели Мурасаки к горячим источникам, чтобы она очистила меч Масугу-сан.

Я охнула.

— Я знаю, почему она зовется Горой Огра!

Теперь обе брови госпожи Чийомэ приподнялись.

— Что?

— Когда я поднялась по горе, там была пещера. И я видела... огра. Или мертвого, по крайней мере.

Впервые с нашей встречи Чийомэ-сама глядела на меня, лишившись дара речи. А потом она закрыла рот, быстро тряхнула седой головой.

— Хмф. Мне рассказывали в историях, что путь в логово они за водопадом, а не на горе.

Я в волнении начала рассказывать ей, как зашла за водопад и увидела, как обезьяна пропала в щели вдали.

Но она остановила меня, подняв руку.

— Ясно. Рисуко, это объясняет, почему ты еще мокрая. Что вы делали, пока она играла?

— Чистили зубы, — Тоуми скривилась.

— Я следил за лесом, — сказал Аимару. — Мне казалось, что там кто-то был.

Эми пробормотала:

— Я следила за Мурасаки. И обезьянами. Они были... забавными.

— О, да, очень забавные, — Чийомэ-сама ухмыльнулась. — Пока не украдут у тебя что-нибудь.

— Так я нашла щель, — сказала я. — За водопадом. Тоуми выпустила несколько стрел...

— Практика стрельбы, — буркнула она.

— ...и там дети обезьяны играли со стрелами за водопадом. Я почти все забрала, но когда потянулась за последней, обезьяна разозлилась на меня и убежала на вершину. Может, та щель вела в пещеру, где огр.

— Огр, — Тоуми закатила глаза.

Госпожа Чийомэ постучала ногтем по столу.

— Тебе придется показать нам того огра, Рисуко.

Я была напугана и взволнована от этой мысли.

— Да, госпожа. Эм, вам будет довольно сложно подняться туда и спуститься.

— Я могу тебя удивить, — глаза старушки блестели. — В любом случае, Тоуми, ты видела нарушителя. Пока чистила зубы.

— Эм, да. Да, госпожа.

— Он был на дереве, — добавил Аимару, пожав плечами. — Следил за нами.

— Да?

— Да, госпожа, — сказала он.

Тоуми фыркнула.

— Там не на что было смотреть.

Госпожа Чийомэ раздраженно посмотрела на нее.

— У горячих источников всегда красивый вид, девица. А ты, Эми, видела его?

— Нет, госпожа, — пробормотала Эми. — Мурасаки пропала за водой надолго. Я пошла проверить, в порядке ли она.

— Ясно. Тоуми, Аимару. Как выглядел нарушитель?

— Мужчина, — сказала Тоуми. — С растрёпанной бородой.

— Да, — согласился Аимару. — С бородой. Думаю, над бровью был шрам. И он был в синей накидке и штанах.

— Как у Ки Сана?

— Светлее, — сказала я.

— Ты тоже его видела, Рисуко?

— Да, госпожа. Лишь на миг. До того... — я взглянула на Тоуми. — Пока он не спрятался за деревом, на котором был.

— Ясно, — старушка улыбнулась Тоуми. — Выстрелила в него?

Тоуми опустила взгляд.

— Я попала бы ему между глаз, если бы он не спрятался.

— Не сомневаюсь, — госпожа Чийомэ издала смешок. — Вы его узнали?

Мы покачали головами.

— Но мы нашли это, — я вручила ей ткань.

Она понюхала ее.

— Ах. Масло для меча.

Эми вмешалась:

— Когда Мурасаки сказала, что это был солдат, мы вернулись сюда.

— Четверо моих слуг, обученных слуг Полной Луны, убежали от солдата? — госпожа Чийомэ налила себе чаю.

Аимару скривился.

— Ну, — прошептала Эми. — мы не знали, был ли он один.

Так и было, хотя я не учитывала этого.

— Логично, — старушка ухмыльнулась и сделала глоток из чашки. — Вы учли, что это мог быть пропавший страж лорда Матсудаиры, Кобаяши?

Мы кивнули.

— Хм. И вы решили сначала сообщить мне. Хорошо. Я донесу это до лорда Такеды. Теперь почти настало время обеда. Вам нужно переодеться, чтобы не подавать еду так, словно вы только прибыли издалека.

Я посмотрела на девочек. Тоуми и Эми все еще были с луками, а я — с мечом. Мы были в пыли, но мы с Эми были грязными из-за воды источника. А моя одежда спереди была коричневой от коры кедра.

— Да, госпожа.

## 17 — Мило

Обед проходил тихо. Казалось, прошло землетрясение, и никто не знал, когда будет следующее.

За обедом капитан Токимацу смотрел только на Миэко, напоминая кота, который пытался решить, стоило ли нападать на ворона на дереве — и не мог ли ворон охотиться на него.

Рядом с ним самурай Матсудаиры, который бился до этого с Торимасой, лейтенант Сакай, скрытно разглядывал комнату, пока потягивал лапшу.

Когда я указала Тоуми на это, плоское лицо Шино исказилось. С чайником чая в руке она прошла к лейтенанту.

— Ее тут нет.

Лейтенант Сакай посмотрел на нее.

— Прошу прощения?

— Май заперли в спальне, — вспомнив, с кем она говорила, она смягчила позу. — Чтобы было лучше нашим лордам.

Самурай ошеломленно кивнул.

— Конечно.

Токимацу-сан ухмыльнулся ему, первая улыбка в зале за обед.

Пока мы убрали столы, монах в оранжевом одеянии прошел по залу к кухне. Не зная, что делать, мы растерянно переглянулись, пока Торай, повар Такеды, не перехватил монаха. Его голос был спокойным:

— Нет, нет, не тут! Я покажу... — и он повел монаха к входной двери зала.

— Что это было? — спросила Эми.

— Плевать! — прорычала Шино, и мы больше не говорили.

\* \* \*

Убрав на кухне, мы вышли в Главный зал. Хоши-сэнсей сообщила нам, что все женщины Полной Луны будут на уроке.

Не Май. Она все еще была в Убежище. Наверно, ей приказали оставаться там, но мы не знали точно.

Мы и не говорили об этом.

Когда мы присоединились к женщинам, я увидела там одного мужчину — мальчика. Аимару был в тяжелом одеянии и со шлемом, который мы использовали, тренируясь с мечами.

— Эй, Аимару, — прошептала Эми.

Он ответил, но мы его не слышали из-за толстого шлема и маски.

Сачи-сан, учительница музыки, хлопнула в ладоши ритмично, и мы притихли.

— Нам пора напомнить вам, как разбираться с недружелюбными незнакомцами.

Женщины — и мы, девочки — застонали.

— Мы знаем, как защищаться, Сачи-сан, — пожаловалась одна из куноичи.

Хоши сказала:

— Но всегда хорошо освежить память.

Миэко появилась посреди группы, ее голос был тихим, но разносился:

— Как со многими искусствами, важно смотреть на это новыми глазами. Чтобы быть готовыми, нужно готовиться. Для этого нужно тренироваться. Опасность ударяет, когда мы меньше всего этого ожидаем.

И, как обычно, Миэко заглушила все возражения.

— Итак, — Сачи прошла к Аимару, покачивая бедрами, — кто скажет мне три лучших способа сбежать от вооруженного мужчины?

\* \* \*

Во дворе мы помогли Аимару снять толстую броню.

— Уверен, что ты в порядке? — спросила Эми, выглядя встревожено.

— В порядке, — прохрипел он, приняв десятки ударов кулаками, ногами и локтями по защищенному горлу.

— Может, показаться Ки Сану... — добавила она, но он прервал ее, необычно грубый:

— Порядок, — повторил он, прошел в зал, снимая броню.

Эми надулась, глядя ему вслед.

— Он будет в порядке, — я пыталась убедить себя и ее.

Тоуми фыркнула.

— Хмурая нанесла одни из лучших ударов, так что он будет забавно ходить и говорить какое-то время.

Эми нахмурилась, явно хотела что-то сказать. Она не успела, мы увидели, что капитан Баба и Чийомэ-сама шли в нашу сторону.

Капитан кивнул в нашу сторону и что-то шепнул госпоже Чийомэ. Она кивнула, хотя ее лицо не выглядело согласным. Баба-сан погладил торчащую бороду с усами и пошел прочь.

— Девочки, повезло. У вас задание.

Брови Тоуми приподнялись, она впервые за эти дни обрадовалась.

— Задание?

— О, да, — госпожа Чийомэ рассмеялась. — Восхитительно. Мы устраиваем завтра двойные похороны. Капитан Баба хотел, чтобы кто-то из девочек собрал вещи мертвых, нашел их лучшую одежду.

Маниакальная улыбка Тоуми стала гримасой Эми.

Аимару вышел из зала, потирая шею.

Чийомэ-сама указала ему идти к нам, а потом склонилась и прошептала:

— И если вы что-то найдете — если там окажется любовное письмо от Майи в палатке лейтенанта, или у стража окажется мешок монет с гербом Матсудаиры... Смотрите внимательно, а рты держите на замке. Докладывать только мне. Понятно?

— Да, Чийомэ-сама.

\* \* \*

Кто-то зажег благовония в палатке, которую Сато, страж Такеды, делил с тремя другими. Запах вернул меня в прошлую зиму, когда Миэко жгла могоусу у ног отравленного

Масугу-сана.

Палатка была маленькой, но аккуратной. Напоминало нашу спальню.

Два солдата мрачно смотрели с входа. Аимару стоял между ними. Я вдруг поняла, что наш друг был выше воинов Такеды.

Мы с Эми поискали в сумке покойного солдата чистое кимоно, а Тоуми проверила его оружие, а потом проверила носком татами, на котором лежал спальный мешок Сато.

— Так мало, — прошептала я, когда мы вытащили коричневое кимоно из шелка, которое много раз штопали. Из рукава выпал маленький амулет, сплетенный из соломы, как мы с Усако делали для родителей. — У него... были дети? — спросила я у солдат, стоящих у входа.

Они скривились, но один кивнул.

— Прощу, — услышала я себя, — господа, убедитесь, что семья мертвого узнает, как он умер. Прощу.

Они отпрянули, глаза расширились.

— *Аи-и-и-и...*

Эми опустила ладонь на мое плечо.

— Прощу, господа. Все мы — сироты. Мы понимаем, как это. Мы понимаем, что им лучше знать.

Теперь они были смущены, но оба кивнули.

Мы опустили одеяние и амулет в корзинку, один из стражей мрачно улыбнулся нам.

— Так это правда, что вас, девочек, учат сражаться? То есть...

Аимару кивнул на меня. Он сказал с ленивой улыбкой.

— Рисуко забралась на вершину большого дерева в лагере посреди снежной бури прошлой зимой, чтобы одолеть убийцу, — он кивнул на Тоуми. — Я видел, как она попала в яблочко с сотни шагов. А Эми может порвать горло голыми руками.

Мы с Эми покраснели, пряча лица, а Тоуми, конечно, была рада.

Солдаты рассмеялись, но не с презрением.

— Не думал, что буду служить с солдатом, который выглядит меньше моей сестренки, — сказал один, но они поклонились нам.

Мы поклонились в ответ и покинули палатку.

— Нельзя такое говорить, Аимару! — пробормотала Эми.

Он снова улыбнулся и пожал плечами.

— Но это правда.

— Отчасти! — простонала я.

— Мышка — убийца убийцы! — сказала Тоуми, хохоча сильнее после моего раздраженного взгляда. — Ладно вам. Идемте к палатке лейтенанта.

\* \* \*

Палатка Торимасы-сана была того же размера, что и та, где мы искали, но он был там один.

Там был свинарник.

Когда страж впустил нас, мы увидели одежду, валяющуюся на полу, свитки валялись на его походном столе и татами, четыре бутылки, подозрительно похожие на ту, в которой было сакэ с маком, которую нашли в палатке Кобаяши.

В палатке воняло потом и рисовым вином. Запах не был приятным, и Тоуми указала на это.



Я вздохнула.

— Чем быстрее найдем чистую одежду, тем быстрее выйдем отсюда.

Мы стали искать на полу мешок или сундук, но все было разбросано.

— Думаете, тут кто-то искал? — спросила я.

— Нет, — сказал Аимару. — Он просто был неряхой. Даже тот, кто искал, не устроил бы такой бардак, да? Вещи возвращали бы туда, где их взяли, а не бросали по всей палатке.

Мы обдумали это, озираясь, и кивнули. Это было очевидно после его слов.

Я заглянула под стол.

— Тут чистое кимоно, — оно было белым, аккуратно сложенным (вряд ли это сделал лейтенант), лежало поверх подходящих штанов. Я вытащила их. — Думаю, это был его наряд для похорон.

— Ну, — фыркнула Тоуми, — ему придется самому его надеть.

На одежде лежали три обрывка бумаги. Я повернула голову, посмотрела на один, шурясь. *Т должен Х 7 монме.* Другая гласила: *Т должен Т 12 монме.* На последней было написано: *Т должен Т 3 кошукин, 5 монме.*

Тоуми посмотрела поверх моего плеча и присвистнула.

— Мертвый был должен много серебра и золота!

— Думаю, — отметил Аимару, — будет ужасно сложно забрать деньги у мертвеца. Может, он убил себя?

— Нет, — сказала Эми, опустив уголки рта сильнее обычного. — Мурасаки была права. Он был мертв, когда его пронзили.

Я повернула голову, глядя на записки, потом повернула снова, вглядываясь, словно сквозь отражение пруда, чтобы увидеть глубины.

— И... что это?

Другие посмотрели на меня.

— Это расписка, — сказал Аимару.

— Что...

Эми указала на неровные края одной из записок.

— Видите это? Двое рвут бумагу пополам, потом пишут на половинках долг. Если края и цифры совпадают, то это сковывающий долг.

— Ах, — я посмотрела на три записки, обещания. Потом на бардак в палатке. — И эти было просто найти. Думаю, у него их больше.

Теперь мы знали, что искать, быстро порылись в вещах покойного лейтенанта, обнаружили черновик письма его отцу, где он просил (не удивительно) денег, возмутительный набросок женщины, прикрывающей честь веером, еще пару записок, как те, что мы нашли. Каждый раз тот, кто был должен, отмечался как Т, и чаще всего должен он был тому, кто начинался с той же буквы. Я отметила это.

— Думаешь, лейтенант мог быть в некоторых записках? — спросила Эми. — Может, его убил тот, кто был должен ему денег?

Я обдумала это. В этом был смысл, но...

— В этом бардаке были деньги?

Другие покачали головами, а потом мы методично (насколько могли в этом хаосе) поискали монеты. Мы проверили мешочки, сумки и ящики, даже грязные носки. Ни одной серебряной монме или золотой кошукин. Мы нашли пару медных монет — я не дала Тоуми забрать их — но ничего из количества, указанного в записках.

— Итак, — сказала Эми. — лейтенант был должен много денег.

— Как минимум одному человеку, чье имя начинается с Т, — Аимару хмуро посмотрел на записки в руке Эми. Я указала на хирагануツ, и он кивнул, уши покраснели. Тоуми и Эми я сказала. — Можете придумать, чье имя так начинается?

Эми пожала плечами.

— Ну, сам Торимаса-сан, конечно.

— Но он не может быть должен себе, — напомнила я ей.

— Нет, — она надулась.

Тоуми щелкнула языком.

— Капитан Матсудаиры? Как его зовут?

— Токимацу, — сказал Аимару.

— Да, — согласилась Эми, кусая губу, — хотя он и лейтенант должны были только встретиться, — она повернулась к Тоуми, хитро ухмыляясь. — И, конечно, есть ты.

Тоуми хмуро посмотрела на Эми, бросила в нее черновик письма. Я знала, что если бы она злилась серьезно, Тоуми бросила бы что-то тяжелее страницы.

Эми рассмеялась и стала сминать письмо, чтобы выбросить его. Но сзади...

— Стой, — я протянула руку.

Тоуми издала презрительный смешок.

— Хочешь почитать, как бравый лейтенант умоляет папулю дать денег?

Я покачала головой и развернула бумагу, разгладив ее.

— Смотрите.

Неуклюжим почерком, как в черновике письма, кто-то — скорее всего, Торимаса-сан — написал два длинных столбика: один был едва различимыми словами, другой — цифрами. И цифры были сложены внизу.

— Аимару, — прошептала я. — Что было на дне списка, который ты находил в кладовой?

Эми и Тоуми посмотрели на меня, но он ответил без паузы:

— 83,482.

Я указала на эту цифру на дне столбика. Брови Эми и Тоуми приподнялись. Аимару нахмурился.

— Думаю, — сказала я, — нужно отнести это госпоже Чийомэ. И сразу же показать ей.

## **18 — Сообщники**

— И, — сказала я нашей госпоже, которая смотрела на клочки бумаги, которые мы ей принесли, — мы думаем, что покойный лейтенант скопировал эти цифры, чтобы передать кому-то, может, тому, кому он был должен все эти деньги, госпожа.

Мы сидели на коленях перед письменным столом в ее комнате — карта еще была там, цветные камешки и булавки покрывали острова Японии. Госпожа Чийомэ сжимала маленькие красные камешки в пальцах.

Красный для Такеда, вспомнила я. Синий для Матсудаира. Белый для Ода. Желтый для Уэсуги, а оранжевый для Ходжо...

Чийомэ-сам выдохнула звук между вздохом и рычанием.

— Ясно, — ее ноздри раздулись, словно она учуяла что-то гадкое, и она подняла красный камешек. — Видите это?

Мы все кивнули.

Она опустила камешек на карту, поверх места, где Полная Луна была отмечена

маленьким белым кругом. Она взяла голубой камешек.

— Каждый из них представляет отряды, которыми управляет генерал или капитан. Я учу вас, девочки, и поиску мест, оценке сил, — она опустила камешек Матсудаиры рядом с красным камешком Такеды. — Большие камни — армии из тысячи и больше. Маленькие, как эти, пара сотен человек. Мои куноичи очень хороши в распознавании отрядов. И некоторые, как волшебники, — она махнула на Аимару, — могут оценивать размер отряда.

Глядя вниз, она подняла бумагу.

— Но такой точный подсчет... — она взглянула на Аимару. — Капитан Баба сказал мне, что цифра, которую ты запомнил, точное количество солдат, которые сейчас с Такедой-сама в поле. Такую информацию мои девочки добывали бы месяцами. Это для наших врагов ценнее пары монет золота и серебра, — она подняла записки с долгом. Она буркнула. — Бандит, — и бросила записки, словно они пачкали ее пальцы.

Я посмотрела на голубой и красный камешки на Полной Луне.

— Простите скромную слугу, госпожа, но разве Матсудаира — наши враги? Я думала, они были нашими союзниками.

— Союзники? Хм, — госпожа Чийомэ хитро улыбнулась, напоминая кота перед броском. Она усмехнулась девочкам по бокам от меня. — Эми, Тоуми, что вы думаете? Матсудаира — наши союзники или враги?

Тоуми смотрела на карту и пожала плечами.

— Не надо доверять им.

Эми выдохнула пар, который задел ее челку.

— Мы бы хотели, чтобы они были нашими союзниками. Их верность помогла бы лорду Такеде против лорда Оды.

Мы напряглись от этого имени, и госпожа Чийомэ хмыкнула.

— Лорд Ода. Да, — улыбка кота вернулась. — А ты, Аимару?

Широкое лицо мальчика сжалось.

— Что ж. Солдаты Матсудаира думают, что их лорд был чудесным. Но я знаю, что и Такеда считают Гору таким. Так что я не знаю.

Госпожа Чийомэ показала в улыбке больше зубов, развела руки, указывая на метки на карте.

— Именно. Этого не знаешь. Союзники сегодня могут стать врагами завтра, и наоборот. Просто доверять нельзя — эта находка доказывает это. Даже своим нельзя доверять безоговорочно. Тот лейтенант явно продавал тайны лорда Такеды... но кому? — мы не ответили, и она продолжила. — Я хочу, чтобы вы держали глаза открытыми. Я скажу Такеде-сама, что мы продолжаем... расследование. Но не скажу ему об этом. Это может намекать на еще одного предателя Такеда, и я не хочу подходить к нашему лорду без доказательств, — она посмотрела на боевую карту, махнув на нас рукой. — Идите. Если найдете улики о сообщнике мертвеца, сразу скажите мне.

\* \* \*

Мы покинули Главный зал, собираясь передать вещи мертвых монаху, который устраивал погребальный костер. Аимару спросил:

— Что такое со... сооб...

— Сообщник, — буркнула я. — Заговорщик. Товарищ по преступлению.

— О.

Мы вышли за ворота, и в мою голову пришла мысль.

— Если сообщник — человек, которому он должен денег, из Такеда, — я произнесла последнее слово губами, чтобы стражи не слышали, о чем мы говорили, — зачем ему было проникать в Полную Луну прошлой ночью?

Тоуми закатила глаза.

— Глупая Мышка, потому что... — она нахмурилась, глядя на вещи лейтенанта, которые она несла. — Не знаю. Хороший вопрос.

— Хм, — согласилась Эми. — Да. Если он пытался передать бумагу товарищу-солдату, он мог просто принести ее к палатке мужчины. Или отдать ему.

— Но они не хотели бы, чтобы их поймали со списком, да? — спросила я.

Аимару хмыкнул.

— Потому что они использовали «мертвый бросок».

— М-мертвый бросок? — я уставилась на него, как и Эми с Тоуми.

Он кивнул.

— Да. Когда хочешь что-то передать кому-то — например, записку или что-то, кхм, украденное — и не хочешь, чтобы кто-то знал, что происходит, или кто это делает, используется «мертвый бросок». Первый человек оставляет вещь в месте, где никто не посмотрит. Например, лампа в старом храме. Или дупло дерева.

Эми кивнула.

— Или на полке в глубине кладовой.

Аимару кивнул в ответ.

— Угу. Второй знает, где должна случиться передача, и позже проверяет место — и если вещи там еще нет, он проверяет на следующий день.

— И так, — сказала я, — никто не узнает, что происходит, или кто вовлечен — может, даже те двое, что проводят обмен?

— Ага.

Тоуми потянулась и потрепала волосы Аимару.

— Маленький заговорщик.

Он нахмурился, а мы прошли последний ряд палаток и попали на луг на вершине гряды с видом на долину. Он сутулился, а Эми рассмеялась.

Двое мужчин устанавливали груды хвороста для погребальных костров, чтобы сжечь тела двух мертвецов. Перед погребальными кострами Торай-сан, повар Такеды, говорил с монахом. Когда он увидел нас, он помахал руками и закричал сухим голосом:

— Нет! У нас нет лишнего вина!

— Но сакэ важно для ритуалов, — возмутился монах.

Его работники смотрели на нас, пока мы приближались. Каждый держал бревно в спокойной манере.

— Я сказал: нет, — прорычал Торай-сан. — Хватит просить, — он пошел к главным воротам.

Монах поднял руки, извиняясь.

— Рисовое вино очень важно, — сказал он. — Милые девы, господин, чем могу вам помочь?

Я передала вещи Сато-сама, а Тоуми почти бросила в монаха одежду Торимасы-сана, а монах в оранжевом одеянии улыбался нам.

— Благословляю вас, дети мои, — сказал он, и мы ушли.

Пока мы шли к кухне — пора было помогать с ужином — Эми прошептала:

— Аимару, монах тебе не показался странным?

Тоуми фыркнула.

— Он любит вино, это точно.

Но Аимару смотрел вперед, пока мы шагали, взгляд двигался, словно он читал.

— Вряд ли он отсюда.

— Не отсюда? — спросила я.

— Не из долины. Я был в местных храмах с Братишками, и я не помню его. Или двух мужчин, работающих на него, если подумать, — он кусал губу.

— Ладно, — я вздохнула, — прежде чем решать загадки, нужно накормить армию.

Мы подошли к воротам, примчались восемь всадников — отряд поиска. Они спешили, и я слышала, как юный капитан Токимацу сказал:

— Не повезло. Кобаяши нет в долине.

«Нет, — подумала я, — он в горах», — мы вошли в Полную Луну, и я посмотрела на других, видела, что они думали о том же.

\* \* \*

На ужин была говядина — убили фермеры, к счастью, и принесли, пока мы были на горячих источниках. Рецепт был от Кумо-сана, и это заставило меня вспомнить жалобы Ки Сана, что японские вкусы были «сладкими и коричневыми».

Матсудаира и Такеда вошли в Главный зал тихо. За обедом тишина была неуверенной, а в этот раз в ней будто гудел гнев — солдаты Такеда злились на смерть двух своих, а Матсудаира злились за обвинения.

Мы стали подавать еду, Ки Сан вытащил миску с рисом, накрыл ее и вручил мне.

— Для Лисички, — сказал он.

*Маи.*

— Да, Ки Сан-сан.

— И принеси ей немного вина, — он вручил мне бутылку как те, что мы видели в палатке Торимасы-сана. Он надел сверху чашку и махнул мне. — Неси.

И я понесла.

Дверь Убежища была закрыта. Я осторожно сдвинула ее и позвала:

— Май-сэнпай?

Фырканье донеслось из темных глубин маленького здания.

— Сэнпай, — я увидела, как она оторвала взгляд от низкого стола. — Чего ты хочешь, Мышка?

Я подняла миску и бутылку.

— Твой ужин.

Я видела, что она подавила желание зарычать. Она повернулась к бумаге, на которой рисовала.

— Спасибо, — вежливость не была естественной для Маи, но она хотя бы пыталась.

Я села на колени у стола, опустила еду рядом. Я налила ей вино, взглянула при этом случайно на ее рисунок. Хоши и другие учителя учили нас работе с кистью. Госпожа Чийомэ считала, что способность рисовать привлекательную и точную картину могла пригодиться в работе куноичи. Но нас нельзя было назвать художниками.

Я видела каллиграфию Маи, пару завитков для украшения, но не видела ее попытки рисовать. И мой рот раскрылся от того, что она делала.

— Что уставилась? — буркнула Маи с полным ртом мяса.

— Твои рисунки, — сказала я. — Они красивые.

Она нахмурилась и хмыкнула.

На полоске мятой бумаги она рисовала фигуры в движении. Каждая была простыми линиями, но я сразу узнала, что это была Шино. Хотя я не считала ее изящной, на рисунках Май она была такой. На обратной стороне много раз сложенной бумаги парой клякс и линий чернил Май смогла оживить Шино.

Я повернула голову.

— Это... Шестьдесят четыре Перемены, да? — стоило сказать это, я поняла, что так и было — она нарисовала первые восемь форм упражнения, которое мы делали каждое утро, и что я делала с мечом всякий раз, когда выпадал шанс.

Она опустила взгляд и фыркнула.

— Наверное, — она опустила миску на бумагу, закрывая и размазывая рисунки, хмуро посмотрела на меня, бросая вызов... Я не знала, в чем. Думаю, она ждала, что я буду издеваться над ней.

Мне не нравилась Май, но я не хотела дразнить.

— Это очень красиво.

Ее хмурая гримаса стала привычной лисьей улыбкой Май.

— Да-да. Конечно. Кто-то еще там умер?

— Надеюсь, нет! — я поняла, что ждала, пока что-то произойдет. — Хотя один из стражей убил себя.

Она пожала плечами.

— Да, я слышала, — она сделала глоток вина. — И они не знают, кто... это сделал?

Я покачала головой.

— Не знают. Конечно, кто-то знает, но вряд ли госпожа Чийомэ и лорды в курсе, — я не сказала ей, что мы помогали исследовать — Май это не понравилось бы, я знала.

Она зарычала.

— Наверное, все равно обвинят меня.

— Вряд ли. Они знают, что ты не могла этого сделать — сломать так его шею. И даже если они попробуют, госпожа Чийомэ не даст тебе принять вину, — она закатила глаза, и я спросила. — Так... ты не соглашалась на встречу с лейтенантом?

— С тем *бакой*? — она презрительно скривилась.

— А Сакаи-сан?

Она прищурилась, выпила больше сакэ.

— Я заигрывала, Мышка, как всегда делает Сачи-сан. Было забавно. Пока они не стали биться за меня, как два *они* из-за козьей ноги.

— Хм, — я посмотрела на то, что было видно от красивых рисунков. Пятна жира сделали заметными ряды символов с другой стороны, но рисунки Май все еще поразительно оживляли старшую ученицу. — Вряд ли Шино нравилось на тебя смотреть.

— Ага, — обычно выражение лица Май было хитрым и злобным, но теперь она будто сожалела. — Она ругала меня за это. Об этом мы спорили утром, когда...

Когда вышли и увидели труп Торимасы-сана на пороге.

Когда я увидела, что она доела, я взяла миску. Я потянулась за бутылкой вина, но она остановила меня.

— Оставь это.

Я кивнула и встала.

Я дошла до двери, Май крикнула:

— Эй. Скажи Шино, что она — раздражающая бусу, и если ей это не нравится, она может прийти сюда, я скажу ей это в лицо.

— Эм, — я моргнула, пытаюсь представить, что сделает Шино, если я назову ее уродиной. Их отношения были странными. — Хорошего вечера, Май-сэнпай.

— Сэнпай, — снова прорычала она, но если что и добавила, я не знала — я уже вышла за дверь.

\* \* \*

Когда я пришла в Главный зал, солдаты почти доели. Эми шептала, что они сильно пили, но не выглядело так, чтобы сакэ их развеселило. Солдаты Такеда хмуро глядели на Матсудаира, те отвечали тем же. Даже капитан Токимацу, который всегда казался готовым пошутить, хмурился, хотя продолжал поглядывать туда, где сидела Миэко, милая, но горюющая, за главным столом. Рядом с ней сидели Чийомэ-сама и два лорда, тоже выглядели мрачно.

Мы убрали миски со столов, но никто не успел встать, Матсудаира-сама поднял руку, и зал погрузился в более глубокую тишину.

— Милорд-губернатор Достоинства сообщил, что похороны пройдут завтра утром. Этим вечером монах проведет обряд, и рад мы признаем, что будет неуважительно и сложно для мертвых видеть кого-то еще этим вечером, мы приглашаем вас к погребальным кострам, когда они загорятся, чтобы почтить павших.

Все солдаты поклонились, и вскоре зал опустел.

Кухню будто заразило плохое настроение в зале. Даже юмор Ки Сана был приглушен, Кумо-сан жевал губу, а Торай-сан бурчал под нос. Эми, Тоуми и я переглянулись и тихо начали уборку. Я собиралась выносить обрезки с Эми, но Сачи-сан прошла на кухню и отвела меня в сторону.

— Рисуко, госпожа Чийомэ хочет, чтобы кто-то из нас играл на обряде этим вечером. Сузумэ и Аоки, — старшие женщины, — отправились веселиться в Устье, и мне нужна помощь учеников. Шино может играть на кото и колокольчиках, я буду играть на флейте. Я бы посадила Май за сямисэн, но она...

— В Убежище, — страх сдавил мое живот. — Вы... хотите, чтобы я играла?

Сачи щелкнула пальцем по моему носу и рассмеялась.

— Везучая, — при виде моего лица она снова рассмеялась. — Ты справишься, Рисуко. Я слышала, как ты играешь. Не так точно, как Май — у тебя маленькие пальцы — но в другом даже лучше. Это просто будут «Вишневые цветы» и несколько других старых и любимых песен.

Я посмотрела на Эми, которая глядела на меня с вопросом, и Тоуми, чье лицо обвиняло меня в том, что я бросала их.

— Эм, Сачи-сэнсей, я нужна вам прямо сейчас?

— Боюсь, да. Мы должны устроиться там до начала похорон. Я уже сказала Аимару принести инструменты из Чайного домика.

— Хай, Сачи-сэнсей, — я повернулась к другим и виновато скривилась. Эми пожала плечами, а Тоуми, конечно, нахмурилась.

Приняв такой ответ, Сачи нежно вывела меня за локоть из кухни и направила к воротам.

## 19 — Отбывший

Когда мы дошли до места, где устроили погребальные костры, Шино уже была там,

ворчала на Аимару, устанавливая кото на низкую подставку в примятой траве.

— Ты мог бы хотя бы попытаться нести его ровно, бака.

— Прости, Шино-сан, — звучало так, словно Аимару уже давно это повторял. Он поднял длинную флейту Сачи и мой сямисэн. — Но у меня были другие...

— Как мне играть без наперстков? — прорычала Шино.

— Успокойся, Шино, — сказала Сачи, начав чистить свою флейту. — Ты можешь делать это пальцами. Аимару, на верхней полке в шкафу у двери в Чайном домике лежат наперстки. Можешь принести их для Шино, пожалуйста?

— Да, Сачи-сан, — Аимару убежал.

— И если уронишь, не наступай на них! — крикнула ему вслед Шино.

Сачи фыркнула и заиграла обманчиво простую мелодию «Зов оленя», пока мы с Шино настраивали инструменты.

Было тяжело провести мелкие поправки для настройки струн сямисэна с длинной шеей, когда пальцы дрожали и вспотели. Было еще сложнее, когда сидела в дюжине шагов от двух аккуратных стопок хвороста, в каждой было тело в белой ткани. Я видела смерть, но не ощущала себя комфортно рядом с ней.

И я глубоко вдохнула и слушала мгновение игру учительницы.

Меня всегда потрясало, как Сачи могла превратить пару выдохов через длинную трубку бамбука в до боли красивую и якобы легкую музыку. Это напоминало мне, если честно, чувство, которое порой приходило, пока я лазала — когда не я лезла, а меня будто поднимало, если в этом был смысл.

Вдохнув — это тоже было частью музыки, как и ноты — Сачи подмигнула мне.

Я улыбнулась в ответ и продолжила настройку. Легко не было, но стало немного проще.

Шино ворчала рядом со мной, поправляя струны на своем широком кото.

Я вспомнила грубое приветствие, которое передала соседке Май.

— Май-сэнпай передавала привет.

Задев струну, прижимая ее костяшкой к деке, Шино приподняла бровь, глядя на меня.

— Передала привет.

Я покраснела и посмотрела на свои струны.

— Эм. Она сказала передать, что ты — раздражающая и уродливая.

Я слышала, как Сачи кашлянула во флейту.

Шино громко задела три струны, и теперь они звучали слажено. Я взглянула на нее, она щурилась, щеки покраснели, но она и улыбалась.

Я не понимала этих двоих.

Аимару прибежал с двумя наборами наперстков.

— Нашел те, что уронил у кладовой, пока возвращался.

— Ладно, — Шино закатила глаза и протянула руку. — Дай мне те, что не в грязи.

Аимару передал их привычно бодро, и Сачи-сан заставила нас сыграть пару легких песен для разминки.

Солнце скрылось за горами, но небо только начало показывать огонь заката. Аимару взял немного хвороста, оставшегося от погребальных костров, и сделал пару костров, чтобы озарять место в темноте.

Мы доиграли, и монах поднялся. Он был в белом.

— Как мило вы выглядите, — сказал он с улыбкой.

Я опустила голову и старалась улыбаться в ответ, хотя отметила, что фраза была



странной. Шино закатила глаза, но Сачи улыбнулась, склонив голову, пока чистила флейту.

— Как все на севере в Устье?

Монах сжал губы.

— На севере?

— О, я сама из Морского берега. Я знаю акцент Устья, когда его слышу.

— Ах! — его улыбка расслабилась. — Я из Посредника, а не Устья, но да, я из провинции Арсенал! У вас хороший слух, милая.

— Что ж, — Сачи подмигнула, — я — музыкант! — она улыбнулась и захихикала, будто пролился летний дождь. Он тоже рассмеялся и кивнул нам. — Девы.

— Уважаемый, — ответили мы, а он пошел прочь.

Улыбка Сачи осталась, но я видела, что она размышляла, глядя, как он шагал к укутанным телам. Когда я стала задавать вопрос, она тряхнула головой и сказала:

— Давайте еще раз пройдем «Вишневые цветы». Шино, держи ритм, Рисуко, следуй за ней, а не мной, — пальцы ее свободной руки затрепетали, она произнесла певучим голосом. — Я — бабочка. Шино — ветка. Ты — цветок. Держись на ветке, иначе упадешь на землю.

— Да, Сачи-сэнсей.

Она подмигнула и отсчитала начало.

Мы играли, я старалась держать ритм, но следила, как монах говорил с мертвыми. Его, казалось, больше беспокоил лейтенант Торимаса.

Но часть меня думала о соломенном амулете, который мы спрятали в одежде стража Сато. О ребенке, который дал амулет отцу, который никогда не вернется.

\* \* \*

Госпожа Чийомэ и два лорда хмуро вышли в поле, пока Сачи играла «Пустое небо», мы с Шино приглушенно добавляли ритм за печальной мелодией.

Каждая группа солдат прошла к той стороне гряды, где стоял их лагерь — Матсудаира на западе, Такеда — на востоке. Госпожа Чийомэ и девушки из Полной Луны, наряженные не в кимоно, а в бело-красную одежду мико, разделяли две армии с одной стороны, пока монах и мы, музыканты, разделяли их с другой стороны.

Аимару и Братишки зажгли костры вокруг нас, и ночь показалась еще темнее.

Мы играли песню в третий раз, лорды и госпожа Чийомэ опустили на колени. Сачи кивнула нам, показывая, что пришло время. Мы остановились в конце припева.

Тишина сгустилась.

Монах встал и что-то пробормотал — звучало как часть проповеди — и подошел к костру лейтенанта Торимасы. Он осторожно сдвинул саван, стало видно лицо офицера Такеды, все еще выглядящее удивленно, хотя его глаза были теперь закрыты. Кистью и мисочкой воды, которую опустили на хворост, монах покрыл водой губы мертвеца — последний поток воды перед тем, как душа покинет тело. Шепча, он отнес воду и кисть к другому костру, оставив потрясенное лицо Торимасы на виду. Он раскрыл лицо стража Сато, повторил ритуал.

Лицо Сато не было удивленным — он знал, что его смерть грядет. На его лице была печаль и, что не удивительно, боль.

Со своего места я видела, что его голова была отделена от тела. Хоть монах и его помощники пытались очистить тело, кровь покрыла дерево, на котором он лежал.

Люди любили говорить, что мертвые выглядели так, будто спали, словно отдыхали

после страданий в жизни. Это выглядело мило.

Я не считала это правдой. Мертвое тело не выглядело как спящее. В спящем теле всегда была искра души, настороженная, как мышка, нюхающая, шевелящая ушами, чтобы уловить боль или радость. Она была едва заметной. Крепко спящее тело нельзя было назвать беспокойным.

Я видела смерть раз, я знала. Это была полная неподвижность. Это было молчание.

Куда бы мы ни уходили, умирая, это забирало все важное в человеке с собой и оставляло оболочку.

Монах читал проповедь собравшимся лордам, госпоже, солдатам, женщинам и девушкам.

— Я, — монотонно говорил он, — не мое тело, мое тело — не я. Я — то, что переродится, а тело вернется в землю, откуда поднялось. Тело — просто еда. Дух вечен.

Он посмотрел на лордов и госпожу Чийомэ.

— Мудрые и набожные лорды и дамы. Мудрость, которой учит нас Будда и его слуги, ведет к таким поступкам, пока злые намерения порождают злые результаты. Как желудь, который может вырасти только дубом, а семя пуэрарии может стать только лозой *кудзу*, так наши мысли рожают наши действия. Злые мысли легко накапливаются даже в благородных людях, — он указал на двух мертвых перед собой. — Все мы склонны к злым мыслям. Отпустите их! Они ведут только к злему концу. Думайте хорошо. Творите добро. Ваша карма, ваши действия будут следовать за вами в следующую жизнь. Глупый верит, что все события — результаты действий в настоящем. Но карма — невидимый вес, она давит или поднимает ваш дух в каждой жизни.

Проповедь тянулась, его слова были знакомыми, и я глядела на толпу. Лорд Матсудаира и его офицеры, включая лейтенанта Сакаи, сидели серьезно, как и их солдаты вокруг них, даже Джолало и португальский священник. С другой стороны лорд Такеда и его капитаны были серьезными.

Но лица многих солдат Такеда были искажены другим настроением — беспокойные и неудобные. Лейтенант Итагаки, командир мертвого солдата Сато, хмуро смотрел в сторону офицеров Матсудаира.

За ним в тених появилось лицо — оно выглядело знакомо, но я не могла его определить. Я знала, что Миэко была бы недовольно, ведь она учила нас все запоминать. Бледное лицо, вытянутое, с редкой бородой...

Я попыталась приглядеться, и лицо пропало в сгущающихся тених.

Проповедь тянулась к заключению, Сачи подняла палец, сообщая нам с Шино, что мы заиграем, едва он умолкнет. Я взяла инструмент, и Шино надела наперстки — она возилась с ними всю речь монаха.

Он поклонился сначала телам, потом собравшимся, и мы медленно и печально заиграли «Вишневые цветы».

Такеда-сама встал и прошел к двум укутанным телам. Он опустил свернутую бумагу — ши-дэ — на ветку, соединявшую два погребальных костра. Баба-сан и Хара-сан, серьезные, как совы, повторили ритуал. Как только они отошли, другие офицеры и солдаты с той стороны стали проходить вперед.

Но, пока другие солдаты Такеда шли, чтобы выразить уважение, Матсудаира-сама встал, прямой, как ясень, и прошел к погребальным кострам. Он поклонился и опустил свой зигзаг рисовой бумаги на ветку. Его капитаны тоже повторили этот жест уважения.

Они отошли, госпожа Чийомэ пригласила лордов и старших офицеров освежиться в Главном зале — видимо, имелось в виду рисовое вино.

Мы играли втроем песни, которые уже были, а солдаты стали подходить и выражать уважение, некоторые молились, многие оставляли бумажные подношения.

Толпа редела, и Миэко с другими приблизилась, чтобы сделать подношения, когда лейтенант Матсудаиры, Сакай-сан, подошел добавить подношение. Справа от нас оставшийся Такеда зарычал. Лейтенант Итагаки крикнул:

— Нет! Не ты!

Сакай поднял голову, глаза расширились.

— Что? Я не...

— Не смей! — прорычал Итагаки, подходя, руки тянулись к мечу.

Я привыкла, что солдаты ходили без оружия в Полной Луне. Было шоком, что мы сидели между двумя тяжело вооруженными и недовольными группами мужчин.

Монах, который сидел на коленях с другой стороны от Сачи-сэнсей, вскочил, но Сачи поднялась с привычной грацией.

— Господа! — сказала она, ее голос был высоким и певучим. — Думаю, день был тяжёлым для всех вас, — она коснулась локтя Сакай-сана. — Может, моя подруга Хоши и я, — она указала на высокую куноичи, которая шагала ближе с другими женщинами, — сможем провести вас и других наших гостей из провинции Три Реки в их лагерь и развлечь их.

Миэко встала перед Итагаки, ее веер трепетал (и он узнал в нем опасное оружие).

— Мицукэ, Рин, — две куноичи появились у ее плеча, — прошу, отведите наших гостей из провинции Достоинства в их лагерь и помогите им забыть о печалях дня.

— Да, Миэко-сан, — две женщины поклонились. Мицукэ выглядела неприметно, но она отлично танцевала, как и Рин. Хотя Рин еще и показывала нам, как учитель, как задушить кого-то шнурком. Хотя и это было похоже на танец.

Солдаты пошли в их лагерь, Миэко повернулась к монаху.

— Вам требуется помощь, или я могу забрать этих юных дев в их спальню?

Широкое лицо монаха покрывал пот — я его не винила. Но он выдавил улыбку.

— Конечно. Я останусь и буду молиться всю ночь за безопасный переход мертвых.

— Конечно, — Миэко поклонилась. — Девочки? — мы собрали инструменты — Шино пожаловалась, что придется нести длинный кото — Миэко спросила монаха, нужно ли прислать ему стража. Он заверил нас, что это не требовалось, и мы вернулись в Полную Луну с музыкальными инструментами в руках, разумы были тяжелыми от событий дня.

## 20 — Ночная молния

Мы вернули инструменты в Чайный домик, и я помогла Тоуми и Эми завершить уборку в купальне.

Тоуми пожаловалась, что я снова уходила на приятную работу, и я спросила, хотела бы она играть при всех солдатах. Она ответила на это предложение с радостью котенка, которого опускали в кадку с водой.

Мы вернулись в спальню, и я не удивилась, что Эми и Тоуми сразу же уснули. День был долгим и утомительным, даже длиннее и тяжелее обычного.

Но, как и две ночи до этого, я не могла уснуть. Картинки дня сверкали в моем разуме, как отражения на пруду, покрытом рябью: потрясённое лицо Торимасы-сана, спокойный вид с арки тории, слезы Эми и рычание Тоуми в нашем первом разговоре об отцах, обезьянка,

бросающая стрелу в щель за водопадом, странно милые рисунки Май, где Шино танцевала Шестьдесят четыре Перемены. Та картинка всплывала перед глазами — рисунки, но и сложенная бумага, пятна от еды показали ряды символов на другой стороне.

Смирившись с тем, что я не усну, хоть ужасно устала, я выбралась из спального мешка и из комнаты. Я знала, что Май была еще в Убежище, и хоть я не слышала привычный храп Шино у их двери, я решила, что была одна во дворе кухни, озаренном луной.

Но я не удивилась, увидев Миэко у гонга Ки Сана. Она держала короткий меч Масугу и тот, с которым сама тренировалась.

— Я подумала, что ты захочешь еще урок, — сказала она.

— Да, пожалуйста.

И она снова провела меня через восхитительный и утомительный урок с молнией, застывшей в моих руках. Шестьдесят четыре Перемены, да, я видела линии рисунков Май, когда мы с Миэко повторяли начальные стойки танца. Потом она научила меня тому, что назвала отражением и ответом — как остановить удар противника и напасть в ответ. Нужно было использовать самые маленькие и эффективные движения. Она показала, как направить клинок в сторону мечом, а потом рассечь ее запястье кончиком. Я видела, что даже мелкий порез острого вакидзаси мог сбить даже безумную атаку.

— Я н-не хочу навредить, — сказала я, когда она попросила меня исполнить ответную атаку.

— Нет, — она тепло улыбнулась, — конечно, не хочешь. Но, обещаю, ты меня не заденешь. Я делала это дольше тебя. И тебе нужно привыкнуть биться с настоящим мечом.

Мне совсем не нравилась эта идея.

При виде моей неуверенности она склонила голову.

— Но я не хочу, чтобы ты переживала за меня, когда ты должна думать о своём мече, — она вытащила из рукава кимоно квадрат плотной кожи с длинным шнурком. — Кунико сделала это мне, когда я повредила как-то раз запястье.

Она закрепила кожаный щиток на запястье, и я поняла, что впервые с гостиницы у горы Фудзи услышала, как она произносит имя мертвой женщины.

Мы взяли мечи и тренировали отражение и ответ: она направляла меч на меня, я отбивала его в сторону — тик — и задевала кончиком меча ее запястье — так.

Сначала я не могла преодолеть страх, что я порежу Миэко даже сквозь щиток, но вскоре я увидела, что могла навредить, только если бы промазала, а я не собиралась так делать.

Мы стали ускоряться: тик-так, тик-так. Без предупреждения Миэко добавила в свои движения отражение и контратаку: тик-так-ток. Я удивленно отскочила, подняв руки, оставив себя без защиты.

Ее улыбка была доброй, но она коснулась кончиком своего вакидзаси середины моей груди.

— Мечник — или мечница — должен предвкушать неожиданность.

— Как мне это сделать?

— Отличный вопрос, — ответила она. А потом она снова стала атаковать.

Я заблокировала удар и атаковала, но когда она исполнила это, я была готова со своей комбинацией.

— Хорошо! — сказала она и продолжила. Мы двигались туда-сюда, резали и отбивали, я тяжело дышала, и даже лицо Миэко покраснелось в свете луны.

— Думаю, мы заслужили воды, Рисуко-чан, — Миэко подвела меня к колодцу и

подняла ведро.

Вода была холодной и сладкой, и я наслаждалась ею, она остужала меня изнутри.

— Я могу задать вопрос, Миэко-сэнсей? — сказала я, когда мы напились.

— Конечно.

— Ты убила так много людей?

Она смотрела на колодец, капнула холодную воду на виски и по бокам горла. После долгой паузы она сказала:

— Сто сорок три. Да.

— Это... становится проще? — я знала ответ, но мне нужно было услышать это.

— Нет, Рисуко-чан. Не становится.

Я кивнула. Она кивнула. Я подняла меч.

— И... когда оружие... участвовало в чьей-то смерти. Его становится проще поднимать?

Она посмотрела мне в глаза. Луна была за ней, и ее глаза были в тени, но я видела острую решимость в них.

— Оружие не устраивает трагедию, Рисуко. Оно не ранит или убивает. Это делаем мы. Масугу не винит этот меч в смерти его бабушки. Думаю, очищающие ритуалы, которые мы устраиваем, смывают пятно не с нашего оружия, а с наших душ.

— О, — пока я мыла вакидзаси утром, я очищала не клинок, ведь уже это тщательно сделала. Ритуал помог мне поднять меч снова без тревоги. — Да, в этом есть смысл.

Миэко кивнула и начала вставать.

— Можно еще вопрос?

— Задавай, Рисуко-чан.

— Юный капитан Матсудаира...

— Токимацу-сан.

— Да. Почему он все время смотрит на тебя?

— Ах, — она снова заглянула в колодец, но до этого она скрывалась в тених, а теперь будто искала с радостью воспоминания в глубинах. — Одной из первых миссий от Чийомэ-сама было заглушить командира Имагава, который пытался убедить лорда порвать союз и напасть, пока Такеда-сама был сосредоточен на Уэсуги.

— О, — госпожа Чийомэ говорила, глядя на карту, о танце красок, союзах и предательстве. В голову пришла еще мысль. — Масугу-сан был тогда гостем? — заложником.

— Да, — сказала Миэко, на ее бледном, как луна, лице появилась слабая улыбка и немного цвета. — Тогда мы впервые встретились. Он помог мне и... и Кунико сбежать из замка, — теперь она посмотрела на меня, улыбка была не такой теплой, но яркой. — И Токимацу-сан тоже был там заложником. Он — один из старых друзей Масугу. Я вижу, что он пытается понять, где встречал меня раньше.

— И ты, конечно, не хочешь ему говорить.

— Конечно, — ее улыбка показала зубы. — Где тогда веселье?

Мы обе рассмеялись и встали. Я была готова уснуть. Я вручила свой меч Миэко-сэнсей и стала благодарить ее за урок.

Слова не успели вырваться из моего рта, из-за Главного зала донеслось рычание. Мы повернулись на звук. Я вдруг пожалела, что отдала защиту меча Масугу.

Шино вырвалась из теней. Ее накидка была сдвинута, рукав — порван. Она держала что-то в руке, ее плоское лицо, и без того мрачное, обещало молнию и гром.

— Бака ама!

Миэко встала передо мной, приподняв оба меча, и Шино увидела нас. Она тут же изменила выражение лица на что-то, похожее на стыд, я еще не видела ее такой. Она побежала от нас, отперла задние ворота и выбежала в ночь.

Миэко смотрела ей вслед, на ее лице было непривычное удивление. Она взглянула в сторону Убежища в другом углу Полной Луны, посмотрела на меня.

— За ней, Рисуко. Не знаю, что случилось, но Шино может быть опасна для других этой ночью — или она может быть опасна для себя. Просто следи за ней! — она побежала к Убежищу. — Я должна проверить Маи.

— Да, Миэко-сан! — крикнула я и побежала за ворота в ночь.

\* \* \*

Едва я вышла на пространство между задней стеной Полной Луны и горой, я пожалела, что не взяла вакидзаси. Полумесяц был над деревьями на востоке, но его свет как-то делал ночь еще темнее. Завопила сова — приветствие или предупреждение, я не знала.

Я огляделась, но не видела Шино. Вряд ли она добралась бы до деревьев по бокам так быстро, и она не могла где-то спрятаться у основания горы, так что она, видимо, пошла в сторону лагерей. Я не видела причины для Шино так делать, повернула за угол и побежала к главным воротам Полной Луны.

Впереди один из стражей у ворот крикнул:

— Стоять! — видимо, он кричал Шино. Я надеялась, что она остановится.

Я добралась до главных врат, два стража, что были там утром, стояли на своих местах, настороже, сжимали мечи.

Я подходила громко, не хотела застать их врасплох.

— Юкиширо-сан! Аосаги-сан! Высокая девочка с плоским лицом тут пробежала?

Хоть я была наименее грозной из всех для них в Полной Луне, и хоть я старалась не пугать их, оба стража повернулись ко мне в боевых стойках.

Я замерла в десяти шагах от них, подняв ладони до плеч. Я стояла в высокой траве, куда спрыгнула со стены утром.

Аосаги, часовой Матсудаиры, пригляделся ко мне.

— Кто там?

— Девочка, которая залезла на арку! — рявкнул Юкиширо, и они опустили оружие.

Я повторила вопрос, Аосаги заворчал, а Юкиширо кисло фыркнул.

— Она пробежала и не остановилась. Мы не в себе после прошлой ночи. Ей повезло, что мы не можем покинуть пост.

— Точно, — сказала я. — Куда она ушла?

Они указали на дорогу между лагерями, ведущую в долину.

Я поблагодарила их и поспешила по тропе, пытаясь не напугать стражей, которые могли стоять по бокам. Я миновала два лагеря из палаток без проблем, заметила Шино на коленях у двух погребальных костров.

Я шагнула к ней, ощущая любопытство, но ладонь сжала мое плечо.

Я спрашивала Миэко, как предвкушать неожиданность. Ответом, как оказалось, было позволить телу думать за себя после тренировок.

Локоть нашел мягкий живот — мне повезло, напавший был без брони. Я ощутила у шеи оханье. Мой разум не успел среагировать на угрозу, нога повернулась, зацепила ногу напавшего, моя рука направила тело через мою ногу, сбивая на спину, выбивая остатки

дыхания из легких врага. Я повернулась, как тренировалась против Аимару утром — и много дней до этого — и подняла кулак, готовая вонзить костяшки в открытое горло напавшего.

Не вредить.

Я моргнула, помедлив.

Темное лицо глядело на меня, шок Торимасы был на лице Джолало-сана. Он хрипел, как лосось, которого мы с Усако вытащили из ручья под мостом у нашей деревни.

Мы смеялись от того, как он храпел. Сейчас смеяться не хотелось.

— Нельзя никого просто хватать! — процедила я. Я опустила кулак.

Он прохрипел.

— Нет. Нельзя. Да.

Я хотела пойти за Шино — я видела, она была у костров — но не могла бросить Джолало-сана там. Я села на колени рядом с ним.

Джолало отдышался, откашлялся и смог глубоко вдохнуть. Он сел, держась за живот, и сказал:

— Не... подкрадываться... к Рисуко-сан. Никогда, да.

Я невольно издала удивленный смешок.

— Это хорошая идея. Я была бы рада.

— *Хай*, — он попытался встать, но упал на попу. — Ох.

— Ты в порядке?

— Только... гордость задета... да, — выдавил он и смущенно улыбнулся мне.

— Тогда тебе повезло, Джолало-сан, — я не сказала, что другие женщины могли его убить. — Зачем ты это сделал? Ты напугал меня.

— Прости, да, — он попытался встать еще раз. В этот раз ему удалось. — Хотел поговорить с Рисуко-сан, да.

— Зачем тебе со мной говорить? — я не понимала, почему ему этого хотелось.

— Где ты научилась использовать меч и... — он изобразил удар локтем, которым я его повалила. — От отца, да?

— О, — я не могла рассказать ему о цели Полной луны. И я не хотела обсуждать то, что Ото-сан был мертв. — Немного от отца, да. И... от многих учителей.

Он кивнул, потирая живот.

— Ты мог поговорить со мной за едой, Джолало-сан.

— Рисуко-сан не было... — он охнул, согнувшись. — Не было за едой, да.

— О, прости, Джолало-сан. Я играла на похоронах.

— Знаю, да.

Я хотела сказать, что не нужно заканчивать каждое предложение «да», это не звучало вежливее, а путало, когда Шино прошла мимо, растрёпанная, ворчащая:

— «Следи за ночью». Да. «Помолись за души мертвых». Конечно. *Бака*, — она фыркнула с презрением и пропала в лагере, шагая в сторону Полной Луны.

Я вдруг стала переживать за монаха. Она напала на него?

— Прости, Джолало-сан, — сказала я как можно спокойнее. — Я должна идти и... принести еще церемониальных вещей монаху.

Он кивнул, явно хотел попроситься пойти со мной.

Я пошла прочь.

— Спокойной ночи, Джолало-сан!

Он помахал рукой.

— Спокойной ночи, Рисуко-сан.

Когда я дошла до костров, белый силуэт монаха лежал на примятой траве. Я испугалась, что Шино навредила ему, но шагнула ближе и услышала его храп. Я окинула его взглядом, не увидела раны.

Я обрадовалась, вернулась к задним воротам Полной Луны.

Миэко стояла внутри, снова спокойная.

Я рассказала ей о том, что видела, хотя не упомянула Джолало.

Она кинула, сказав, что проверила Май, которая была пьяна и рассказала Миэко, что у них с Шино была *встреча* — я кивнула, понимая, что они, конечно, поссорились. Миэко убедилась, что Май выпила воды и легла спать, а потом покинула Убежище и видела, как Шино прошла в задние ворота и ушла к спальням. Все сложилось хорошо.

Она проводила меня до спальни учениц.

Радуясь, что день, начавшийся с трагедии, закончился комедией ошибок, я пожелала Миэко хорошей ночи.

День был тяжелым и долгим.

Следующий день будет еще дольше, но я засыпала в радостном неведении.

## 21 — Медведь

Когда я пришла в Убежище на следующее утро, чтобы принести Май завтрак из бобовой каши и риса — она была на той же диете инь, что и Тоуми — она все еще спала, сжавшись на матрасе, как поросенок, разделенный с матерью. Большой палец был во рту Май, и ее выражение лица было мягким и умиротворенным, я ее не видела такой.

Рядом с ней валялись три пустые бутылки вина — она явно залезла в кладовую и добыла больше, допив ту, что я принесла. Конечно, Миэко сказала, что она была пьяна. Конечно, она крепко спала.

Я знала, что Ки Сан будет в ярости, но не винила ее.

Я подумала о Торае, низком поваре Такеды, он рывкал монаху, что тот не получит сакэ. Странно. У нас было много сакэ.

Я оставила простую еду там, где Май найдет ее, когда проснется, убрала пустые бутылки и вернулась на кухню. Там госпожа Чийомэ и Миэко стояли с Эми. Миэко держала колчан с четырьмя длинными стрелами с белым древком и белыми перьями.

— Ах, моя белочка, — сказала госпожа, — вот и ты. Капитан Хара попросил очистить это для похорон сегодня. Я бы хотела, чтобы вы отнесли это на горячие источники, — она склонилась. — И выглядывайте дезертира Матсудаиры, Кобаяши, ладно?

— Да, Чийомэ-сама, — сказали мы. Эми взяла колчан, и мы пошли по тропе, по которой ходили день назад.

Когда я спросила, для чего нужны стрелы, Эми пожала плечами.

— Наверное, ими подожгут погребальные костры.

— Ох.

\* \* \*

Мы шли вдоль ручья, воняющего гнилыми яйцами, к горячему источнику. От запаха я подумала о нашем разговоре день назад — о наших отцах. Эми, наверное, думала о том же, потому что выглядела задумчиво, может, печальнее обычного (хотя с ней всегда было сложно понять).

Она оглянулась, увидела мой взгляд и вяло пожала плечами.

— О чем ты думаешь? — спросила я.



— Ото-сан, — она вздохнула. — Мой. Тоуми. Твой.

— И я.

Мы шли в тишине, а потом она добавила:

— О похоронах. У... твоего отца были похороны?

— Нет.

— Ох. Это точно было тяжело.

Теперь я пожала плечами.

— Наверное. Мы не знали, точно ли он умер, хотя он явно мертв. Мы просто знаем, что он ушел в замок... и не вернулся.

Эми опечалилась. Она закинула руку на мои плечи.

— Это точно сложно. Не знать.

— Это было ужасно для моей матери. Она все еще ждет, что Ото-сан войдет в дверь, наверное, — у меня было много воспоминаний о том, как мама плакала, глядя на вишню в нашем дворе. — Мы с Усако грустили, пожалуй. Но мы не понимали.

Эми кивнула.

— Думаю, похороны помогли мне и маме принять, что его нет. Но было и страшно. Огонь. Запах... — она поежилась. — Я была юной, не понимала всего, что происходило, как ты и твоя сестра. Но я знала, что он ушел.

Я обвила рукой ее плечи, и мы шли в тишине до пруда.

\* \* \*

Обезьяны мрачно смотрели, как мы с Эми подходили к водопаду. Я снова разулась, сняла накидку и прошла в теплый пруд. Очистив себя ритуалом, я повернулась к Эми за первой стрелой.

Она была белой, что было необычно, как и то, что стальной наконечник был пустым, почти как маленькая клетка. Я приподняла бровь, а Эми крикнула поверх шума воды:

— Чтобы содержать огонь.

— Ох, — я начала очищение, окунула кончик в падающую воду, чтобы очистить его.

— Это молитва благодарения? — спросила Эми.

Я вручила ей стрелу и кивнула.

— Отец делал так с мечами каждый Новый год.

Она надула губы и вытерла стрелу тканью, которую принесла, так что моя накидка будет в этот раз сухой.

— Я... — она вручила мне другую стрелу. — Я завидую твоим воспоминаниям.

Я кивнула. Я не могла ничего сказать, не могла винить ее в зависти. Продолжая молитву, я вымыла эту стрелу, потом третью.

Когда она передавала мне последнюю, я сказала:

— Я знаю, что Тоуми не помнит своего отца ясно, только его смерть. А ты?

Слезы блестели на ресницах Эми — или это были брызги от водопада, ведь ее лицо не стало печальнее, чем обычно.

— Толком не помню. Мама все время рассказывала мне о нем, и я помню ее истории, конечно. И его лицо. Он всегда улыбался, — она почти улыбнулась печально.

Я ответила на это улыбкой.

— Конечно, — глядя на нее, думая, как тяжело было одному человеку переносить столько потери, я стала бормотать молитву, направила стрелу в поток.

Я ожидала давление воды, но не была готова к тому, что что-то утянет стрелу в водопад.

— Что... — охнула я, а потом поняла, что обезьяна за водопадом, наверное, схватила стрелу. Я разозлилась. Не думая, я нырнула в поток, в пространство за ним, рыча, — хотя звук воды заглушал меня полностью.

Жутко скаля зубы, одна из обезьянок — наверное, та же, за которой я гналась вчера — потрясла украденной стрелой.

Три или четыре других смотрели на другой стороне бурлящего пруда.

— Маленькая *бака!* — заорала я и пошла сквозь воду к зверьку.

Как и в прошлый раз, она забралась к щели на вершине наклоненного камня, щелкая зубами.

«Думаешь, я не умею лазать?» — я забралась по влажному камню, обеими руками подтянулась к вооружённой обезьяне, сжимающей стрелу и рычащей на меня.

Я оглянулась, проверяя, что другие не нападут сзади. Они ухаживали друг за другом.

Я увидела, как Эми прошла сквозь водопад за мной, стала осторожно подниматься по камню.

Обезьяна со стрелой смотрела с опаской на нас, пока мы лезли к ее убежищу. Зверек стал нервничать — я знала достаточно о диких зверях, они были опаснее всего, пока боялись, и я попыталась улыбнуться, протягивая руку.

Не работало. Обезьянка выла на меня, показывая зубы, острые, как у кота.

Моя попытка успокоить провалилась, и я рявкнула на нее, как старый черный пес Нару, который вызывал у Усако слезы все время.

Обезьяна потрясенно отступила, ее глаза расширились. Зверек повернулся, бросил стрелу в темную щель, где потолок встречался с каменной стеной, и убежал к воде и своим друзьям.

Я выругалась, забралась на стену и нащупала щель.

Она была шире, чем выглядела, скрытая в тенях стены. Я не нашла стрелу — я ощущала только гладкий камень. Брешь тянулась, сколько я могла просунуть руку.

Я встала, поняла, что могла пролезть в ту щель. Я заглянула туда, но видела только тень.

Но я ощутила сухой ветерок.

Эми поднялась ко мне и крикнула:

— *Ты видишь стрелу?*

Я покачала головой.

— *Нужно спуститься!*

— *Думаешь, там они?*

Я забыла, что госпожа Чийомэ говорила о входе в логово огра за водопадом. Я смотрела во тьму.

— *Лишь один способ узнать!*

Ругая обезьянку, а потом извиняясь перед ками источника, я скользнула в щель.

Я все еще не ощущала стрелу, что было странно, пока не поняла, что пещера в щели изгибалась, ведя вниз. Не отвесный склон, а горка. Когда обезьяна бросила стрелу, она могла уехать так, что я не доставала.

Я чуть не сдалась, что она была потеряна.

Но я знала, что лучники ждали четыре стрелы, не три, и потерянная не могла быть далеко. Сухой воздух, проносящийся мимо меня, пах... чем-то. Птицами. Чем-то странно знакомым, и мне нужно было проверить.

Я пролезла в трещину. Край был гладким, словно стертый за годы. Внутри царил

полумрак, и я потянулась вниз, мои пальцы искали тонкое древко стрелы. Я ничего не ощущала, и я потянулась дальше...

И я скользнула на животе во тьму.

Я попыталась остановиться на четвереньках, но это толкнуло меня в другую сторону. Я кричала, пока не выехала на песочный пол лицом вперед.

Стрела лежала перед моим носом.

Свет был — вертикальная полоска света, которую прерывал большой ком.

Я сплюнула песок, схватила стрелу и встала, моргая.

К моему шоку, я поняла, что была в пещере над Полной Луной.

Огр сидел на корточках между мной и входом в пещеру.

Но я видела сквозь монстра, видела ребра света среди ребер тени.

Ребра.

Горло сдавило от страха, и я придвинулась ближе к огромному силуэту.

Как горная долина, открывшаяся под туманом, силуэт стал ясен мне: скелет. Огромный скелет с огромным черепом с острыми зубами. И из пасти торчали бивни, длинные и толстые кости.

Это все еще выглядело ужасно. Но существо не было живым.

Я стояла, дыша, глядя на кости. Я просунула стрелу сквозь ребра, потревожила паутину.

Я засмеялась.

— Думаю, это медведь.

Я повернулась, вскрикнув, подняв стрелу перед собой, как кинжал. Голос Миэко в моей голове говорил: «Этого оружия хватит, чтобы защититься».

Мужчина прислонялся к стене пещеры. Свет падал на него сбоку из входа в пещеру, его черты от этого были в тени. Но я узнала печальное лицо с впавшими щеками, которое видела в лесу и прошлой ночью в толпе.

— Кобаяши-сан?

Он моргнул, хмурясь.

— Как...

За мной раздалось кряхтение, и Эми пролезла в пещеру. Она хотя бы не рухнула лицом вперед, ее рот не был полон песка.

Дезертир Матсудаира растерянно посмотрел на нас.

— Они послали двух девочек за мной?

— Нет, — Эми отряхнулась. — Мы готовили стрелы к похоронам этим вечером.

Я подняла стрелу.

— Обезьяна выхватила эту и бросила в щель.

Он вяло ухмыльнулся.

— Да. Забавные идиоты эти обезьяны.

— Забавные, — буркнула я, и Эми издала сдержанный смешок.

— Итак, — он встал прямее, — никто не знает, что я тут.

Моя тревога усилилась, и я ощутила, что Эми напряглась. Он был без меча, но за поясом был нож.

— Они знают, что вас нет в долине, — сказала Эми ровным голосом.

Я пыталась соответствовать ее спокойствию, хотя сердце колотилось.

— И мы видели вас вчера, в лесу над водопадом. Мы рассказали госпоже, а она сказала лордам.

— Ах, — он сдулся, как фугу, которая уже не боялась. Он опустил взгляд, посмотрел на нас. — Я видел вас у водопада вчера, — он кивнул, посмотрел на яркую брешь. — Я подумал, что можно ненадолго укрыться тут. Выждать, пока отбудут мои товарищи и Такеда. Пропасть в глуши... — он пожал плечами.

— Простите, — сказала я, удивленная, что говорила искренне.

— О, я знал, что это не сработает, — он вздохнул и скользнул по стене, пока не оказался на корточках. Он смотрел на пол, покрытый песком. — Я надеялся...

— У вас есть семья, Кобаяши-сан? — спросила я.

— Нет, — он покачал головой. — Армия Матсудаира всегда была моей семьей. Служил клану с тех пор, как был младше вас. Повезло мне, — он вяло улыбнулся. — Повезло больше, чем Фацо.

— Кумо-сан?

Он кивнул.

— Повар. Угу. Была жена. Много детей — все дочери, думаю, у границы, в долине Пикника, — он покачал головой. — Два года назад, пока мы бились с Имагава в другой стороне провинции, группа всадников прибыла в деревню. Они взяли все, что могли, сожгли то, что не могли. Многие мужчины помогали расчистить дорогу в тот день, наверное, потому всадники напали. А женщины и девочки... — он закрыл глаза. — Семья Фацо. Все пропали.

— О, нет, — сказала Эми.

Кобаяши мрачно кивнул.

— Думаю, потому он всегда так защищает нас, — сказала я Эми.

— Наверное, — согласился солдат.

Мы задумались на жуткий миг.

— Кобаяши-сан, — спросила я, не желая думать о мертвых родителях или мертвых детях, — что случилось той ночью?

Он открыл глаза, которые выглядели почти сонно.

— Не хотите, чтобы кто-то знал? — спросила Эми.

— Я умру, — прошептал он, — из-за того, что произошло в ту ночь. Са... страж Такеда был уже мертв. И я скоро умру.

Я села на колени в песке перед ним.

— Что случилось. Кобаяши-сан?

Он застонал.

— Ничего. Мы просто... — он вдохнул и расправил плечи. — Мы заняли места в Час Свиньи, было тихо. А потом около полуночи, пришел офицер Такеды — немного пьяный — и спросил, хотели ли мы ненадолго присоединиться к нему... — он изобразил быстро, как пил вино из чашки. Когда мы кивнули, он снова сдулся. — И... потом Аосаги тряс меня и говорил, что пришел меня сменить. Небо светлело. Я и другой страж... уснули, — его лицо — брови, рот, ноздри — будто обрушилось, маска стыда и печали. Он заплакал.

Жалея его, зная, что мы никак не могли помочь, я посмотрела на Эми, та пожалала плечами. Я склонилась и посмотрела на его лицо.

— Кобаяши-сан, вас опоили. В вине был маковый сок. Вы не просто уснули.

— О, — он обдумал это и покачал головой. — Не важно. Мне не нужно было пить сакэ. Я пренебрег долгом и опозорил клан. И... — он медленно покачал головой. — А теперь я бросил пост. Я сбежал. Меня казнят. Или меня убьют, как зверя, на охоте. Или я умру от голода тут, в горах.

Я взглянула на Эми, которая смотрела на меня. Может, она думала, как я, о невозможном выборе, который пришлось делать нашим отцам.

Она кивнула, словно знала, о чем я думала.

— Кобаяши-сан, — сказала она, — вы еще можете выполнить свой долг, — когда бывший часовой хмуро посмотрел на нее, она склонилась ближе. — Мужчина, который опоил вас и Сато-сана, был убит.

— Да, — он вздохнул и кивнул на меня. — Ты играла на похоронах.

Я кивнула, думая: «Ах, это ты видел».

— Кобаяши-сан, вы знаете, что делал тот офицер? Он забрался в Полную Луну — потому он опоил вас, и там он умер.

— Да? — Кобаяши скривился. Зачем он сделал это?

У меня не было ответа, Эми сказала:

— Это мы пытаемся понять.

— Странно, — его лицо, напоминающее обезьяну, надулось, он напоминал гримасу Эми. Страж хмыкнул. — Я слышал, как он ссорился с кем-то у ворот ночью до этого. Я был на вечерней смене, это было до того, как ворота закрыли.

Мы с Эми подняли головы. Она спросила:

— Это был лейтенант Сакаи?

Он нахмурился.

— Почему они говорили?

«Из-за Май», — подумала я, Эми явно думала о том же.

— Это был он? — спросила я.

Кобаяши щелкнул зубами, потом покачал головой.

— Нет. Я знаю голос Сакаи-сана. Этот я не узнал. Он был... сухим. И гнусавым. Я бы не на той стороне ворот, чтобы увидеть, кто это был, но он и офицер Такеды говорили о деньгах, — он виновато поднял руки.

*Деньги!*

— Кем был другой страж с вами в тот вечер? — спросила я. — Тот же, что и в другую ночь?

Бывший страж покачал головой.

— Нет. Это был... как его звали? Тадаши? Он был не разговорчивым, и многие люди в тот вечер входили и выходили, так что мы были заняты. Не как... — он поежился.

Мы с Эми кивнули с пониманием. Он и Сато смогли поговорить. Отвлечься.

— Кобаяши-сан, — сказал Эми, — вы должны вернуться с нами. У вас есть важные улики, которые могут помочь поймать убийцу.

Он хмуро посмотрел на нее, и я надавила:

— Матсудаира-сама сжалится, если вы придете сами и поможете раскрыть преступление.

Он пожевал одну щеку изнутри, другую. Он снова покачал головой.

— Дайте подумать, — он скривился. — Если я отпущу вас, вы расскажете.

— Мы обещаем не говорить лордам и их людям, Кобаяши-сан, — я посмотрела на Эми. Она кивнула, и я продолжила. — Мы клянемся на душах наших мертвых отцов.

— О, тогда ладно, — он печально улыбнулся. — Идите. Я обдумаю ваши слова, — он склонил голову.

Мы поклонились и встали. Я думала спуститься по скале, но Эми не справилась бы с

такой дорогой, так что пришлось идти с ней в конец пещеры. Перед тем, как уйти, я оглянулась на Кобаяши, который не двигался, а потом на скелет посреди пещеры. Я кивнула на него.

— Когда я впервые увидела это, подумала, что это был они.

Кобаяши тихо рассмеялся.

— Справедливо. Но нет. Видишь зубы? Большие и острые спереди, широкие и тупые сзади. Это медведь. Большой, и вряд ли он забрался сюда сам — слишком большой для щели за водопадом. И он не мог забраться по горе. Интересно, кто принес его сюда?

Я не знала, как и Эми, и мы попросились и пошли к пруду.

Пока мы шли вдоль ручья, Эми отметила:

— Ты поклялась, что мы не скажем Матсудаире-сама, Такеде-сама и солдатам.

— Да.

— Но ничего не сказала о госпоже Чийомэ и куноичи.

Смущенная, но и довольная собой, я пожала плечами и улыбнулась.

— Верно.

## 22 — Самураи-сироты

Мы снова доложили Чийомэ-сама в ее покоях.

Она снова была рада, что мы нашли Кобаяши и раскрыли возможного свидетеля, но недовольна тем, чего мы добились.

— И вы не смогли уговорить трусливого дезертира вернуться к его генералу?

Я не могла придумать, что сказать на это.

Эми ответила:

— Он не пришел бы. Он не знал, отпускать ли нас. Мурасаки-сан убедила его, что мы не выдадим его, но другим вариантом было только напасть на него. Мы могли победить, но были бы ранены, а он погиб бы, и тогда мы не смогли бы продвигаться дальше.

— Возможно, — не спорила госпожа, ее лицо скривилось, словно признание было полным боли. — И, может, он сам придет и выдаст себя. Похороны сразу после обеда. Если он не придет к закату, берите Братишек и вытаскивайте разбойника из его логова.

Я поклонилась, но пришлось отметить, что Братишки вряд ли поместятся в проход — они были шире в плечах, чем дезертир.

— Ладно, — буркнула госпожа Чийомэ. — Тогда возьмите Миэко, Хоши и, о, Рин. Они смогут притащить этого хорька сюда. И он, может, даже будет жив, если они решат быть осторожными.

— Да, Чийомэ-сама, — сказали мы с Эми.

Она кивнула на колчан на коленях Эми.

— Отнесите стрелы капитану Харе. Он на землях встречи. А потом вернитесь на кухню. Уверена, вы там нужны, хотя вряд ли кто-то будет голоднее к полудню, чем они были на завтрак.

— Да, Чийомэ-сама, — повторили мы и ушли.

\* \* \*

Мы сообщили поварам, куда шли, но приготовления к обеду шли гладко, и Ки Сан махнул нам, сказав возвращаться поскорее, чтобы помогать разносить еду.

Тоуми хмуро глядела на нас, но по привычке.

Аимару и Кумо-сан — Фацо — улыбнулись, а Торай-сан — Коротышка — сверлил хмурым взглядом, то ли дулся на нас, то ли это была его обычная гримаса. Я не знала.

Мы вышли за ворота, когда Эми сказала:

— Мурасаки?

— Хм?

— Думаешь, Матсудаира-сама казнил бы Кобаяши-сана?

Я обдумала это, поглядывая на часовых, стоящих у Полной Луны. Один из них мог... я покачала головой.

— Не знаю. Он точно был бы наказан, да?

Эми кивнула.

— Да. Дисциплина важна. И репутация клана. Просто... страх наказания ведь лучший способ поддерживать дисциплину, да?

— Не знаю, — признала я. — Но без него зачем солдатам бежать к бою, а не от него?

— Из уважения к их лорду? — предположила она. — Честь? Наши отцы сделали такой выбор.

— Наши отцы отказались от приказа. И пострадали от последствий.

— Но они действовали с честью.

— Твой отец и отец Тоуми, — я вздохнула. — Не мой.

— Он почитал тебя. И твою сестру. И твою маму, — я взглянула, но ее лицо было лишено эмоций. — Хотела бы я, чтобы мой сделал такой выбор.

Я попыталась отогнать картинку Эми и Тоуми, глядящих на самоубийство их отцов.

— Хотела бы я, чтобы им не нужно было принимать такой выбор.

Через пару шагов в тишине она мрачно кивнула.

Место встречи было на вершине гряды, напротив места, где стояли наготове погребальные костры. Монах, казалось, снова говорил с трупами — молился за них, скорее всего. Два его помощника сидели на земле, играли в го.

Лорды и их капитаны встречались в месте, окруженном тяжелой шторой — джинмаку. В стороне подальше от Полной Луны, выходящей на юг, два часовых охраняли вход.

— Прошу прощения, господа, — сказала я, когда мы подошли. — Нам нужно поговорить с капитаном Хара.

— Зачем вам нужно говорить с Харой-саном? — спросил страж Такеда. Это был юноша, которого я встретила у палатки Такеды-сама в утро, когда мы нашли тело Торимасы.

Эми подняла колчан с белыми стрелами.

— Мы подготовили это для похорон. Госпожа сказала нам вернуть их Харе-сану.

Часовой раздраженно скривил губы, но кивнул.

— Ладно. Оставайтесь тут. Я посмотрю, придет ли он, — он кивнул стражу Матсудаиры и прошёл внутрь.

— Он не выглядел радостно, — сказала Эми.

К нашему удивлению, солдат Матсудаиры рассмеялся.

— Тадаши-сан не доверяет вам, девочкам из Полной Луны, — мы моргнули, глядя на него, и он пожал плечами, извиняясь. — Он убежден, что вы как-то связаны с той смертью. Не знаю, как можно было обвинить милых девушек в таком кошмаре!

Мы с Эми согласились, что это было невообразимо, и он снова рассмеялся.

— Господин, — сказала я, — солдат, который сбежал, который был у наших ворот?

Лицо стража вдруг посерьезнело.

— Кобаяши.

— Да. Как думаете, что с ним сделает лорд Матсудаира, когда его поймают?

Он скривился.

— Девочкам лучше не знать о таком.

Эми склонила голову.

— Нам повезло жить в мирном защищенном месте, да, но нынче беда всюду. Даже как ученицы-мико мы испытали... многое.

Он скривился, но ответил на ее кивок своим.

— Да. Конечно. Почему вы хотите знать?

Я хотела рассказать правду (или ее часть), что мы хотели больше узнать о новом союзнике нашего лорда. Был он строгим или милосердным.

Но Эми поделилась немного другой правдой.

— Мы — сироты, сироты самураев. Мы переживаем из-за вопросов долга и чести.

Часовой, простой солдат, поклонился нам.

— Матсудаира-сама строгий командир, но справедливый. Если Кобаяши выдаст себя ему — он боролся за лорда с осады замка, что было еще до вашего рождения, девочки. Они многое прошли вместе. Думаю, если Кобаяши-сан придет сам, Матсудаира-сама будет милосерден.

Это не успокоило меня, но это было лучшим, на что мы могли надеяться. Я поклонилась, Эми последовала примеру.

— Спасибо, господин.

Он поклонился в ответ.

— Значит... сироты самураев?

Ткань джинмаку открылась, стало видно капитана Хару.

— Да, — сказал он. — Сироты самураев.

Мы с Эми поклонились, она протянула колчан.

— Хара-сан, мы подготовили эти стрелы к церемонии. Госпожа Чийомэ сказала нам вернуть их вам.

— Хм, — он взял колчан. Он хотел вернуться на встречу, но прищурился, и мне показалось, что меня резал один из тонких ножей Ки Сана. — Ханичи-сан. Кано-сан...

Он хотел что-то спросить, и я не знала, хотела ли знать, что это будет, но его перебил шум за ним. Низкий грубый голос — капитан Баба, наверное, прорычал:

— *Но если мы передвинем наши отряды на запад, чтобы поддержать атаку, мы оставим северную границу без защиты! Ходжо пройдут по Достоинству и Быстрой Реке на вашу территорию!*

Голос выше — капитан Токимацу — рычал в ответ:

— *Но без поддержки...*

Хара-сан вздохнул и мрачно рассмеялся.

— Опять бои в комнате войны. Лучше пойду, пока не дошло до ударов, — он склонил голову. — Девы.

Мы поклонились в ответ, и он ушел.

На обратном пути в Полную Луну поднялся вопрос, который беспокоил меня месяцами:

— Если Такеда-сама хотел, чтобы лейтенант Масугу отнес план боя, чтобы предупредить Оду-сама, что Матсудаира предаст его, почему он заставил Масугу прибыть сюда и пережидать зиму? Почему он не отправил его по Дороге великого Восточного моря? Она не была перекрыта снегом.

Эми замерла, обдумывая это. Она оглянулась на джинмаку вокруг места встречи и



пробормотала:

— Они планируют атаку сейчас.

— И?

— План в письме не будет точным. И когда Масугу доберется до столицы, Такеда и Матсудаира будут близко, — она прикусила губу. — Такеда-сама будет выглядеть верным, хотя послал предупреждение не о той атаке.

— Ох, — я нахмурилась. — Это... не очень хорошо.

— Даймё действует по другим правилам, — она пожала плечами. — Если бы все были хорошими, не требовались бы куноичи.

Я подумала о карте Чийомэ-сама, большой разноцветной игре в го, и пожала плечами.

— Идем. Пора помочь на кухне.

\* \* \*

Госпожа Чийомэ угадала, за обедом аппетита было еще меньше, чем утром. Видимо, близкие похороны давили на разумы всех — на мой точно — но я видела, что встречи прошли не гармонично. Бело-голубой иней между сторонами Такеда и Матсудаира в Главном зале заставляли меня и Шино двигаться быстрее, разнося еду.

Но никто не ел.

Джолало ел, сидя в конце стола Матсудаира. Он с открытым любопытством разглядывал комнату, словно ждал, что начнется веселье.

Миска риса на месте Торимасы-сана лишила зал разговоров и жизни. Вонзенные палочки ощущались как предупреждение.

Когда мы с Тоуми стали нести на кухню полные миски, повара мрачно посмотрели на нас, но не ворчали — даже они знали, что солдаты думали не о еде.

Ки Сан стал готовить порцию для Майи, а Кумо вздохнул.

— Но зачем им посещать похороны? Бедные девы могут и не участвовать в таком неприятном действе.

— Цветочек хочет, чтобы Яркоглазая снова сыграла. Все девочки нужны там. Думаю, Чийомэ хочет создать милую стену меж двух армий.

Кумо вздохнул, но кивнул.

— Хотелось бы, чтобы их избавили от таких... неприятностей.

Торай хмыкнул и пожал плечами.

— Что ж, нам троим нужно ощипать и разделать всех тех куриц, — он повернулся к Ки Сану. — Они в кладовой?

Ки Сан покачал головой.

— Нет. В буфете. Яркоглазая, отнеси это Лисичке, — он поднял накрытую миску риса, овощей и рыбы, которые почти не тронули гости.

— Без сакэ? — спросила я.

Он ухмыльнулся.

— Нет. Думаю, она выпила достаточно.

Я согласилась с поваром, но подозревала, что Майи не поддержит это. И угадала.

— *Бака яро!* — прорычала она, когда я передала ей слова Ки Сана. Я не знала, назвала она так меня или повара, но не хотела уточнять, и она не дала шанса. Я видела Ки Сана после ночи выпивки, он выглядел как медведь, который валялся в смоле сосны. Майи выглядела как тигр с головной болью. — Он ожидает, что я буду просто так сидеть тут? Чэ!

— Эм... ты могла бы... Тебе нужна еще бумага для рисования?

— Рисование? — ее лицо исказила ярость. Она гневно рассмеялась. — Зачем мне хотеть рисовать, глупая мышка? Глупые рисунки... — она отвела взгляд.

— Ну... твои рисунки Шино-сэнпай были такими...

— Прочь, — она забрала у меня миску. Я попыталась успокоить ее словами, она завизжала. — Уходи!

Она рухнула на татами, отвернулась от меня, чтобы взять палочки. Но я была уверена, что в ее глазах блестели слезы.

Я ушла.

На кухне меня ждала Сачи. Пришло время похорон.

## 23 — Дым и огонь

Мы снова устроились, чтобы играть, во главе двух погребальных костров, и я невольно думала о странных событиях прошлой ночи. Похороны будут такими же активными? Лейтенант Сакаи проявит себя снова — и если да, будет ли бой между двумя армиями?

Монах медленно обошел укутанные тела на кроватях из хвороста. Он говорил под нос, походил мимо нас, и я снова уловил размытые фразы про «Чистую Землю» и «Западный рай».

Резкий запах сказал, что кто-то пропитал хворост маслом, он был готов для горения. Бумажные подношения с прошлой ночи трепетали от ветерка с запада.

Это казалось нереальным.

Я закончила настройку, Сачи-сан играла часть «Пустого неба» снова и снова, видимо, придавала горестный тон.

*Как ты пропал в пустом синем небе?*

Шино задевала струны кото, казалось, наугад. Она смотрела на Полную Луну.

— Шино-сэнпай? — спросила я.

Ее взгляд сдвинулся на меня. Он был мертвым. Или не мертвым — глубоко подавленным, как огонь, который держали невысоким для следующего дня.

— А... — я хотела знать, что случилось между ней и Майи прошлой ночью. Они поссорились? Из-за чего? Я хотела знать? — Майи-сэнпай показала вам свои рисунки?

Прикрытый жар вспыхнул.

— Умолкни, Мышка-чан.

— Да, Шино-сэнпай. Прости, Шино-сэнпай.

Она стала дальше задевать струны кото. Она отвела взгляд, хмуро глядела на бумагу, покачивающуюся на ветке меж двух погребальных костров.

Это... поверх зигзагов ши-дэ лежало нечто, похожее на рисунок Майи на стражнице, которую я видела прошлой ночью — даже пятна жира, от которых просвечивал текст, были теми же. Почему Шино хотела сжечь что-то такое милое?

Шино была не в настроении говорить. Я не успела спросить, обе армии стали сходитьсь из лагерей, и госпожа Чийомэ вывела из ворот обитателей Полной Луны. Женщины снова были в красно-белом одеянии мико, а Аимару, Тоуми и Братишки были в синем.

Лорд Такеда и почти все его последователи были в белом скорбном одеянии. Многие Матсудаира тоже были так одеты.

Мы снова играли, пока все устраивались так же, как прошлой ночью — сначала «Пустое небо», потом — «Зов оленя».

«Мы делаем это, — думала я, пока играла, — для душ мертвых. Но на самом деле ритуалы для живых. Чтобы помочь нам отпустить. Мертвые души уйдут, скорбим мы по ним»

или нет, если мы позволяем им».

*Куда они уходят? Даже нежный белый снег падает там, где я могу его коснуться.*

Тряхнув головой, я попыталась сосредоточиться на игре.

Монах, покачиваясь в мятом белом одеянии с широкими рукавами, продолжал читать молитву — я не могла различить его слова из-за своей игры. Потом он притих, и я заметила, что он смотрел на бумажные подношения. Улыбка расцвела на его круглом лице, он прошел вперед, схватил рисунок Шино и стал молиться энергичнее.

Четыре лучника Такеды не сидели. Они разделились, каждый нес по факелу, длинному луку и белой стреле, которые мы с Эми очистили у водопада. Открытая клетка наконечников была набита тканью, пропитанной маслом. Они встали за нами. Я ощущала запах дыма от их факелов.

Как только все встали на места, Сачи привела нас через последний припев к тишине.

Монах произнес почти ту же проповедь, что и прошлой ночью: эта жизнь, этот мир временные, только душа вечная, и наш выбор повлияет на душу, переходящую из одной жизни в следующую, из одного тела в следующее. Простой ночью его сухой акцент придавал ему скучающий тон, пока он произносил проповедь, но сегодня он был странно взволнован.

Мы серьезно слушали. Кроме его голоса, был только шум ветра в зеленой траве и треск факелов за нами.

Наконец, он закончил молитву и отвернулся от тел. Он кивнул лучникам.

Пропитанные маслом тряпки шипели, загораясь, за нами.

Сачи поднесла флейту к губам, сигнал, что нам нужно будет играть снова.

Я подняла сямисэн, но сосредоточилась не на ней или следующей мелодии — мы играли «Вишневые цветы» или «Пустое небо»?

Я замечала только страницу в руке монаха. Рисунки Шино все еще были заметны, может, потому он спас страницу от огня?

В одном из пятен жира я смогла прочитать два кандзи — 武 и 田. *Война и рисовое поле.*

Такеда.

Я не успела сказать — да и кому? — свист раздался над головой, четыре горящие стрелы полетели к двум кострам, а потом с тихим шелестом хворост вспыхнул.

Дым поднимался от пропитанного маслом дерева, и ветер дул на нас. Я закашлялась, ослепленная, и даже Сачи перестала играть.

Это были «Вишневые цветы», и я пропустила начало.

Огонь быстро разгорелся, два костра взревели, пламя поднялось. Жар поднимал дым, и мои глаза прояснились.

Монах сунул свиток в объемный рукав.

Сачи, Шино и я смогли заиграть, хотя треск и рев огня заглушали нашу музыку для всех, кроме нас.

Нас и монаха, конечно. Который забрал свиток, который Торимаса-сан спрятал в кладовой. Свиток, который все искали. Но... почему? И как?

Шино получила его от Майи. Где Майи его взяла?

Из кладовой. Когда ходила за постельным бельем после того, как Аимару нашел его там.

*Бака! Бака яро!* Я была душой. Конечно, Майи его нашла! Она знала, что это было? Вряд ли, иначе она не рисовала бы на другой стороне.

Но почему монах забрал свиток? Что ему нужно было...

Если подумать, зачем деве храма расположение отрядов или движений? Они ей не требовались, если она была просто мико. Если она не была куноичи.

Два костра пускали жар нам в лица. Мы играли, хотя это была не лучшая наша игра, даже у Сачи-сэнсей.

Эми говорила, что похороны ее отца были страшными. Запах. Я не знала, о чем она говорила, хотя была на паре похорон в деревне.

Сидя близко к двум погребальным кострам, я поняла ее слова. Там был запах горящего дерева, горячей плоти — оба запаха я знала. Но это было как-то по-другому. Жутко.

Двое мужчин ходили, говорили и смеялись два дня назад. Теперь их тела становились пеплом, а души улетали в следующую жизнь.

Я как-то не могла поверить, что они были рады, уходя из этого раунда печали. Они вернуться как люди? Как муравьи?

Я подумала о соломенном амулете, который мы сунули в рукав Сато-сана. Я надеялась, что это защитит его, куда бы он ни попал.

Печальные мысли мелькали в моем разуме, пока я следила за монахом, который снова читал молитву, едва слышный из-за рева огня, хотя стоял в паре шагов от нас.

Он был шпионом, я была уверена. Аимару сказал, что не видел его и его помощников в долине. И Сачи сказала, что он говорил с акцентом Устья. Он не был местным.

Для кого он шпионил? Для лорда Оды? Для Уэсуги?

Он сказал, что Устья был в провинции Арсенал — это было на севере.

Я вспомнила, как Баба-сан кричал, что если Такеда уберет все отряды от северной границы, территории будут открыты...

Для Ходжо.

Разноцветная карта госпожи Чийомэ сверкнула перед моими глазами, пока я играла на сямисэне, пытаясь совпадать с ритмом Шино.

Главный остров, Хонсю, как толстое тело форели. На востоке, у живота рыбы, массы красных и синих меток, Такеда и Матсудаира. С запада их окружали белые метки лорда Ода и желтые — Уэсуги. И север был оранжевым от Ходжо.

Да. Конечно, лорд Ходжо хотел знать, сколько у Такеды отрядов.

Я хотела обсудить это с Эми и Тоуми. Они понимали это лучше меня.

Но я была уверена, что монах собирался добыть список армий Такеды. Свиток Торимасы был для него?

Может, нет, ведь монах не прибыл до смерти лейтенанта.

Значит, был кто-то еще. Наверное, кто-то с именем на Т, это было на всех записках в палатке Торимасы.

Как звали монаха?

Мог он убить Торимасу? Или его помощники?

Если он был шпионом и монахом, может, он был и убийцей. Но он был не таким умелым, как Миэко-сан. Хотя редкие были такими.

Огонь горел, два мертвеца уже не были узнаваемыми в огне, и солдаты стали вставать и уходить.

«Сколько они таких видели?» — размышляла я. Со всех сторон было много мертвых, так что многих. От этого становилось проще?

Судя по слезам в глазах многих Такеда, это порой не помогало.

Матсудаира не плакали, но были серьезными и задумчивыми. Может, всех задела мысль

«Однажды это буду я», даже тех, кто не знал двух солдат Такеда.

Я не могла найти лицо лейтенанта Сакаи в толпе. Все офицеры Матсудаира были там, включая лорда Матсудаиру и его племянника. Лейтенант был со шрамом на щеке, но того, с кем заигрывала Май в первую ночь, того, кто бился за нее с мертвецом, не было видно. Может, он держался подальше, как лейтенант Такеды, Итагаки, сказал ему делать прошлой ночью. Может, не хотел устраивать сцену.

Сакаи не начинался на Т.

Если монах не был убийцей, то кто был?

Кто заставил Торимасу-сана нарушить долг? Может, это был человек, которому он был должен кучу денег. Т.

Лорд Матсудаира ушел вместе с его последователями и многими Такеда. Лорд Такеда и его офицеры еще сидели, смотрели, как горели их товарищи.

Сачи подала нам сигнал, и мы опустили инструменты.

— Молодцы, как всегда, девы, — сказал монах, смеясь.

— Спасибо, — Сачи облизнула губы, которые пересохли от дыма и долгой игры на флейте.

— Прошу, — спросила я, — может скромная слуга узнать имя Уважаемого?

Он изумленно посмотрел на меня.

— Мое священное имя — Джункейшо. Почему ты спрашиваешь, дитя?

— О, просто любопытство, Джункейшо-сан, — он стал поворачиваться, и я спросила. — А зачем вы спрятали тот свиток в рукаве?

Он повернул голову, но не атаковал меня, как я переживала, что он сделает, а побежал в другую сторону.

К четырем лучникам, еще стоящим за нами.

Сачи закричала:

— Остановите его!

Лучники — одним из них был Итагаки-сан — тут же ответили. Один луком сбил бегущего монаха. Еще трое прижали ноги к его рукам, лейтенант Итагаки наступил ему на шею.

— Не убивай его, Итагаки, — сказал лорд Такеда, который вдруг оказался рядом с Шино. Она удивлённо отпрянула. — Сачи, этот мужчина тебя уцпнул?

Другие Такеда окружили нас. Я видела госпожу Чийомэ и куноичи, худые красно-белые березы в роще воинов-кедров.

— Нет, мой лорд, — сказала Сачи, — иначе он был бы без руки. Нет. Он забрал что-то из погребальных костров до того, как их подожгли. Бумагу, — она посмотрела на меня и приподняла бровь.

Во рту пересохло, я смотрела на монаха, который перестал извиваться под весом солдат. Я надеялась, что он еще мог дышать.

— Думаю, у него... в его левом рукаве список. Список, который мертвец оставлял в нашей кладовой.

Итагаки склонился, держа ногу у шеи шпиона, и вытащил свиток из испачканного травой рукава. Он поднес его генералу, тот мрачно взглянул на бумагу и кивнул на костер.

— Как это попало туда?

Шино охнула, и на миг я подумала, что-то наступил ей на горло. Нет, она глазела на рисунки в руке Такеды-сама.

Миэко сказала:

— Думаю, наша старшая ученица, Май, нарисовала фигуры сзади, не зная важность бумаги.

Лорд Такеда перевернул список, посмотрел на рисунки Шино, танцующей Шестьдесят четыре Перемены. Брови его капитанов приподнялись, но лицо Такеды-сама осталось каменным.

— Очень мило, — сказал он.

Шино глядела на землю, лицо было красным, как солнце на закате.

Миэко опустила ладонь на плечо Шино.

— Шино ходила к Май прошлой ночью. Чтобы поддержать ее в изоляции. Когда Май показала Шино рисунок, Шино, как она мне сказала прошлой ночью, смутилась. Их... немного занесло, да, Шино-чан?

— Да, — простонала Шино.

Занесло. Можно было и так назвать то, что они поссорились, как две собаки из-за кости.

— Рисуко-чан и я видели, как Шино покинула лагерь со свитком в руке, да, Рисуко?

— Да, Миэко-сэнсей, — когда вес взглядов не пропал, я сглотнула. — Эм, Миэко-сэнсей послала меня проверить, что Шино-сэнпай была в порядке, пока она проверяла Май. Я прошла за ней сюда. Когда я дошла до костров, она уже уходила. Монах был на земле, как сейчас, спал.

— Молился за души мертвых, — буркнула Шино.

— И он не видел, как она оставила там свиток.

Лорд Такеда хмыкнул, потом огляделся.

— Как эта Май получила свиток?

Мой рот открылся, я не успела подумать.

— Она, наверное, нашла его в кладовой, пока брала постельное белье, когда госпож Чийомэ отправила ее в Убежище.

Госпожа Чийомэ кисло рассмеялась.

— Да? Я не знаю, что хуже — умные девушки или глупые. Рисуко, приведи Май из Убежища. У нас есть к ней вопросы. Снова.

— Госпожа! — охнула Шино, вдруг заступившись за Май, как за день до этого. Я не понимала их двоих.

Госпожа Чийомэ подняла руку.

— Вряд ли она в беде. Но нам нужно с ней поговорить. И нам нужно поговорить с злодеем в одежде монаха. Рисуко, иди. Сейчас.

— Да, госпожа!

\* \* \*

Я побежала по тропе между лагерями. Обе армии были заняты после церемонии. У ворот я поприветствовала стражей:

— Привет, Юкиширо-сан, Аосаги-сан!

— Эй, Рисуко-чан! — крикнули они, пока я пробегала.

Я миновала конюшню и мужскую спальню, кладовую — дверь была открыта, кто-то явно был там — и юркнула под ветками большой тсуги, стремясь к Убежищу.

Дверь там тоже была открыта.

— Май-сэнпай?

Ответа не было.

Я заглянула в маленькое здание. Там было еще затхло из-за запаха сакэ, вокруг валялись обрывки бумаги, но Майи не было. Странно.

Она ходила ранее за вином. Может, сделала это снова.

Я побежала за Главным залом к колодцу. Может, ее поймали у буфета на кухне, когда она попыталась забрать больше сакэ. Ки Сан сможет накричать на нее после того, как лорд Такеда задаст вопросы.

Я вышла на солнце, завернула за угол Главного зала ко двору кухни.

Там была Майи.

Она висела за лодыжки с того ж крючка, где до этого висела свинья, чтобы из нее вытекла кровь.

Острое лицо Майи было широким от шока, как лицо Торимасы, но ее рот застыл в яростной улыбке.

И, как у свиньи, ее горло было рассечено во второй улыбке.

## **24 — Осквернение**

Мы зовем закат красным, но он не такой. Это смесь оранжевого, золотого и миллиона чудесных оттенков, но не только красный. Как и цветы вишни, хотя плоды красные.

Кровь была красной, ярче любой вишни.

Красный веер развернулся перед нашей спальней. Кровь Майи разлетелась брызгами, когда ей рассекли горло. Пока она была жива, иначе брызги не вылетели бы с такой силой.

Большой клин без крови рассекал одну сторону алого веера. На нее напали спереди. И ее напавший был в крови.

Игнорируя дрожь в коленях, я прошла к гонгу у двери кухни и стала бить в него, крича:

— Помогите! — а потом остановилась, поняв, что могла звать и убийцу.

Дверь за мной открылась, и я вскочила, чтобы защитить себя, подняла старую кривую ложку, которой мы били в гонг.

Ки Сан и Аимару уставились на меня. Они были в перьях — и волосы, и накидки — и их лица были встревоженными.

А потом я указала на двор, где висело тело Майи.

Ки Сан яростно выругался на корейском.

Аимару охнул:

— О, нет!

Аосаги, страж Матсудаиры у ворот, вбежал во двор.

— Что... о!

Ки Сан повернулся к солдату и рявкнул приказы, словно он был командиром или солдат — помощником на кухне.

— Веди сюда госпожу Чийомэ и лорда Такеду. Нам нужны солдаты. Сейчас!

Аосаги побежал к вратам на полной скорости.

— Фацо! Коротышка! — закричал Ки Сан. — Тащите свои кишки сюда! У нас беда!

Два повара появились через пару мгновений.

— Что такое? — спросил Кумо, пытаясь натянуть накидку поверх большого живота, свисающего поверх штанов.

Торай гнусаво сказал «Что?». Он был одет, но его рукава были в пятнах крови.

Ки Сан просто указал, как я, на тело Майи во дворе.

Торай глядел на нее, рот и глаза были широко раскрыты.

Кумо повернулся и попытался закрыть мне глаза.

Я убрала его руку, но тут же пожалела. Он увидел свою жену и дочерей такими?

— Я уже это видела, Кумо-сан. Я ее нашла.

Ки Сан снова выругался, прошел мимо Аимару на кухню. Я посмотрела на друга и поваров, пыталась понять, знали ли они, что он делал. Они не знали.

Я указала на Торая.

— Ты! Ты убил ее!

— Что? — он моргнул, глядя на меня. — О чем ты говоришь?

Лорд Такеда и его офицеры вошли вместе с госпожой Чийомэ, Братишками, Эми Тоуми, Шино и куноичи. Они застыли, глядя на труп Майи.

Шино взвыла. Кумо снова попытался прикрыть глаза девушек, но Тоуми была менее терпеливой, чем я. Держа старшую девушку, которая рыдала, Тоуми прорычала:

— Отвали, Фацо.

Кумо выглядел так, словно она его укусила.

— Что, — сказала госпожа Чийомэ, голос был холодным, как град, а лицо — белым, — тут происходит?

— Он убил ее! — взвыла я, указывая на Торая, который уставился на меня. Я указала на прерванный веер крови на гравии. — Тот, кто убил Майи, стоял перед ней. Видите! И только он в крови!

Когда все повернулись к нему, Торай поднял красные ладони.

— Конечно, я в крови! Мы резали кур часами! У некоторых из нас есть чистая одежда в спальне, — он махнул на Кумо, — но я работал с рассвета до полуночи, никто мне одежду не стирает! Я искал в кладовой чистую накидку, — он фыркнул. — Конечно, там вся одежда мне велика, — он кивнул на Братишек, потом на меня, — или слишком мала. Это кровь куриц! — он широко развел руки, потом опустил их, повернулся к лорду Такеде и быстро поклонился. — Такеда-сама! Вы знаете меня! Зачем мне делать такое? — он кивнул на тело Майи.

— Отличный вопрос, Торай, — прогудел Гора. — Ты ничего не хочешь мне сказать?

Повар стал белым, как пух куриц на голове Аимару.

Наш повар вышел из кухни, нес несколько длинных ножей и меч Масугу.

— Меч Масугу в этот раз не трогали, но один из тесаков пропал, — сообщил он.

Кумо развел руки, подняв ладони, и опустил голову.

— Я собирался почистить нож после того, как переоденусь. Боюсь, я мог оставить его в спальне мужчин, — все не могли отвести взгляда от Майи, но он не мог смотреть на ужасное зрелище. Я его не винила.

В тот миг лорд Матсудаира прошел во двор, за ним — его офицеры, включая лейтенанта Сакаи. Тревога на их лицах быстро сменилась с шоком. И они с нами (кроме повара Матсудаира) смотрели на труп Майи на стене Полной Луны.

Госпожа Чийомэ поклонилась скованно двум даймё.

— Мои лорды, я требую справедливости для моей девочки — это осквернение моего дома и моей последовательницы. Это зло не могли совершить мои слуги — все мы были на похоронах, и ни одна женщина не могла так поднять ее тело. Я приняла в Полной Луне лордов и их отряды, но один из ваших последователей опозорил это гостеприимство. Кто-то, служащий вам, устроил тут два убийства, и одно из них — невинная девушка, которая должна была надеть наряд мико на следующей неделе в полнолуние, — она махнула на своих женщин в красно-белом. Может, не все были невинными, но никто из них не



заслуживал быть убитыми так.

Шино снова всхлипывала в руках Тоуми.

Два лорда посмотрели на госпожу Чийомэ, а потом друг на друга. Я была уверена, что они не привыкли, чтобы с ними так говорили, но они явно понимали, что ее гнев был оправданным, как и ее требование справедливости.

— Эта трагедия прошла в моих владениях, — сказал Такеда-сама, глядя на Май. — Я проведу суд, чтобы рассмотреть это ужасное преступление, — он оглядел собравшихся. — Как говорит Чийомэ, под подозрением должны быть мои солдаты и солдаты лорда-губернатора Трех Рек, и осквернение касается и ее чести, так что я предлагаю нам быть тремя судьями, пока мы расследуем два этих убийства.

— Мудрое предложение, лорд-губернатор Достоинства, — сказал лорд Матсудаира. — Согласен.

Чийомэ-сама поклонилась ниже и изящнее.

— Мои лорды, это честь для скромной вдовы, — они кивнули, и она выпрямилась. — Я верю, что мои лорды проведут суд в моем зале. Вряд ли кто-то из нас хочет оставаться тут. Кто-нибудь, — продолжила она, все еще глядя на лордов и их свиту, — займитесь бедной девочкой. Достоинство не было ее сильной стороной, но она заслуживает покоя в менее грубой манере, не думаете?

Все мужчины скривились и отвели взгляд. Капитан Токимацу и лейтенант Итагаки вызвались заняться этим.

Лейтенант Сакаи начал предлагать помощь, но его генерал остановил его.

— Нет, Сакаи. Думаю, потребуются твои показания.

— Я... да, мой лорд.

Матсудаира-сама кивнул мрачно, а потом посмотрел на Такеду-сама.

— Может, наш лекарь должен осмотреть бедную девушку, — он взглянул на госпожу Чийомэ. — Если госпожа согласна.

— О, я согласна, мой лорд, — сказала старушка. — Вряд ли есть вопросы о том, как она умерла, но, уверена, лекари захотят хотя бы подтвердить очевидное.

— Даже так, — сказал лорд Такеда и приказал Аосаги, часовому Матсудаиры, привести двух лекарей и сообщить лагерям о произошедшем.

Лорд Матсудаира добавил:

— И дай им знать, что мы проводим расследование. Они должны быть на посту, но быть готовыми дать показания.

Капитан Баба погладил бороду и сказал старшему капитану Матсудаире, Иетаде-сану:

— Нам нужны новые стражи у ворот. Наши лордам понадобятся Юкиширо и Аосаги, чтобы они сообщили о том, кто входил и выходил.

Солдаты стали обсуждать графики на постах. Капитан Хара сказал Аосаги, который был ошеломлен, что ему нужно было послать за официальными нарядами для генералов.

Госпожа Чийомэ хлопнула в ладоши, снова стало тихо.

— Хорошо, это решили. Мои лорды, идемте со мной в Главный зал. Это место давно не служило для суда, но мои женщины могут его подготовить, уверена. Миэко, прошу, помоги господам, — она кивнула на Токимацу и Итагаки. — Проследи, чтобы они относились к нашей бедной девочке с должным уважением, хотя, уверена, они так и сделали бы, — все стали расходиться, и она повернулась к Ки Сану. — Уверена, это последнее, о чем все думают, но нам все еще нужно кормить моих слуг и две армии. Ты справишься?

Наш повар оторвал взгляд от висящего труппа Маи.

— Ай, Чийомэ. Может, будет чуть позже, чем хотели бы отряды, но у нас осталось много еды с прошлого приема пищи, и мы сможем зажарить куриц. Идемте, девочки, Лунный пирожок.

Кумо и Торай тоже пошли за ним на кухню. Я зашагала следом, но госпожа Чийомэ остановила меня сухой ладонью на плече.

— Моя белочка, ты потребуешься как свидетель. Ты готовить не будешь.

— Снова, — буркнула Тоуми, но в этот раз была рада уйти на кухню.

Госпожа Чийомэ приподняла бровь и покачала головой.

— Рисуко, идем. Если мои гости будут наряжаться для роли судий, мне нужна твоя помощь, чтобы я выглядела внушительно. Миэко занята. Идем.

— Да, госпожа.

\* \* \*

Госпожа Чийомэ не нуждалась в помощи. Я держала медное зеркало, пока она освежала белый макияж и наносила румяна. Потом я помогла ей надеть тяжелое шелковое кимоно — черное с узором со скрещенными ветвями ивы, вышитым золотой нитью. Над сердцем был белый диск Полной Луны.

Она оделась и повернулась ко мне.

— Скажи, Рисуко, что именно произошло?

Я вздохнула и описала все, что видела с момента, как покинула похороны, до момента, как ударила в гонг. Говорить было почти нечего.

Она сжала переносицу.

— И это не отвечает на вопросы о монахе.

— О, — монах. Я забыла о нем. — Думаю, он шпион. Наверное, для Ходжо.

— Да? — она издала смешок, звучащий сдавленно. — Почему ты так говоришь?

— Ну, — я старалась вспомнить мысли, которые казались ясными, пока я играла на сямисэне. — Он явно шпион. Иначе зачем ему список отрядов Такеды?

— Ему мог понравиться рисунок милых девушек? — она рассмеялась. — Нет. Думаю, ты права насчет этого. И почему для лорда Ходжо?

— Ну, — я посмотрела на ее карту, отыскала Полную Луну и посмотрела на север. — Сачи-сэнсей сказала, что у него акцент как из Устья, — я указала на точку, отмечавшую город среди оранжевых камней.

— Так и сказала?

Я кивнула.

— Она из провинции Арсенал, Чийомэ-сама?

— О, да. Я нашла ее там во время первых поездок за наемниками. Ее в Морском берегу, — она указала на маленькую точку на полуострове у Устья, — и Хоши в другой половине Темного Письма, на территории Уэсуги, — она указала туда, где армии Уэсуги были представлены желтым цветом на западе от нас. — Если кто и мог заметить человека из Арсенала, то это Сачи. Она сама — доказательство, что то, что ты — шпион и из провинции Арсенал, ты не обязательно работаешь на Ходжо Уджимасу.

— Точно, госпожа.

— Но твои догадки звучат убедительно.

Я посмотрела на провинции вокруг Темного Письма, где находилась Полная Луна.

— Уэсуги и Ходжо — союзники, госпожа?

— Ты так думаешь? Нет, Ходжо был нашим союзником, как и Имагава. Но когда Имагава стал падать, Ходжо стали биться с нами обоими и Уэсуги за провинции в центре Хонсю. Темное Письмо, конечно, и Дикие Высоты, — она обвела провинции пальцем. — Это как группа голодных собак, бьющихся из-за того, кто съест бедную белку, — она подмигнула мне. — Конечно, лорд Такеда — не собака, а тигр.

Я смотрела на камни, разложенные, как в разноцветной игре в го. Голова кружилась.

— Теперь, Рисуко, пока мы не спустились на суд, скажи: кто, по-твоему, убил бедную девочку?

«Маи», — подумала я, но, конечно, не сказала.

— Я не знаю, госпожа, — ответила я, но все еще думала о раннем подозрении. — Торай, повар лорда — он был в крови, госпожа.

— Да, — вздохнула она. — Я слышала твои обвинения, когда мы прибыли. Конечно, как он сказал, он разделял куриц. Но зачем ему это делать? Ты видела их вместе?

Я подумала об этом. Ки Сан запрещал Маи и Шино входить на кухню, и Маи была изгнана в Убежище с убийства Торимасы — почти все время, пока Такеда были в Полной Луне. Я редко видела Торая вне кухни.

— Нет, госпожа, — я видела повара Такеды в Главном зале, и он говорил... — Я видела, как он говорил с монахом, госпожа.

— Хм. Да. Интересно, — она кивнула. — Идем, Рисуко. Пора получить ответы.

## 25 — Белый песок, белый снег

Мы спустились в Главный зал, который изменили Миэко и другие женщины. Столы сбоку сдвинули к стенам, главный стол накрыли, чтобы он служил как платформа, а все украшения — миски цветов, свитки на стенах и прочее — пропали.

И перед главным столом они сделали круг белого песка.

— Ах, молодцы, — сказала госпожа Чийомэ Миэко. — Давно этот зал не использовался для суда.

Миэко поклонилась.

— Спасибо, госпожа. Да. Семь лет.

— Да, — вздохнула Чийомэ-сама. — Я надеялась, что после того раза мы больше не будем проводить тут суд.

Я хотела спросить, что случилось семь лет назад, но двери зала открылись, и вошли два лорда, а за ними — их солдаты, не только офицеры, но и многие самураи и простые солдаты из обоих лагерей, как и куноичи. Португальский священник и Джолало скользнул к дальней стене у закрытых дверей кухни.

Лорд Такеда и лорд Матсудаира прошли к главному столу, к ним присоединилась госпожа Чийомэ. Они поклонились друг другу.

Я повернулась к двери, последними вошли Братишки, державшие монаха Джункейшо между собой, обмякшего, как мертвая курица.

Он был почти неузнаваем. Белое одеяние испачкала трава, грязь и, похоже, кровь. Наверное, его кровь. Он окинул зал взглядом, только это двигалось на его лице, покрытом грязью и травой, а еще — синяками.

Ладонь сжала мой локоть, потянула меня к центру зала, и я чуть не ответила (как прошлой ночью) жестокостью, но голос Сачи-сан, необычно серьезный, шепнул мне на ухо:

— Идем, Рисуко. Ты должна быть готова дать показания.

Ох. Я дам показания. Было плохо рассказывать лорду о том, что я видела, но делать это

при всех...

Я поежилась.

Сачи сжала мой локоть и отпустила.

— Ты будешь в порядке.

— *Хай*, — пыталась сказать я, но прозвучало как скуление. Я вдохнула. — Сачи-сэнсей?

— Хм? — она следила за госпожой Чийомэ, говорящей с лордом Такеда.

— Что случилось семь лет назад?

— Семь лет? — она все еще смотрела на нашу госпожу и двух лордов, которые садились, но с таким достоинством, что казалось, что платформа поднималась к ним.

— Чийомэ-сама и Миэко-сан говорили о прошлом разе, когда Главный зал использовали для суда?

— О! — она прикрыла свою улыбку, которая была неуместной в зале серьезных мужчин и женщин. — Да, убили слугу госпожи Чийомэ, Ошители. Это было ужасно, — она склонилась и зашептала мне на ухо. — Конечно, он был ужасным, как оказалось, но...

Она не успела все мне рассказать, Баба-сан, капитан Такеды, рывкнул:

— Сидеть!

Все мы сели.

Госпожа Чийомэ посмотрела на лорда Такеду, потом на лорда Матсудаиру. Оба кивнули, и она посмотрела на собравшихся, ее лицо было мрачным.

— Одну из моих девочек убили, — шепот пронесся по залу, но она продолжила, заглушая его. — Кто-то убил ее, жестоко и грязно. И это второе убийство в моем доме за последние несколько дней. Мы с моими лордами проводим суд, чтобы раскрыть, кто совершил эти преступления, чтобы виновный пострадал за преступления. Это понятно? — последний вопрос прозвучал низким волчьим рычанием.

Все солдаты пробормотали, что понимали.

Шино шмыгнула носом.

— Хорошо, — она не была рада, но госпожа Чийомэ редко выглядела счастливой, и я не винила ее за недовольство в тот миг. Она указала на пол перед ней. — Песок тут белый, чтобы представлять чистоту. И правду, — она склонилась. — И это, конечно, цвет смерти. Если мы вызовем вам сесть тут на колени, придерживайтесь, пожалуйста, правды, иначе придет смерть.

Тихое оханье, хмыканье, мрачные смешки и шипение удивления наполнили зал, но мы все прошептали, что поняли.

Зная, что я буду сидеть на песке, я пыталась успокоить дыхание, которое пыталось сбежать из моей груди.

Сачи еще раз сжала мой локоть, успокаивая меня. Это не помогло, но я ценила попытку.

Как только в зале стало тихо, госпожа Чийомэ продолжила:

— Мы начнем с убийства этим утром, раз преступление свежее и поднимает много вопросов без ответа, — она поклонилась мужчинам по бокам от нее. — Мои лорды, я знаю... знала жертву, так что могу я вызвать первых свидетелей?

— Конечно, Чийомэ, — сказал Такеда-сама с кивком.

Матсудаира-сама кивнула и добавила:

— И мы зададим вопросы, конечно.

Наша госпожа поклонилась еще ниже.

— Конечно, — она посмотрела на зал, ее взгляд упал на меня (я подавила вскрик), но

прошел мимо. — Шино. Ты знала жертву лучше всех. Пройди и сядь на колени.

Шино стояла миг, покачиваясь. Хоши провела ее и помогла сесть на колени в песке, а потом отступила к Сачи. Шино встряхнулась, как мокрая собака, вдохнула и прижалась лбом к песку.

— Госпожа. Мои лорды.

Его голос был тихим и якобы нежным, лорд Матсудаира сказал:

— Назови двору свое имя и откуда ты знала жертву.

— Меня зовут Шино, мой лорд, — она смотрела на песок, сцепив ладони на коленях, а ее тихий голос был ровным. — М... жертва и я пришли в Полную Луну в одно время, три лета назад. Госпожа Чийомэ нашла нас во время поездки на юг. Я из деревни в провинции Фонтана, и она была из города в Изгибе Реки. Мы учились тут с тех пор и стали старшими посвященными прошлой зимой.

Когда внезапно упала Фуюдори.

Лорд все еще нежно спросил:

— Так вы были друзьями?

Я видела, как ее плечи напряглись, потом расслабились.

— Мы делили матрац, мой лорд.

Она не сказала, что они делали это, потому что ни одна не могла позволить другой преимущество.

Голос лорда Такеды был выше, звучал грозно:

— Ты сказала нам, что жертва не могла убить моего лейтенанта.

— Да, мой лорд.

— Ты все еще так думаешь?

— Да, мой лорд, — Шино впервые подняла взгляд, и я видела по прямой линии ее спины, что она снова стала раздраженной, как всегда. — Мы с ней делили матрац полгода. Она не могла покинуть его, не разбудив меня.

Такеда-сама прищурился.

— Если вы не покинули его вместе.

— Мы не покидали, мой лорд.

— Может, ты убила моего лейтенанта, а потом свою сообщницу, чтобы прикрыть преступление.

— Я... — плечи Шино приподнялись, словно она хотела взять один из своих ножей.

Госпожа Чийомэ подняла руку. Ее голос прозвучал как рычание:

— Помни, где ты, Шино. Помни, с кем ты говоришь, — старушка взглянула не на того лорда, который обвинял Шино, а на того, который не знал, что мы, девушки Полной Луны, учились не только ритуалам для службы старых богов.

Она не могла раскрывать всю правду.

— Простите, — буркнула Шино. Я смотрела, как ее плечи опустились, хотя с усилием, чтобы ее поза снова напоминала служанку, подающую чай. — Мой лорд. Мои лорды. Я и... Мы не могли такое сделать. И точно не так.

Я слышала намек, что они были способны убить Торимасу, но если бы они это сделали, то не в такой глупой манере, изобразив, что это было самоубийство.

Госпожа Чийомэ и лорд Такеда кивнули, понимая ее, как и я.

Зная Шино и Май, я полагала, что они убили бы его жестоко, а потом бросили бы тело там, где оно стало бы проблемой для кого-то еще.

Смерть Май была жестокой, но разве Шино повесила бы свою соперницу как свинью или козу, чтобы ее кровь текла у нашей спальни? И ее попытка выглядеть вежливо сейчас была потолком способностей Шино играть. Шино умела рычать, рывкать и ворчать. Но изображать слезы, когда она видела тело Май?

Нет. Шино не могла это сделать. Я кивнула от ее слов и увидела, что Такеда-сама и Чийомэ-сама тоже так сделали.

Лорд Матсудаира тоже кивнул, но он не знал, что умели Шино и Май, так что будто пытался успокоить оставшуюся сэнпай.

— Мы должны задать эти вопросы, чтобы разобраться в этой трагедии.

Шино поклонилась.

— Конечно, мои лорды. Госпожа.

Лорд Матсудаира продолжил:

— Ты делила с ней матрац прошлой ночью?

— Нет, — боль проникла в ее голос. — После смерти лейтенанта вчера утром госпожа Чийомэ отослала ее в Убежище.

— Убежище? — спросил лорд Такеда.

Госпожа Чийомэ объяснила:

— Домик в дальней части лагеря, где наши женщины проводят время каждый месяц.

— О, — лорды выглядели так, словно пытались скрыть отвращение. Они с таким не имели дела, ведь в их армиях были мужчины. — Конечно.

Госпожа Чийомэ кисло улыбнулась.

— А еще мы там запираем нарушителей спокойствия. Шино, ты же видела жертву прошлой ночью?

— Да, госпожа.

— Почему же?

— Ну... — плечи Шино напряглись, но в этот раз она будто защищалась, а не готовилась к атаке. — После службы по лейтенанту я принесла ей немного... выпить. Я знаю, что тяжело весь день находиться в Убежище, а еще хуже — быть одной.

Госпожа Чийомэ рассмеялась.

— И ты принесла ей рисовое вино.

— Эм. Да, госпожа. Но... У нее уже было вино. Думаю, Ки Сан послал ей немного ужина.

«Не так много бутылок!» — кипела я.

Госпожа Чийомэ ухмыльнулась.

— Ясно. И она говорила с тобой? — Шино не ответила, наша госпожа снова рассмеялась. — Вы поссорились?

— Нет! — простонала она. — Нас просто... занесло. Немного. Мы... Я выбежала из Убежища. Тогда я видела ее в последний раз, — слезы сдавили ее голос. Напряженные плечи теперь дрожали, а спина изогнулась, как лук перед выстрелом.

— Да, — Чийомэ-сама подняла бумагу с рисунком Май. — Она показала тебе этот свиток?

Шино теперь открыто плакала.

— Да, госпожа.

— Это ты, да? На этих рисунках?

— Да, — всхлипывала Шино.

— И это тебя... занесло?

— Да.

Лорд Такеда вмешался.

— Она показывала тебе другую сторону?

Шино вздрогнула, икнула, но ответила просто:

— Нет. Нет, мой лорд. Зачем?

Он скривился.

— И когда ты убежала, ты понесла этот свиток к погребальным кострам, чтобы его сожгли.

— Да, мой лорд.

— Зачем?

— Потому что... это смущало, мой лорд. Что она... и я была расстроена, как я и сказала, и подумала, что сделаю рисунок частью жертвы.

— И ты не знала, что было на этой бумаге?

— Нет, мой лорд.

— Кто-то может подтвердить, что она была жива, когда ты ушла?

Шино снова икнула.

— Когда я убежала из Убежища, я увидела Миэко-сэнсей и Рисуко-чан. Рисуко побежала за мной, но, думаю, Миэко-сан пошла поговорить... с ней.

Госпожа Чийомэ кивнула.

— Я бы хотел вызвать Миэко подтвердить это. Шино, ты...

— Простите, госпожа Чийомэ, — вмешался Матсудаира-сама. — Можно задать вопрос? — она кивнула, и он повернулся к Шино, которая снова сдерживала слезы. — Девушка, у жертвы есть враги?

Острый голос в моей голове сказал: «Все, кто ее встречали!». Он звучал подозрительно как Тоуми.

Но Шино покачала головой.

— Нет. Она со всеми ладит. До того, как появились Такеда... Мой лорд, она была дружелюбна с вашим лейтенантом, Сакай-саном. Но потом она была дружелюбна с мертвым лейтенантом. Думаю, Сакай-сану это не понравилось, — она опустила голову. — Мой лорд.

— Точно, — вздохнул лорд Матсудаира. — Сакай, мы, скорее всего, поговорим с тобой. Но, госпожа Чийомэ, вы хотели вызвать свою девочку, Миэко?

— Да, мой лорд. Шино, с тобой пока закончили. Но мы можем еще задать вопросы, — Хоши прошла вперед и помогла рыдающей Шино уйти от песка.

Ее место заняла Миэко, которая подтвердила слова Шино, что мы с ней видели, как Шино убежала. Миэко прошла и уложила Май спать.

— Она была очень расстроенной.

«Она была очень пьяна», — подумала я, но понимала, почему Миэко не раскрыла это.

Лорд Такеда отпустил Миэко, радуясь, что не нужно было держать одну из лучших убийц на белом песке перед лордом Матсудаира. Он посмотрел на меня.

— Кано-сан, пройди вперед.

Мои колени будто наполнились водой. Сачи отвела меня к белому участку песка. Я благодарно кивнула учительнице и опустилась на колени.

Лорд Матсудаира спросил:

— Кано?

— Да, мой лорд. Меня зовут Кано Мурасаки, но все зовут меня Рисуко.

Он приподнял брови — наверное, у него был вопрос о моем отце, но он отмел его.

— Ах. Ты побежала за Шино.

— Да, мой лорд.

Я подтвердила слова Шино, сказала, что видела Май живой, пока приносила ей еду в Убежище.

— И ты видела эту бумагу в Убежище? — спросила госпожа Чийомэ, подняв свиток.

— Да, госпожа. Когда приносила ей ужин прошлой ночью.

— Да, — вздохнула она, — это видно по пятнам жира. И ты видела эту бумагу снова?

— Да, госпожа. Я видела, как монах убрал ее в рукав на похоронах.

— Точно, — она пронзила хищным взглядом мужчину между Братишками. — Тебя мы тоже слушаем.

Бодрый священник заскулил.

Госпожа Чийомэ повернулась ко мне, взгляд был пристальным.

— Ты знаешь, что на этой бумаге? — я нахмурилась, она фыркнула. — Нет, дитя, не рисунки, хоть они милые. Другая сторона.

Я посмотрела на нее, потом на лорда Такеду. Они хотели, чтобы я раскрыла эту тайну при лорде Матсудаире?

Такеда-сама кивнул.

— Думаю, там описание нынешней боевой силы армии Такеды, — все в зале охнули. Я услышала за собой, как Джолало говорил со священником на своем певучем языке. Я продолжила. — Я уверена, что покойный лейтенант проник в Полную Луну в ночь, когда он умер, чтобы оплатить долг. Думаю, он спрятал это в кладовой перед смертью, и жертва нашла ее, когда брала постельное белье для Убежища, госпожа.

Шепот наполнил зал за мной. Капитан Баба прервал их, прорычав: «Тихо!».

Как только стало тихо, госпожа Чийомэ приподняла бровь, глядя на меня.

— Очень интересные замечания, Рисуко, и мы рассмотрим их внимательнее. Но теперь я хотела бы, чтобы ты сказала нам, как ты нашла тело.

Я поежилась, но рассказала им о том, как покинула похороны в поисках Май, но увидела Убежище пустым, а потом нашла ее повешенной за кухней.

Оба лорда смотрели на меня хищно, но госпожа Чийомэ склонилась и прорычала:

— Ты убила ее, Рисуко?

— Что? Нет! Я не могла... тот, кто убил ее, был бы в крови! — я вытянула руки, более-менее чистые, а потом указала на голубую накидку. — Я в этом с тех пор, как оставила вас на похоронах, госпожа, клянусь. Убийца стоял в... Вы видели брешь в крови. И, когда я нашла ее, я загремела в гонг. И я не могла ее поднять! И...

Лицо Чийомэ-сама смягчилось.

— И снова разумные слова, моя белочка. Но, как сказал лорд Матсудаира, мы должны задать вопросы. Мы подтвердим твои слова, но ты — сомнительный подозреваемый. Да, мои лорды? — они покачали головами, и она крикнула. — Эй, ты! Иностраный мальчик у двери.

Через миг Джолало ответил:

— Я, да, сеньора?

— Да, мальчик, ты. Скажи поварам, что нам нужно, чтобы они пришли и подтвердили историю Рисуко, ладно?



— Да, сеньора, — я услышала знакомый скрип двери кухни, когда он прошел за нее.

— Прошу! — охнул почему-то монах, но вылетела лишь половина слова, и ему закрыли рот. Наверное, рука одного из Братишек.

— Теперь, Рисуко, пока мы ждем, ты говорила о дальнейших предположениях насчет того, для кого шпионил наш болтливый монах.

Монах издал приглушенный протест.

Матсудаира-сама хмыкнула.

— Надеюсь, госпожа, милорд-губернатор Достоинства, что вы не ожидаете, что в этом вовлечены Матсудаира.

Лицо лорда Такеды оставалось маской, а госпожа Чийомэ подняла раскрытую ладонь.

— Нет, мой лорд. Моя юная белочка и ее учитель раскрыли улики другого преступника. Рисуко?

Я рассказала им о том, что Джункейшо был из провинции Арсенал, и его не видели поблизости последние дни, и я думала, что он мог быть шпионом для лорда Ходжо.

Я ощутила, как толпа за мной повернулась к монаху, бормоча что-то, похожее на угрозы.

Я помнила, как Сачи-сэнсей хихикала, показывая, как чарами выведать у мужчины информацию. «Солдаты не любят шпионов. Даже милых!».

Джункейшо не успели порвать, входная дверь Главного зала открылась, и двое мужчин вошли — часовой Матсудаира и мужчина в лохмотьях.

— Генерал, — сказал мужчина в броне, — Кобаяши пришел сдаться.

## **26 — Пустое синее небо**

За Кобаяши и стражем я увидела участок неба, голубого, но с собирающимися облаками. Может, пойдет дождь.

Он хотя бы смочит кровь бедной Майи. Я поежилась.

Госпожа Чийомэ шепнула:

— Рисуко, с тобой пока закончили. Матсудаира-сама поговорит со своим дезертиром, и мы можем задать ему вопросы, — я вскочила на ноги, радуясь уйти на кухню, и она добавила, фыркнув. — И оставайся с Сачи. Ты еще не соскочила с крючка.

С крючка. Я поежилась, но прошла к учительнице музыки, пока часовой вел Кобаяши к белому песку.

Он кивнул мне, пока шел мимо, и встал на колени перед тремя судьями. Он коснулся лбом песка, и лорд Матсудаира прорычал:

— Где ты был, Кобаяши?

Лицо бывшего стража было печальным, щеки впали, но в глубоко посаженных глазах была решимость. Не поднимая головы, он сказал:

— Я бросил свой пост, мой лорд.

Люди за мной загудели, напоминая гром, и стало ясно, что солдатам не нравились дезертиры, как и шпионы.

— Это так, Кобаяши? — лицо генерала Матсудаира снова смягчилось, сочеталось с печалью Кобаяши. — Ты не делал такого за все годы службы мне, во всех наших боях. Почему сейчас?

Снаружи пророкотал настоящий гром, а за ним раздался влажный стук дождя.

Спина Кобаяши выгнулась, потом стала плоской, но его лоб был прижат к песку.

— Мой лорд... вы помните осаду замка, мой лорд?

— Конечно. Это был мой первый настоящий бой. Я бы не смог это забыть, — лорд кивнул мужчине перед собой. — Ты был тогда одним из моих стражей.

— Да, мой лорд. Помните, когда появился Ода, некоторые из наших солдат в панике убежали в лес?

— Да, Кобаяши, конечно. Я помню и это.

— Помните, что я сказал вам, когда вы хотели поехать за ними и убить их?

Матсудаира-сама вздохнул и взглянул на старшего из капитанов, Хаттори. Он пожал плечами.

— Да. Ты сказал, что люди не всегда могут управлять тем, куда их понесут ноги, когда перед ними мечи и пики.

— Да, мой лорд. И я сказал, что, если вы уедете в лес разбираться с ними, люди останутся без командира.

— Это был хороший совет. К чему ты клонишь?

— Когда я проснулся на другой день и понял... что я сделал, я был удивлен тем, куда меня привели ноги. Отмечу, мой лорд, что некоторые из убежавших в лес тогда находятся за мной сейчас, и они были одними из лучших ваших солдат.

— Да, Кобаяши. Но они не пили отравленное вино на посту, и хоть они бросили свои посты, это было в бою.

— Да, мой лорд. Я знаю, мой лорд.

— Тогда, Кобаяши, как солдат, который служил мне всегда хорошо до этого, скажи мне, почему? — голос генерала гремел от подавляемого гнева, хотя его лицо осталось печальным. — И почему ты решил вернуться, раз сбежал?

— Та девочка за мной, мой лорд. Она и ее подруга, — оба лорда и их капитаны посмотрели на меня, приподняв брови. Я поклонилась, и они повернулись к Кобаяши. — Они нашли меня, когда я прятался в горах, и рассказали, что случилось с офицером, обманувшим меня, и другим часовым. Что лейтенанта убили. И они сказали, что вы расследовали убийство. Сказали, что у меня был долг... — его голос стал сдавленным. — Я еще не отворачивался от долга, мой лорд. Никогда. Я не мог оставаться в пещере, зная, что мне нужно было сделать, даже если это последнее, что я сделаю. Наверное, так и будет. И я вернулся, мой лорд. Мои лорды. Чтобы помочь. И принять последствия того, что я сделал.

— Ясно, — вздохнул лорд Матсудаира.

Госпожа Чийомэ кашлянула.

— Простите, мой лорд. Этот мужчина может знать важные улики о двух убийствах, мы можем его допросить?

Генерал махнул рукой.

— Два убийства? — Кобаяши впервые поднял взгляд.

— Да, — сказала Чийомэ-сама. — Два. Мужчина, опоивший тебя, и одна из моих девочек.

От ее тона я вздрогнула, и не я одна. Один из солдат за мной кашлянул, чтобы прикрыть вскрик.

— Кобаяши... так тебя зовут, да?

— Да, кхм, госпожа.

— Хорошо. Что ты знаешь об этих убийствах?

— Ничего о втором, клянусь, — все еще кланяясь, он повернул голову ко мне. — Это не была твоя хмурая подруга?

Я покачала головой.

Он кивнул, закрыл глаза, а потом посмотрел на госпожу Чийомэ.

— Ваши девочки спрашивали, слышал ли я, с кем говорил мертвый офицер...

Эми спросила, был ли это Сакаи-сан.

— И я сказал, что слышал, как он спорил с кем-то о деньгах. Я не узнал голос. Он был сухим и гнусавым, — он выпрямился и повернулся к Джункейшо. — Я пробрался на службу прошлой ночью и слышал Уважаемого, и когда я проснулся этим утром, я подумал, что этот голос был похож.

— Как у монаха? — спросил лорд Такеда, прищурившись, глаза были яростными.

Глаза монаха и рот широко раскрылись. Его лицо было бледным за грязью и травой.

Кобаяши кивнул.

— Да. Но потом я понял, что голос был немного другим, хотя похожим. Я слышал его во дворе, пока мы были на страже.

Дверь кухни сдвинулась, и Джолало привел трех поваров в зал, чтобы они поддержали мои слова.

Кобаяши удивленно фыркнул и указал на прибывших.

— Это вон тот!

Ки Сан поднял взгляд в шоке.

— Я?

— Нет! — Кобаяши издал невеселый смешок. — Не он! Низкий!

Торай поднял голову, смятение и настороженность исказили его лицо.

— Брат! — крикнул монах. — Беги!

Повар стал пятиться к двери кухни.

— Торай, — прорычал Такеда-сама, глядя на него. — Что ты сделал?

Все собравшиеся глядел на повара Такеда, который стоял и глядел.

Не застыла только Шино, которая прошла между солдат и взвыла Тораю:

— *Ши-нэ!*

Торай тут же схватил Шино и повернул ее. Он поднял тонкий нож к ее горлу.

— Всем назад, или она...

Он выбрал не ту девушку для угрозы. У нее не было навыков бедной Майи с удавками и ножами, но Шино была опасна в близком бою. Она схватила ладонь, держащую нож, и укусила с силой запястье, потом вонзила локоть в живот повара сильнее.

Мы не тренировали такое в зале против Аимару, но прием сработал. Торай с визгом выронил нож, когда Шино впилась зубами в его руку, а потом сжался, локоть выбил из него воздух.

— Хорошо сделано, — прошептала Сачи.

Солдат Такеды рядом с ней согласно хмыкнул.

Торай еще не упал, Ки Сан и Кумо схватили коллегу и передали его двум офицерам — лейтенанту Такеды, Итагаки, и лейтенанту Матсудаиры, Сакаи.

Такеда-сама прорычал:

— Приведите двух братьев сюда, — повара и монаха привели, и он спросил у Матсудаиры-сама. — Мы можем завершить дело твоего дезертира позже?

— Конечно.

Госпожа Чийомэ подмигнула мне и добавила:

— Может, мы сможем снова послушать мою белочку. Думаю, она сможет пролить свет

на то, что делали два хулигана.

Я прошла с дрожью вперёд. Кобаяши покинул песок и встал недалеко от меня. Его щеки все еще были впавшими, а взгляд — опущенным, но он стоял прямо, как солдат, впервые с тех пор, как я его видела.

Я встала на колени в белом круге — уже не ровном — и коснулась снова головой песка.  
— Мои лорды. Госпожа.

Я подняла взгляд, лицо госпожи Чийомэ напоминало кошку.

— Рисуко, расскажи моим лордам, что ты нашла в палатке мертвого лейтенанта, когда забирала его вещи для похорон.

— Записки о долге, госпожа, на много денег.

— Верно, — она подняла обрывки бумаги, — и сумма тут — несколько золотых кошукин.

— Да, госпожа.

— И кому лейтенант задолжал такие большие суммы.

— Многие записки были о ком-то, чье имя начиналось с Т.

— Как Торай, например?

— Да, госпожа.

Госпожа Чийомэ кивнула лорду Такеда, который приказал капитану Бабе обыскать вещи повара. Капитан взял двух солдат и вышел под дождь. Пустое синее небо утром пропало, сменилось серой влагой.

Они ушли к мужской спальне, и госпожа Чийомэ попросила меня повторить для лорда, почему я подозревала монаха. Я снова описала, как монах забрал свиток, и как он говорил с Сачи-сэнсей о том, что был из провинции Арсенал.

Лорд Матсудаира сказал:

— Да. Мы уже это знаем.

— Конечно, мой лорд, — сказала Чийомэ-сама с поклоном. — Рисуко, скажи: ты видела, как монах и повар Торай общались в последние несколько дней?

Я обдумала это.

— Да, госпожа. Монах пришел в зал и пытался пройти на кухню, Торай вывел его наружу. А вчера днем, когда мы принесли вещи мертвецов для похорон, они спорили. Когда Эми, Тоуми и я подошли ближе, они сказали, что спорили из-за рисового вина. Торай-сан сказал, что мы не могли выделить вино, но Джункейшо-сан сказал, что оно было важным для церемонии. Но у нас много сакэ, и на церемонии ничего такого не было!

— Не было, — сказала госпожа Чийомэ. — Рисуко, я хочу, чтобы ты рассказала: во дворе, когда ты обнаружила тело моей девочки, почему ты обвинила Торая в убийстве?

Я думала старательно, представляя ту ужасную сцену.

— Он был в крови, конечно.

— Это была кровь курицы! — завопил Торай за мной.

— Тихо! — прорычал лорд Такеда. — Было что-то еще, девица?

— Ну... прошлые дни он вел себя очень... — я закрыла глаза, чтобы сосредоточиться, воспоминания мелькали перед глазами. Я охнула. — Он постоянно уходил из кухни, мои лорды. Ходил в кладовую, — я повернулась к нему. Как и часто, на кухне, он кривился от гнева. — Он пытался найти бумагу со списком отрядов Такеда, мои лорды! — теперь его лицо сжалось от страха. — Это он и... его брат, видимо — об этом они спорили. Искали бумагу. Они работали вместе, чтобы доставить бумагу к лорду Ходжо.

Лорд Такеда хмыкнул.

— Разумно, девица. Хотя много догадок. Госпожа, мой лорд, давайте допросим предателей.

Я вернулась к Сачи, которая сказала мне, что я постаралась.

Солдаты вытащили монаха и повара вперед и усадили их на белый песок правды.

Джункейшо проскулил. Торай умолял:

— Я никого не убивал, клянусь! Прошу, мой лорд...

Такеда-сама перебил его:

— Я приказал тебе умолкнуть. Если я попрошу снова, Хара отрежет тебе ухо. Я бы сказал ему отрезать тебе язык, но мы хотим услышать твоё признание.

Повар дрожал, простерся вместе с Джункейшо на песке, прижавшись лицом и животом.

Лорд Такеда продолжил:

— К сожалению для тебя, Торай, я уже не доверяю тебе. Мы услышали достаточно улик твоего участия... Вы — братья?

— Да, мой лорд, — сказали мужчины в песок.

— И вы сговорились украсть мои военные тайны для лорда Ходжо?

Миг тишины. Солдаты за мной склонились ближе, чтобы слышать.

Монах сказал дрожащим голосом:

— Да, мой лорд. Торай — наша фамилия, — он стал объяснять, как глава шпионов лорда Ходжо подошел к их отцу прошлой весной в гостинице, которая принадлежала их семье в Посреднике поколениями. Глава шпионов похвалил гостиницу, сожалел, что милое заведение придется сжечь. Лорд Ходжо защитил бы гостиницу — награда семье, управляющей ею — если бы они дали ему нужную информацию. И отец послал своего сына-монаха связаться с другим — поваром, работающим годами в армии Такеды.

Лорд Такеда фыркнул.

— И ты предал меня, Торай? Хотя прошло столько времени?

— Мой лорд, — сказал повар, — прошу... я... у меня не было выбора, — он поднял взгляд, но ему не понравилось отсутствие сочувствия на лице его господина, и он снова рухнул на песок.

Его брат сказал:

— Они уничтожили бы нашу семью, мой лорд. Что еще мы могли сделать?

— Ты мог бы попросить меня о помощи. Мог бороться, — сказал Такеда-сама. — Ты мог умереть. Как сделаешь.

Оба мужчины зарыдали, умоляли госпожу Чийомэ и лорда Матсудаиру вмешаться, умоляли их проявить милосердие.

Пустые лица не проявили милосердие.

Капитан Баба вернулся с горстью обрывков, которые совпадали с записками о долге. В другой руке он нес окровавленный тесак.

— Это было под кроватью Торая.

Лорд Такеда указал на две дрожащие фигуры. Его лицо было непоколебимым, как гора над Полной Луной. Он приказал:

— Пусть их казнят.

## 27 — Кровь призрака

Капитан Баба и его солдаты увели обреченных под гневные крики солдат с обеих сторон. Они пропали в сером ливне, и Братишки закрыли за ними дверь, повернулись к залу.

Их лица, обычно спокойные и в меру веселые, были злыми, как в утро атаки на гостиницу у горы Фудзи.

Лорд Матсудаира вздохнул.

— Думаю, и мне нужно выдвинуть приговор. Кобаяши, опустиись перед нами.

Дезертир прошел к песку, ноги были напряженными. Он сел на колени и поклонился.

Его командир смотрел на него долгий миг, а потом сказал:

— Кобаяши, ты признался, что бросил пост, пренебрег долгом. Наказание за эти преступления, как ты знаешь, смерть.

— Да, мой лорд.

— Ты — обычный солдат, и мне не нужно проявлять к тебе милосердие. Но ты вернулся по своей воле, дал показания и помог госпоже Полной Луны и милорду-губернатору Достоинства искоренить предательство и убийство, хотя не был обязан. И ты долго служил мне, достаточно, чтобы я доверил тебе место в личной страже. И я окажу тебе услугу взамен на годы верной службы, которые ты выбросил: ты можешь выбрать свою смерть.

Кобаяши поднял взгляд через миг.

— Что, мой лорд?

— Я приговариваю тебя к смерти, — сказал он почти тепло. — Но ты выберешь, как ты умрешь. Это лучшее, чем я могу отплатить тебе за то, что ты благородно вернулся сюда.

— С-спасибо, мой лорд.

— О, Кобаяши, не за что. Теперь, пока я не выбрал за тебя, какую смерть ты выберешь?

Кобаяши огляделся, глаза были грустными. Я благодарно улыбнулась, не представляя, как сделать такой невозможный выбор. Он повернулся к платформе.

— Ну? — спросил Матсудаира-сама.

«Повешение — медленная и ужасная смерть, мне говорили. Попасть под шквал камней? Яд? Казнь — милосердно быстрая, но...».

Голос Кобаяши дрожал, но был четким:

— Старость.

Лорд Матсудаира замер. Он выглядел так, словно сунул в рот хурму, а вкус оказался как у кимчи.

— Прошу прощения?

— Я выбрал умереть на службе вам, мой лорд. От старости, — Кобаяши снова поклонился. — Если вы не против, мой лорд.

Солдаты обеих армий вокруг меня пытались подавить удивленный смех. Некоторые преуспели лучше других.

Лорд Матсудаира закрыл глаза и зажал переносицу. Его уши порозовели.

— Ясно, — он взял себя в руки, взглянул на лорда Такеду и госпожу Чийомэ, те кивнули, успешнее сдерживая смех, чем солдаты, но по лицам все было видно. — Встань, Кобаяши. Думаю, ты опаздываешь на пост.

Солдат вскочил на ноги, разбрасывая песок, и низко поклонился.

— Да, мой лорд! Спасибо, мой лорд! — он повернулся, произнес «спасибо» для меня без звука и пошел из зала.

Но его командир остановил его:

— Кобаяши. Ты на испытательном сроке, пока тот приговор исполняют. Если хоть немного оступишься, нарушишь малейшее правило или не выполнишь хоть часть приказа — я передумаю насчет этого... наказания. Это понятно?

Кобаяши поклонился еще ниже и повторил, до того серьезный, что казался глупым:

— Да, мой лорд. Спасибо, мой лорд.

А потом он вышел под дождь, чтобы занять свой пост.

Я пообещала рассказать, как все произошло, не забегать вперед. Но приятно нарушить обещание и сказать, что Кобаяши служил долго и благородно сначала лорду Матсудаира, а потом в бакуфу Токугавы, военном правительстве. Он оставался часовым, пока не поседел, и его впавшие щеки покрыли морщины. Но он решил вернуться и больше не бросал пост.

\* \* \*

Я вернулась на кухню с Ки Саном и Кумо, помогла закончить приготовление ужина — рецепт Торая с безвкусными овощами и жареной курицей, которую Ки Сан решил приправить.

— Не хочется подавать то, что задумал этот *baesinja\**, да?

Мы все согласились, даже Кумо-сан, который был задумчивым.

Тоуми, Эми и Аимару слушали у двери. Мы погрузили курицу в темный перечный маринад, и Тоуми буркнула:

— Знала, что этот низкий *бака* добра не принесет.

Я ожидала, что повара упрекнут ее, но Ки Сан выглядел так, словно соглашался с ней, и Кумо посмотрел на балки, будто искал ответа у трав.

Мы сосредоточилась на приготовлении еды, хотя другие точно думали, умерли ли уже братья Торай, и как это сделали.

Кухню наполнил острый запах жарящейся курицы с луком и имбирем в воке.

Тот ужин был менее тихим, чем приемы пищи до этого — офицеры с обеих сторон зала снова болтали, а Миэко и Сачи с другими куноичи старались общаться бодро, избегая тем убийства и шпионов.

Хоть темные темы не звучали, о них все равно думали. Количество сакэ, которое наливали мы с Шино, показывало, что болтовня и смех прикрывали мрачные мысли.

Шино выглядела пустой. Без души.

— Ты в порядке? — спросила я.

Она даже не рывкнула на меня, как я ожидала, но просто пожала плечами.

Я налила Миэко сакэ, и она шепнула, что встретится со мной у кухни в Час Свиньи, когда другие уснут.

Еда была хорошо приправленной — мы ели на кухне в ту ночь — но мои мысли были так далеко, что я не ощущала вкуса.

Позже, когда мы закончили чистить купальню, Эми озвучила мысль, которая была в моей голове, плавала, как косяк головастика в грязной луже. Она спросила, думали ли мы, что оба Торай были виновны в убийствах.

— Кто еще? — буркнула Тоуми, пока мы наливали горячую воду из ведра в кадку.

Эми задумчиво склонила голову.

— Я понимаю, зачем они убили лейтенанта, ведь он мог их выдать, но почему ее?

У нас с Тоуми не было ответа.

Тоуми и Эми храпели, когда я покинула спальню. За закрытой дверью комнаты старших посвященных плакала Шино, хотя теперь матрац был только для нее.

Я вышла в озаренный луной двор. Крючок был пустым, гравий — чистым. Дождь смыл кровь бедной Май.

Бедная Май.

Я ощущала ее дух в темной ночи. И дух не был счастливым.

Хотя дух Майи никогда не был счастливым.

Миэко смотрела, как я пересекала двор, на миг улыбнулась, хотя ее дух казался не счастливее того, что обитал в пространстве у кухни.

— Идем, — она протянула вакидзаси Масугу. — Идем наружу.

Мы прошли в залитый лунным светом сад за стеной, она вытащила свой меч из ножен и спросила:

— Ощущаешь кровь призрака на шее?

Я вздрогнула и кивнула, вытаскивая короткий меч из ножен.

Миэко посмотрела на гору — на *они*, точнее, скелет медведя, который злобно смотрел на Полную Луну.

— Смерть всегда мучает нас. Даже смерть того, кто нам не очень нравился. Я не знаю, верю ли в призраков, Рисуко-чан, но я верю, что смерть — особенно жестокая — оставляет пятна на наших душах.

— Даже жестокие смерти, которые мы сами устраиваем?

Она отвела взгляд, но ее плечи напряглись.

— О, да, Рисуко. Всегда.

А потом она повернулась, направила разрушительный удар в мое плечо, но я отпрянула и подняла меч, отражая, не давая ее мечу лишиться меня руки. Я не успевала подумать. Я знала, что нужно было остановить ее, и я сделала это.

Мы тренировались, а луна двигалась по небу. Вскоре я увидела, что лицо Миэко блестело не только от отраженного света, но и от пота.

И я промокла.

Она поклонилась мне в конце урока, и голос из теней у стены крикнул:

— Умницы, девицы, — Токимацу-сан, юный капитан Матсудаиры, прошел к нам, его ладонь лежала на рукояти его меча.

Я тут же заняла стойку Восьми Фаз, самую сбалансированную защитную позу.

Но Миэко не напряглась, держала меч одной рукой, не поднимая его.

— Токугава-сан. Это честь. Что привело вас сюда так поздно ночью?

Он пожал плечами.

— Не первый раз я слышал, как сталь бьет по стали в Полной Луне. Прошлой ночью мне стало любопытно, но, когда я проверил, звук доносился изнутри. Этой ночью... — он кивнул на нас и чуть поклонился.

Миэко поклонилась ниже и убрала меч в ножны.

— Я тренировала юную Кано-сан защищаться.

Он взглянул на меня.

— Конечно.

— Рисуко, убери меч, — тон Миэко был бодрым, но я слышала приказ за тоном.

Я так и сделала, но держала ножны в руке, готовая достать оружие.

Токимацу все еще смотрел на меня.

— Кано. Ты случайно не...

Я заставила себя опустить взгляд и поклониться, потом сказала:

— Да, господин. Я — дочь Кано Казуо, — я не смогла сдержать горечь и добавила. — Покойный писарь из провинции Чистоты.

— Писарь, — я выпрямилась и удивилась, увидев, что его глаза были огромными, еще



больше удивил низкий поклон племянника лорда, он убрал руку с меча впервые. — Твой отец был не просто писарем, Кано-сан. Уверена, ты знаешь. Твой отец — причина, по которой я жив, — он выпрямился, взглянул на Миэко. — Как и Масугу.

— Да, — сказала она.

— Я помню тебя, Миэко-сан. Из замка лорда Имагава. С ночи, когда мы с Масугу несли моего капитана, Кацудаму-сана, в его покои, — он прищурился, хотя криво улыбался. — Отравленного.

За все время, что я знала Миэко, я редко видела, чтобы она теряла самообладание. Теперь я слышала, как ее дыхание дрогнуло.

— Я-ясно.

— Да, — ответил он и кивнул на наши мечи. — И я вижу, что девы Полной Луны, как нам говорили, способны защититься, — Миэко начала говорить, но он поднял руку. — Я не поделюсь этими знаниями, Миэко-сан, даже с моим дядей. Но если бы я увидел тебя или Кано-сан тут, как и других милых дев в наряде мико или слуги, недалеко от армии Матсудаиры ил двора моего дяди, я бы посчитал их присутствие подозрительным, понимаете?

Она снова поклонилась.

— Хорошо понимаю, Токугава-сан.

Он ответил на ее поклон своим.

— Хорошо. Я не желаю вам зла, но я верен моему лорду.

— Конечно, — редкие колебания проникли в речь Миэко. — Масугу говорил о вас. Часто. Он... вызван в столицу. По делам долга.

— Ах. Может, я увижу его там. Мы отбудем утром.

Я выпалила:

— Так скоро? — казалось, две армии были тут месяцами, но прошла лишь пара дней, и начало казаться, что две армии будут тут вечно.

Капитан улыбнулся.

— Да, так скоро. Ваш лорд и мой решили, что, раз Ходжо ищет возможности раздвинуть свою территорию с севера, план нападения на запад сейчас помогут только врагу, — он снова поклонился, улыбка стала шире. — Девы, было приятно познакомиться. И, прошу, если вы увидите Масугу раньше меня, передайте ему наилучшие пожелания от меня, ладно?

— Конечно, — ответили мы.

\* — «предатель» с корейского

## 28 — Огр

Следующим утром лагерь Матсудаира гудел, как улей, который пнули. Палатки разбирали, лошадей седлали, броню надевали.

На кухне Кумо говорил мало, смотрел куда-то в сторону.

Впервые офицеры двух армий нарушили ряды, и некоторые солдаты Матсудаиры сидели среди солдат Такеды, а Итагаки сел рядом с Сакай среди Матсудаира.

Джолало-сан смотрел на меня, как собака глядела на кусок еды на столе, желая, чтобы он упал.

Мне было не по себе, если честно. А еще подавали еду только мы с Шино — и Шино двигалась еще медленнее, чем обычно — и когда их чай был выпит, мне пришлось его пополнить.

Джолало все смотрел, пока я наливала генмайча, который мы подавали утром. (Лорд

Матсудаира особенно любил зеленый чай с привкусом жареного риса.)

Когда он стал говорить, священник рядом с ним произнёс слова на их певучем языке, и мальчик с бронзовой кожей стал темнее.

А потом священник сказал почти без акцента:

— Спасибо, дорогая, за твою работу. Мы с Джоао ценим заботу, проявленную тобой и твоей госпожой.

Я моргнула, глядя на него.

— Вы говорите на японском

Он улыбнулся.

— Конечно, да.

— Я думала, Джоалало-сан был вашим переводчиком!

— Ясно, — его улыбка чуть скривилась. — Хотя это понятно, да. Я просто хотел, чтобы он практиковал язык, который для нас очень сложный, да.

— Я... Да. Это понятно.

Джоалало пролепетал:

— Р-Рисуко-сан. Честь, да. Знать тебя, да.

Священник рассмеялся, сказал что-то на португальском, и Джоалало снова покраснел.

\* \* \*

Когда завтрак закончился, я прошла на кухню, чтобы убрать и попрощаться с Кумосаном, глаза которого были пустыми после смерти Май.

Повара Матсудаиры там не было.

— Ушел собираться, — Ки Сан пожал плечами. — И вряд ли тебе нужно прощаться с Фацо. Он сам не свой после вчера.

Я кивнула.

«Из-за его дочерей», — подумала я. И я была сама не своя днями. Я подумала о крови призрака, о которой говорила Миэко, о тяжёлых брызгах ужаса на моей спине...

Очищение.

Я хотела помыться, смыть кровь и жестокость. Не забыть произошедшее с Торимасой, Май, братьями Торай, а избавиться себя от пятна их смертей, как делал мой отец каждый Новый год в небольшом водопаде над нашей деревней.

Когда тарелки были вытерты, а мусор — выброшен, я попросила у повара, могла ли я взять меч Масугу к источнику. Он махнул рукой, не споря.

Я сняла меч с полки. Когда я позвала Тоуми и Эми с собой, они сказали, что не хотели пропустить урок танцев Миэко.

Это чуть не остановило меня.

Я почти хотела этого.

Я прошла по лесу и вдоль ручья с запахом гнилых яиц. Я миновала камни, где поставила подножку Джоалало.

Я старалась думать о хорошем, позитивном, но разум был в крови Май. Там было потрясенное лицо Торимасы. Сжавшиеся повар и монах, которых уводили в дождь.

Лорд Имагава вешал головы предателей над воротами своего замка — кошмарно. Было ужасной радостью не увидеть там голову Ото-сана, но было ужасно не знать, что с ним случилось.

Головы братьев Торай не повесили на воротах Полной Луны. Их увели в дождь, больше их не видели.

Я дошла до пруда и водопада, обезьяны следили за мной, но теперь были недоверчивыми, а не любопытными, хотя мне могло показаться.

Утро было прохладным, но туман водопада был теплым, как всегда, и я сняла накидку и обувь с радостью, разложила их на камнях вместе с ножнами.

Я осторожно прошла ритуалы — вымыла руки, потом клинок, хотя хотела очистить дух.

Как в прошлые визиты, я ощущала взгляд. И это не казалось взглядом ками источника. Это ощущалось как огр в пещере внизу. Кобаяши был, наверное, прав. Это был скелет медведя, оставленный следить за Полной Луной еще до того, как ее построили. Но дух которого я ощущала, был злобным и жестоким, как *они*.

«Покой, — молилась я, благодаря, пытаюсь найти равновесие. — Прошу покоя».

Я не знала, можно ли было успокоить дух огра, но мой дух немного унялся, а потом я услышала звук за собой поверх рева водопада.

Я прервала молитву восьми миллионам духов и повернулась, очищенный меч в моей руке поднимался в стойке.

Джолало на берегу звал меня, прижав ладони ко рту, хотя был в паре шагов от меня.

Встревоженная и любопытная, как белка, какой я всегда буду, я шагнула к нему.

Он напряженно поклонился — правильно, от талии, а не странный поклон с согнутыми ногами и размахиванием рук, как он делал пару дней назад.

— Рисуко-сан.

Я опустила кончик меча, не понимая, что подняла его.

— Джолало-сан?

Он был в черном жилете, коротких штанах и плотных леггинсах, как обычно, но теперь на голове была плоская шляпа из того же тяжелого материала, что и жилетка. Его лицо было румяным, голодным, как за завтраком. Он закрыл глаза на миг, потом сказал:

— Джоао.

— Что, прости?

— Джоао — мое имя, да.

— Джо-лало.

Он заговорил, как с младенцем:

— Джо.

Я повторила послушно, хоть и с сомнениями:

— Джо.

— А.

— А, — я ощущала себя глупо, стоя там, мокрая в нижней рубаше, повторяя за ним слоги.

— О.

— О.

Он кивнул и улыбнулся.

— Джоао.

Я нахмурилась.

— Джолало.

Он вздохнул и закрыл глаза.

— *Mãe de Deus*, — его глаза открылись, стали еще голоднее. Он схватил меня за плечи и раньше, чем я смогла вырваться, отчеканил. — *Amor é um fogo que arde sem se ver, é ferida que doi, e não se sente...*\*

Я стояла, потрясенная, с меня стекала вода.

А потом он шагнул ближе ко мне, его шляпа стукнулась в мой лоб и упала на землю. Я не успела ничего сказать об этом, он прижался губами к моим губам.

Это ощущалось странно. Забавно.

Я хотела оттолкнуть его, остановить, но шок, как холодный мед, замедлил мои мышцы.

Наконец, я подняла левую руку — без меча Масугу — к его груди и, удерживая его на месте, отодвинулась, разрывая поцелуй.

Его лицо было темным, глаза расширились в ужасе.

— *Ора\*\**, - простонал он.

А потом его глаза закатились, и он рухнул на землю.

За ним стоял Кумо-сан, лицо уже не было растерянным или добрым. Он был в ярости. В левой руке он держал камень, которым ударил Джолало. Он поднял правой рукой длинный опасный нож, чтобы рассечь открытое горло Джолало.

— Кумо-сан! — завизжала я. Это не остановило его, он пускал нож, и я, не соображая, отразила его удар.

Это не был точный удар, как Миэко-сэнсей меня учила, но он не дал ножу Кумо рассечь горло Джолало...

...как было рассечено горло Май.

— Кумо-сан?

Он посмотрел мне в глаза, его лицо было маской бездонного звериного гнева.

— Почему? Ты убил Май? — имя вылетело невольно.

— Монстры! — взвыл он, поднимая длинный нож. Я заняла стойку Двух Полей, кончик меча был в дюймах от его живота, и он удивленно отпрянул. Я прошла вперед, перешагнула Джолало, защищая его.

Кумо взглянул на меня и зарычал:

— Монстры. Все вы — монстры! — его толстая грудь вздымалась. — Я думал, ты, Эми и даже та Тоуми, хотя она была немного ведьма... думал, что вы были правильными девочками, хорошими. Но нет, вы бьетесь, ругаетесь и пьете... — он всхлипнул, но поднял нож к моему мечу. — Та девка, та шлюха была пьяной, говорила: «Ты достаточно высокий, Фацо, чтобы сломать его шею, как курице!» — он скривился, скаля зубы. — Пришлось перерезать ей горло, ясно!

Я сглотнула, глядя на его искаженное лицо и нож, и сказала:

— И ты убил лейтенанта.

Еще всхлип.

— Думал, что он хотел напасть на девочку. Я не мог это допустить! — гнев снова пульсировал в нем. — Монстры. Тот офицер Такеда. Этот! — рывкнул он на Джолало, который стонал между моих ног. — Все они! Там нет хороших солдат... хороших девочек...

— Как твои дочери?

— Не смей говорить о них! — он махнул ножом, угрожая мне.

Я старалась не вздрагивать, ждала атаки.

— Монстры, как он, — он кинул на Джолало, — уничтожили мою бедную семью. И монстры, как та девка, — он прищурился, — и ты. Все вы. Монстры. Так что да, я убил ее. Бросил накидку в огонь в купальне и взял новую, убрал нож под матрац Коротышки...

— А потом вернулся, когда я зазвонила в гонг, словно ничего не знал.

Он рассмеялся, но звучало как рык медведя.

— Да. И ты обвинила Торая. Поделом ему. Еще один монстр!

— Но... но он никого не убивал!

— Он был предателем. И шпионом. Он и тот монах получили по заслугам.

— Возможно. А лейтенант тоже был предателем, хотя ты этого и не знал. Но девочка, которую ты убил, не...

— Она была монстром, сказал же! — взвыл он. Он снова оскалился на меня, это не было улыбкой. Я вдруг поняла, почему обезьянки убежали, когда я улыбнулась им. Он поднял нож снова. — Как ты.

Я сжала меч крепче, готовясь к атаке. Я точно могла остановить удар, но только убив большого повара.

— Прощу, Кумо-сан, я не хочу вам вредить.

— Монстр! — завизжал он, поднял меч для горизонтального удара — это было легко остановить, но...

Его голова дернулась, удивленный кашель вырвался из тела с брызгами ярко-красной крови.

Он обмяк на земле, нож торчал у основания его черепа.

Эми потянулась за другим ножом за поясом, ее глаза и рот были полными лунами шока.

Мы смотрели друг на друга, потом взглянули на Кумо, который радостно выдохнул, гнев вытекал из его тела с дыханием и кровью.

Красной.

— Увидела его! — выдавила Эми. — Тоуми увидела, как он пошел за тобой и Джолало, и он казался странным. Она побежала за подмогой, но решила, что я должна...

— Спасибо, Эми, — я обошла мертвое тело, чтобы обнять ее.

Но я не успела, она склонилась, и ее стошнило на мою еще мокрую рубашку. А потом она заплакала.

Пока я пыталась вытереть себя и утешить ее, Джолало застонал и попытался сесть, а потом обмяк на берегу, держась за голову.

— *Ai, minha cabeça!\*\*\**

\* Мать Божья, любовь — огонь, что горит незримо, рана, что болит так, как не страдаешь от реальной раны...

\*\* Ой

\*\*\* О, моя голова

**Эпилог — Отбытие**

Когда Тоуми пришла с Хоши и Миэко, Джолало сидел, еще держась за голову, а я чистила себя в водопаде.

Я даже провела еще раз ритуал очищения — в этот раз для Эми.

И для Кумо-сана, чей печальный труп лежал на камнях, зловещий и пустой, как скелет медведя в пещере.

Куноичи пообещали разобраться с мертвым поваром. Мы с Эми увели шатающегося Джолало вниз по горе.

Он не помнил ничего о встрече у пруда. Когда он попытался узнать, сказал ли мне что-то, то, что он увидел в моих глазах, заткнуло его.

Я не спрашивала у Эми, был ли Кумо первым, кого она убила. Я видела ответ в ее дрожащих пальцах и быстром дыхании.

— Ты хорошо поступила, Эми. Он пытался убить Джолало. Меня. Он был опасен.

Она просто кивнула.

Как и она, я переживала из-за смерти большого повара.

В Полной Луне я вернула Джолало священнику, объяснив, что он ударился головой.

С помощью госпожи Чийомэ я объяснила капитану Токимацу, что повар Матсудаиры был мёртв — и что он убил Торимасу и Май.

Он кивнул с пониманием, хотя взгляд искал ответы на не озвученные вопросы.

Матсудаира ушли так же слажено, как и прибыли — восемьдесят восемь солдат пехоты и дюжина всадников идеальными рядами.

Их сопровождала кавалерия Такеды.

Без повара.

Только два лица повернулись к Полной Луне, когда они спускались по дороге в долину: капитан Торимасу и Джолало.

Но и они быстро пропали.

\* \* \*

Полная Луна казалась пустой, хотя лорд Такеда и его солдаты остались еще на день.

За ужином солдаты гудели, как улей на яблоне. Атака на столицу была отсрочена, и Такеда-сама собирался направить отряды, которые созвал в Высоком Поле, чтобы забрать провинцию Темное Письмо у Уэсуги навсегда. Сам генерал вернется в Достоинство, чтобы наказать Ходжо на северной границе.

После завтрака следующим утром Сачи прошла на кухню и сообщила, что Гора хотел поговорить со мной, Эми и Тоуми.

Нервничая — даже Тоуми — мы прошли в Главный зал и опустились на колени перед Такедой-сама. За ним стояла госпожа и Миэко-сэнсей.

После мига тишины лорд Такеда сказал:

— Кано. Таругу. Ханичи.

— Мой лорд, — ответили мы в унисон.

— Я слышал, что вы втроем решили много проблем в последние дни. Я спросил вас, когда вас впервые привели ко мне, были ли вы дочерьми своих отцов. Теперь я вижу, что вы такие.

Я в шоке подняла взгляд. Тигриная гримаса лорда Такеды заставила меня опустить лицо на бамбук.

— Спасибо, мой лорд, — прошептала я.

Эми и Тоуми повторили за мной.

— Но мне кажется, что, если вы — достойные дочери самураев, то вы заслуживаете восстановления своей чести.

Мы подняли взгляды.

Он разогнал нашу надежду взмахом ладони.

— Не я тот лорд, что лишил ваши семьи чести. Только один даймё может вернуть вам честь. Тот, что подвел ваших отцов: Ода Нобунага.

Мы с Эми старались молчать, но Тоуми не сдержалась:

— О чем вы? Кхм, мой лорд.

Он невесело рассмеялся.

— Я о том, девица, что Чийомэ посылает вашу наставницу Миэко с миссией в столицу, и я предложил ей взять с собой вас троих. Чтобы... завершить ваше обучение. Вы еще не обученные куноичи, но я видел — и ваша госпожа подтверждает — что у вас есть

необходимые навыки. И, когда вы придёте в столицу, получив навыки, которые отточены у Миэко и других, вы сможете, наконец, отомстить за позор своих отцов.

Все ещё низко кланяясь, я посмотрела по бокам. Я видела, что Эми и Тоуми взвешивали слова Такеды-сама и пришли к тому же выводу, что и я: нам приказали убить лорда Оду.

Мы ответили единственное, что могли:

— Да, мой лорд.

Он удовлетворенно хмыкнул и встал.

— Я оставлю остальное вам, дамы, — сказал он и прошёл за дверь.

— Мой лорд, — ответили мы втроем, а ещё госпожа Чийомэ и Миэко.

Когда он ушёл, Чийомэ-сама одарила нас своей знакомой кислой улыбкой.

— Я не думала, что вы отправитесь так скоро. Мы будем скучать по вашим выходкам.

Миэко, проследи, чтобы они были готовы. И... О, я не могу дать вам Братишек, но можете взять с собой Аимару. На всякий случай.

— Да, госпожа, — ответила Миэко.

Госпожа Чийомэ пошла к лестнице в свои покои, но остановилась.

— Девочки. Я говорила, когда взяла вас, что в моих силах дать вам то, что вы даже не знали, что хотели. Это оно. Постарайтесь, и вы вернете честь своим кланам и укрепите честь Полной Луны. Если провалитесь...

Она не закончила.

Она закрыла дверь своих покоев, и Миэко тихо сказала:

— Идемте, девочки. Мы уходим завтра на рассвете.

*Продолжение следует...*

**Больше книг на сайте - [Knigoed.net](http://Knigoed.net)**